

Caspium Securitatis

Журнал каспийской безопасности

Т.1 №2

ISSN 2713-024X

16+

ISSN 2713-024X

CASPIUM SECURITATIS:

Journal of Caspian Safety & Security

Scientific E-Journal

caspiumsecuritatis.ru

Vol 1, No 2

2021

CASPIUM SECURITATIS:

Журнал каспийской безопасности

Научный электронный журнал

caspiumsecuritatis.ru

Том 1, номер 2

2021

EDITORIAL TEAM

Editor-in-Chief	***Anna P. Romanova,*** Dr. Habilitatus in Philosophy, professor, Director of the Institute for Research on Problems of the South of Russia and the Caspian Region; Professor of the Department of Cultural Studies, Astrakhan State University. **Astrakhan, Russia**
Deputy Chief Editor	***Elena V. Khlyshcheva,*** Dr. Habilitatus in Philosophy, professor, Astrakhan State University. **Astrakhan, Russia**
Literary editors	***Lydia G. Zolotykh,*** Dr. Habilitatus in Philology, Professor, Sichuan University. **Sichuan, China** ***Olga Y. Kosmacheva,*** Ph.D., associate professor, Astrakhan State University. **Astrakhan, Russia**
Literary editor of the English version	***Elena A. Yakovleva,*** chief specialist, Astrakhan State University. **Astrakhan, Russia**
Journal manager	***Ilya V. Mametev,*** master's degree, Astrakhan State University. **Astrakhan, Russia**
Editorial Board	***Əli Məmməd oğlu Abbasov,*** Dr. Habilitatus in Economy, Academician of the National Academy of Sciences of Azerbaijan. **Baku, Azerbaijan** ***Alexander N. Barmin,*** Dr. Habilitatus in Geography, professor, Astrakhan State University. **Astrakhan, Russia** ***Baazr A. Bicheev,*** Dr. Habilitatus in Philosophy, Kalmyk Scientific Center RAS. **Elista, Russia** ***Madina B. Gimbatova,*** Dr. Habilitatus in History, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. **Makhachkala, Russia** ***Sergey S. Zhiltsov,*** Dr. Habilitatus in Politics, The Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. **Moscow, Russia** ***Musa M. Ibragimov,*** Dr. Habilitatus in History, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny State Oil Technical University named after Academician M.D. Millionshchikov. **Grozny, Russia** ***Pavel L. Karabuschenko,*** Dr. Habilitatus in Philosophy, professor, Astrakhan State University. **Astrakhan, Russia** ***Ayzhamal I. Kudaibergenova,*** Dr. Habilitatus in History, associate professor, Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. **Almaty, Kazakhstan** ***Natalia L. Kurepina,*** Dr. Habilitatus in Economy, Kalmyk State University. **Elista, Russia** ***Oksana K. Mineva,*** Dr. Habilitatus in Economy, Astrakhan State University. **Astrakhan, Russia** ***Mohammad Tagi Mokhtari Behruz,*** PhD, Islamic Azad University. **Tehran, Iran** **Nail M. Mukharyamov,** Dr. Habilitatus in Politics, professor, Kazan State Power Engineering University. **Kazan, Russia** ***Rafik Kh. Usmanov,*** Dr. Habilitatus in Politics, professor, Astrakhan State University. **Astrakhan, Russia** ***Maria M. Fedorova,*** Dr. Habilitatus in Politics, Institute of Philosophy RAS. **Moscow, Russia** ***Anna V. Fedotova***, Dr. Habilitatus in Biology, professor, Astrakhan State University. **Astrakhan, Russia** ***Reza KHEYRODDIN,*** (Ph.D.), Associate Professor, University of Science and Technology, Director of EASAF Research Laboratory (Engineering Analysis of Spatial Arrangement Factors). **Tehran, Iran** ***Arbakhan K. Magomedov***, Doctor of Political Science, Professor, Moscow State Linguistic University (MSLU). **Moscow, Russia** ***Eugen Străuțiu***, Ph.D. professor Lucian Blaga University of **Sibiu Romania** ***Robert M Cutler*** Dr, Practitioner Member, Waterloo Institute for Complexity and Innovation, University of Waterloo**, Canada** ***Vakhtang Maisaia,*** Doctor of Political Science, Professor, Caucasus International University and Tbilisi State University**, Tbilisi, Georgia.**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	***Анна Петровна Романова,*** д. филос. н., профессор, директор института исследований проблем юга России и Прикаспия; профессор кафедры культурологии, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет". Астрахань, **Россия**
Заместитель главного редактора	***Елена Владиславовна Хлыщева,*** д. филос. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет". Астрахань, **Россия**
Литературные редакторы	***Лидия Глебовна Золотых***, доктор филологических наук, профессор, Сычуаньский университет. Сычуань, **Китай** ***Ольга Юрьевна Космачева***, кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет». Астрахань, **Россия**
Литературный редактор английской версии	***Елена Андреевна Яковлева***, главный специалист, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет». Астрахань, **Россия**
Менеджер журнала	***Илья Валерьевич Маметьев***, магистр, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет». Астрахань, **Россия**
Коллегия редакторов	***Али Мамед оглы́ Аббáсов,*** д. экон. н., академик Национальной Академии Наук Азербайджана (НАНА). Баку, **Азербайджан** ***Александр Николаевич Бармин,*** д. геогр. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет". Астрахань, **Россия** ***Баазр Александрович Бичеев,*** д. филос. н., Калмыцкий научный центр РАН. Элиста, **Россия** ***Мадина Багавутдиновна Гимбатова,*** д. ист. н., Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. Махачкала, **Россия** ***Сергей Сергеевич Жильцов,*** д. полит. н., Дипломатическая академия МИД России. Москва, **Россия** ***Муса Муслиевич Ибрагимов,*** д. ист. н., Академия наук Чеченской Республики, Грозненский государственный технический университет им. академика М. Д. Миллионщикова. Грозный, **Россия** ***Павел Леонидович Карабущенко,*** д. филос. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет". Астрахань, **Россия** ***Айжамал Ибрагимкызы Кудайбергенова,*** д. ист. н., доцент, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч.Валиханова, Национальная академия наук республики Казахстан. Алматы, **Казахстан** ***Наталья Леонидовна Курепина,*** д. экон. н., Калмыцкий Государственный университет имени Б. Б. Городовикова. Элиста, **Россия** ***Оксана Карловна Минева,*** д. экон. н., ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет". Астрахань, **Россия** ***Мохаммад Таги Мохтари Бехруз,*** PhD, Исламский университет Азад. Тегеран, **Иран** ***Наиль Мидхатович Мухарямов,*** д. полит. н., профессор, Казанский государственный энергетический университет. Казань, **Россия** ***Рафик Хамматович Усманов,*** д. полит. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет". Астрахань, **Россия** ***Мария Михайловна Федорова,*** д. полит. н., Институт философии РАН. Москва, **Россия** ***Анна Владиславовна Федотова***, д. биол. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет". Астрахань, **Россия** ***Реза Хейроддин***, Ph.D. доцент, Университет науки и технологий, директор исследовательской лаборатории инженерного анализа факторов пространственной организации. Тегеран, **Иран** ***Арбахан Курбанович Магомедов***, д. полит. н., профессор Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ). Москва, **Россия** ***Юджин Штраутиу***, Ph.D, профессор, Университет Луциана Блага. Сибиу, **Румыния** ***Роберт М.Катлер,*** доктор, Институт сложных систем и инноваций, университет Ватерлоо**. Канада** ***Вахтанг Майсая,*** д. полит. н.**,** профессор Кавказского международного университета и Тбилисского государственного университета, Тбилиси, **Грузия.**

DEAR COLLEAGUES, AUTHORS AND READERS OF OUR JOURNAL

"Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security" is a periodic academic e-journal (without a printed form), which began publication in 2021. It is intended to publish research articles, reviews, information resources, reports of conferences, seminars and other academic materials. The journal is devoted to the safety & security problems of the Caspian region, connected, first of all, with the socio-humanitarian sphere.

The online edition is published four times a year.

The concept of journal is based on an innovative application of the theory of complex and societal security. The editorial team believes that the scope of the concept of societal security is beginning to go beyond the scope of studies in Europe and North America and can be successfully used to solve problems in other territories. The concept of societal security considers a certain space, in this case, the space of the Caspian macro-region, as a single socio-geographic whole, including the water area, in the relationship of its socio-cultural, economic, informational and environmental components. The perception of the Caspian Sea as a separate independent region is especially important at a time when the traditional patterns of Soviet culture are no longer relevant, and new general ones have not yet been formed.

THE MAIN GOAL

The main goal of the e- journal is to create a collective scientific discussion platform, enabling researchers to bring the results of their research in the field of security as such and the Caspian macro-region in particular to general discussion. The virtual platform will make it more convenient to coordinate and further advance scientific research in the field of security of the Caspian macro-region for both Russian and foreign scientists who are interested in the issue.

Since the Caspian macro-region is originally an international space, the editorial board of the journal includes, first of all, specialists from the Caspian states that are directly interested in security of their own home, as well as a number of leading specialists in the field of security from other parts of the world. Therefore, the working languages of the online journal are English as the language of international communication and Russian, since the founder of the journal is a Russian university.

Journal publishes articles on quarterly basis.

No fee for publication is ever charged to users, authors or their organizations.

The Journal charges a fee of 5$ to assign a DOI name.

Best regards,

Editors

Certificate of registration issued by Roskomnadzor: ЭЛ № ФС 77 - 79685 since 27.11.2020

Materials are intended for persons over 18 years old

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ, АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ НАШЕГО ЖУРНАЛА

«Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности» – периодическое научное сетевое издание (без печатной формы), начавшее выходить в свет в 2021 г. В нем предполагается публиковать научные статьи, обзоры, информационные ресурсы, отчеты конференций, семинаров и другие научные материалы. Сетевое издание посвящено проблемам безопасности Каспийского региона, связанным, прежде всего, с социо-гуманитарной сферой.

В основе концепции сетевого издания лежит инновационное применение теории комплексной и социетальной безопасности. Редакционная команда считает, что сфера применения концепции социетальной безопасности начинает выходить за пределы исследований Европы, Северной Америки и может быть успешно использована для решения проблем других территорий. Концепция социетальной безопасности рассматривает определенное пространство, в данном случае, пространство Каспийского макрорегиона, как единое социогеографическое целое, включая и акваторию, во взаимосвязи его социокультурной, экономической, информационной и экологической составляющих. Восприятие Каспия, как отдельного самостоятельного региона особенно важно в тот момент, когда традиционные паттерны советской культуры уже не актуальны, а новые общие пока не сформированы.

ЦЕЛЬ ИЗДАНИЯ

Основная цель сетевого издания – создание коллективной научной дискуссионной площадки, дающей возможность исследователям вынести результаты своих исследований в области безопасности как таковой и Каспийского макрорегиона в частности, на всеобщее обсуждение. Появление данной виртуальной платформы сделает более удобной координацию и дальнейшее продвижение научных исследований в области безопасности Каспийского макрорегиона как российских, так и зарубежных ученых, заинтересованных в данной проблематике.

Поскольку Каспийский макрорегион представляет собой изначально международное пространство, в состав редколлегии журнала вошли специалисты прежде всего из прикаспийских государств, которые непосредственно заинтересованы в безопасности собственного дома, а также ряд ведущихспециалистов в области безопасности из других регионов мира. Поэтому рабочие языки сетевого издания – английский, как язык международной коммуникации и русский, поскольку основателем журнала является российский университет.

Мы выходим ежеквартально 4 раза в год.

Основные отрасли науки, в рамках которых могут быть опубликованы материалы в данном издании:

24.00.00 Теория и история культуры

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

08.00. 05 Экономика и управление народным хозяйством

Но это совсем не означает, что статьи и иные материалы авторов, написанные в других отраслях науки, будут категорически отвергнуты. Мы приветствуем статьи по проблемам безопасности Каспийского макрорегиона, написанные с позиции самых разнообразных наук или на стыке нескольких наук. Статьи проходят отбор и рецензирование, что позволяет повышать качество научного контента издания.

Все статьи публикуются БЕСПЛАТНО, авторский гонорар не выплачивается. Журнал взимает комиссию в размере 300 рублей за присвоение DOI.

С уважением,

редакция журнала

Свидетельство о регистрации выдано Роскомнадзором: ЭЛ № ФС 77 - 79685 от 27.11.2020.

Опубликованные в сетевом издании материалы предназначены для лиц старше 18 лет.

Content

THEORETICAL ISSUES SAFETY & SECURITY

Alexander V. Fedorov

THE CONFRONTATION OF THE SPHERES

OF POWER IN THE MANAGEMENT OF THE INFORMATION SPACE 11

LEGAL ASPECTS OF THE SECURITY OF THE CASPIAN REGION

Rushid. A. Kurbanov, Asia M. Belyalova

INTEGRATION AND CENTRIFUGAL TENDENCIES

IN THE CASPIAN REGION: LEGAL ASPECTS 35

GEOPOLITICAL SAFETY & SECURITY

Sergey B. Pereslegin

CASPIAN SEA MESOREGION:

CULTURAL CODES AND TRANSPORT RINGS..... 43

Magomedemin M. Gadzhiev

ON CULTURAL EXTREMISM AND WAYS TO OVERCOME

ITS MANIFESTATIONS 67

Elena V. Khlyshcheva

THE CASPIAN REGION AS A SPACE OF CULTURAL SECURITY 81

CRITICISM & REVIEWS

Sarakaeva Elina, Lebedeva Irena

REVIEW OF ENCYCLOPEDIA BY IGOR S. ZONN,

ANDREY G. KOSTIANOY, ALEKSEY N. KOSAREV

AND MICHAEL H. GLANTZ «THE CASPIAN SEA ENCYCLOPEDIA» 94

SCIENTIFIC LIFE IN THE CASPIAN REGION

Anna V. Fedotova, Olga Yu. Kosmacheva, Elena M. Kolesnikova

2nd INTERNATIONAL SCIENTIFIC FORUM

«CASPIAN REGION 2021:

WAYS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT» 100

Содержание

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Федоров Александр Валентинович

ПРОТИВОБОРСТВО СФЕР СИЛЫ В ВОПРОСАХ УПРАВЛЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ 11

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

Курбанов Рашад Афотович, Белялова Асия Мидихатовна

ИНТЕРГРАЦИЯ И ЦЕНТРОБЕЖНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ 35

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАСПИЙСКОГО МАКРОРЕГИОНА

Переслегин Сергей Борисович

МЕЗОРЕГИОН ПРИКАСПИЯ: КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ И ТРАНСПОРТНЫЕ КОЛЬЦА 43

Гаджиев Магомедэмин Магомедрасулович

О КУЛЬТУРНОМ ЭКСТРЕМИЗМЕ И ПУТЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЕГО ПРОЯВЛЕНИЙ..... 67

Хлыщева Елена Владиславовна

КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН КАК ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 81

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Саракаева Элина, Лебедева Ирэна

ОБЗОР ЭНЦИКЛОПЕДИИ АВТОРОВ И. С. ЗОННА, А. Г. КОСТЯНОВА, А. Н. КОСАРЕВА И М. Х. ГЛАНЦА «ЭНЦИКЛОПЕДИЯ КАСПИЙСКОГО МОРЯ» 94

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Федотова Анна Владиславовна, Космачева Ольга Юрьевна, Колесникова Елена Михайловна

II МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОРУМ «КАСПИЙ 2021: ПУТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ». 100

THE CONFRONTATION OF THE SPHERES OF POWER IN THE MANAGEMENT OF THE INFORMATION SPACE

Alexander V. Fedorov
Bauman Moscow State Technical University
E-mail: fedorov-av@bmstu.ru

Abstract

The article deals with the problem of Internet governance in the context of international information security, which is quite new for political theory and international law, on a systematic basis.

The advanced development of the technical base of the Internet, the attitude of the absolute majority of users to it as to new, powerful means of communication, without taking into account the conceptually inherent threats and risks, including political and even military ones, sharply complicate the creation of an international system of control over its use. Considered as a generalized concept, the Internet still does not have a clear definition. At the same time, even "advanced" Internet users rarely go beyond the knowledge that these resources, being included in open information networks and using the capabilities of public global communication networks, allow the storage, processing and exchange of information in a telecommunication mode. The question of who and how controls this process is not of interest to many. This uncertainty of the Internet environment is actively used by a number of states and IT corporations to solve their problems at the expense of the common good and public safety. Moreover, attempts to build a system of law in the Internet space as the development of the existing system of international security meets with resistance.

As a result of the analysis of the practice of building an Internet governance system based on the principle of multistakeholderism, the presented article shows that this component of global communication in its current form, although it is caused by natural social and technical processes, acts in the interests of the United States and carries the potential of threats to peoples and countries. whose government policy does not allow Washington to classify them as "democratic" and "friendly". The recent Twitter revolutions are examples of this. Among the goals of their organizers today are the states of the Caspian region and the South of Russia. Accompanying and facilitating globalization, the Internet creates new opportunities and new, including strategic, risks. There are still no international legal mechanisms to prevent them. The development of the latter is an urgent task of modern law and diplomacy.

Keywords: Internet, international information security, cyber security, political process

ПРОТИВОБОРСТВО СФЕР СИЛЫ В ВОПРОСАХ УПРАВЛЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Федоров Александр Валентинович
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Москва, Россия.
E-mail: fedorov-av@bmstu.ru

Аннотация

В статье на системной основе рассматривается достаточно новая для политической теории и международного права проблема управления Интернетом в контексте международной информационной безопасности.

Опережающее развитие технической базы Интернета, отношение к нему абсолютного большинства пользователей как к новому, обладающему большими возможностями средству связи, без учета концептуально заложенных в нем угроз и рисков, в том числе политического и даже военного характера, резко осложняют работу по созданию международной системы контроля над его использованием. Рассматриваемый как обобщенное понятие, Интернет до сих пор не имеет четкого определения. При этом даже «продвинутые» интернет-пользователи редко идут дальше знания того, что эти ресурсы, будучи включены в открытые информационные сети и использующие возможности глобальных сетей связи общего пользования, позволяют в телекоммуникационном режиме осуществлять хранение, обработку и обмен информацией. Вопрос о том, кто и как контролирует этот процесс, интересует не многих. Такая неопределенность интернет-среды активно используется рядом государств и IT-корпораций для решения своих задач в ущерб общему благу и общественной безопасности. Мало того, попытки построить систему права в Интернет-пространстве как развитие существующей системы международной безопасности встречает сопротивление.

Как результат анализа практики строительства системы управления Интернетом на основе принципа мультистейкхолдеризма в представленной статье показывается, что эта составляющая глобальной коммуникации в нынешнем виде, хотя и вызвана к жизни естественными социальными и техническими процессами, действует в интересах США и несет в себе потенциальную угрозу народам и странам, чья государственная политика не позволяет Вашингтону отнести их к разряду «демократических» и «дружественных». Примерами тому стали недавние «твиттер-революции». В числе целей их устроителей и сегодня значатся государства Каспийского региона и Юг России. Сопровождая глобализацию и способствуя ей, Интернет порождает новые возможности и новые, в том числе стратегические, риски. Для их предотвращения пока нет международно-правовых механизмов. Выработка последних – актуальная задача современного права и дипломатии.

Ключевые слова: Интернет; международная информационная безопасность; кибербезопасность; политический процесс

ВВЕДЕНИЕ

В общественном сознании существует устоявшееся мнение, что именно Интернет[1] последние два десятилетия формирует глобальное информационное пространство. Это утверждение достаточно спорно и требует отдельного рассмотрения. Однако, вне всякого сомнения, существующая под этим именем глобальная информационно-телекоммуникационная структура – знаковое явление постиндустриализма. Став феноменом организации социальной и во многом производственной коммуникации, Интернет оказывает значительное влияние на общественное бытие (а постепенно и на общественное сознание, воздействуя на образование, науку и культуру, формируя поколения Y и Z), становится частью этого бытия[2], формируя темпоральность информационного общества. И вопрос доступа к управлению им имеет политическое значение.

После «цветных революций», получивших еще названия «твиттер»- и «фейсбук»-революций, политическое значение Интернета мало у кого вызывает сомнение. С сожалением надо признать, что этот «революционный процесс» еще не завершен и, несколько отхлынув от берегов Средиземного моря, тофлеровская «третья волна»[3] все еще держит в напряжении многие страны мира.

Государства Каспийского региона и республики Юга России, вероятно, в наибольшей степени подвержены исходящей от нее угрозе, поскольку остаются постоянным раздражителем для государств – фактических владельцев социальных сетей[4] и заказчиков, проводимых через них (будем называть вещи своими именами) информационно-психологических операций, направленных, в частности, на разжигание межнациональной розни в Киргизии, антирусских настроений в Казахстане, поддержку очагов национализма и религиозного экстремизма, а то и просто терроризма на Северном Кавказе и в Поволжье. Сейчас многие уже забыли, что такое «сайт Кавказ». Это хорошо, но ему на смену пришли другие интернет-ресурсы, проповедующие исламский фундаментализм и насилие и несущие угрозы целостности страны. В условиях постоянной информационной войны уже много лет живет Исламская республика Иран. Дополнительный импульс придают факты кибератак (в частности признанное всеми как акт войны применение вируса Stuxnet

[1] Под термином Интернет в целях данной статьи будем понимать совокупность технических, программных и информационных ресурсов хранения, передачи и обработки информации, действующих на базе открытых телекоммуникационных сетей, использующих протоколы TCP/IP и адресную систему DNS.

[2] Значимость интернета подтверждается масштабами его использования. На 30 июня 2020 г. число пользователей сети по данным сайта Internet World Stats (URL:http://www.internetworldstats.com/stats.htm) составило 4 833 521 806 при населении планеты в 7 796 949 710 человек, что составляет 62,0% жителей Земли. По Европе и Северной Америке этот показатель еще выше – 87,2% и 90,3% соответственно.

[3] Элвин Тоффлер выразил мысль о том, что мир постепенно формируется тремя волнами технологических инноваций, которые, как высокий прилив, нельзя остановить. Первой была сельскохозяйственная революция, второй – промышленная. Третья волна – информационная революция – предвещает новый образ жизни, что, утверждает Тоффлер, будет просто замечательно, правда, в том случае, если мы удержимся на гребне этой волны (Тоффлер).

[4] Следует отметить (и это является политической основой ситуации), что практически все значимые элементы этой архитектуры Интернета и подавляющее большинство социальных сетей всегда являлись и остаются юридическими лицами США и как таковые имеют определенные обязательства перед своим государством, даже если в уставных и регистрационных документах они значатся общественными и открытыми или имеющими международные органы управления. Надо, однако, признать, что это сложилось исторически, никакие признаки злого умысла со стороны Вашингтона, Пентагона и американских спецслужб в этом аспекте не выявлены.

против ядерных объектов Ирана в 2010 году), которые наглядно демонстрируют, что информационные войны и Интернет – это уже не абстрактные сценарии футурологов, но вполне реальная практика.

Только принимаемые руководством этих государств меры, может быть, где-то не оптимальные, где-то опирающиеся на традиционные и даже архаичные стороны национальных менталитетов народов региона, но решительные и твердые меры не позволяют разжечь пожары, на которые так рассчитывают авторы «твиттер-революций», декларирующие свою историческую миссию носителей демократии. Между тем один из основных «исполнителей» – Твиттер[5], как показывает его конфликт с Минюстом России, сам далек от демократических норм. Защитники подобных действий, опираясь в своих заявлениях на Всеобщую декларацию прав человека, никогда не упоминают, что в ней есть Статья 29, говорящая об обязанностях человека по отношению к обществу и государству и возможности ограничения прав, когда его деятельность несет ущерб миру и безопасности.

Почти 20 лет вопрос контроля над Интернетом, управления его структурами находится на первых позициях повестки дня мирового сообщества, непосредственно связанных с вопросами безопасности и развития. Без понимания существующих здесь взаимосвязей и возникающих противоречий нельзя адекватно оценить уровень угроз, исходящих от глобальной сети, а также объем рисков государств, не предусматривающих в своем правовом поле и своей международной политике механизмов противодействия первым и управления вторыми. Далее мы не будем останавливаться на составе и взаимоотношениях органов управления Интернетом и его элементами. Они не так просты и включают в себя, как институированные, так и общественные структуры. Предполагается, что это читателю известно (Курбалиа, 2010; Зиновьева, 2011; Федоров&Зиновьева, 2017).

ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ ИНТЕРНЕТОМ

Определение понятия «управление Интернетом» стало предметом политических и научных дебатов с 2003 года, проявившись как проблема в ходе Всемирной встречи (Женева, 2003 г. – Тунис, 2005 г.) на высшем уровне по вопросам информационного общества. Дискуссия развивалась на фоне эпохального для Интернет-сообщества события – новой стадии развития всемирной паутины, которую Т. О'Рейли назвал Web 2.0, определив 7 ключевых принципов, нового – политического – этапа в развитии всемирной сети, из которых в частности следует, что:

– Интернет становится ключевой платформой политического дискурса;

– его развитие, в частности рост проприетарных баз данных, ведет к свободному движению информации и использованию ее в политических целях, формирует коллективное сознание пользователей сети;

[5]Владельцем системы «Твиттер» является компания Twitter Inc., юридическое лицо штата Калифорния (США), главный офис которой находится в Сан-Франциско (штат Калифорния). Twitter Inc. также имеет серверы и офисы в Сан-Антонио (штат Техас) и Бостоне (штат Массачусетс). В России официального представительства не имеет.

– упрощение механизмов и технологий использования социальных медиа способствует быстрому проникновению политики в публичную сферу;

– распространение политического контента с помощью различных приложений формирует пользовательский опыт в политике (O'Reilly, 2005).

Архитектура Интернета и Всемирной паутины эпохи Web 2.0 таковы, что пользователи, преследуя свои собственные «эгоистичные» интересы, автоматически как побочный продукт создают коллективные ценности. У О'Рейли это звучит как «пользователи добавляют ценность», то есть формируют глобальную базу данных, на основе которой ведется, в том числе политический дискурс.

С этого момента всемирная сеть окончательно получила – и это было публично декларировано на встрече в Тунисе – политическое звучание и свое место в международной политической повестке дня.

Поскольку мы стремимся применить общие понятия политологии к изучению управления Интернетом, то определим глобальное управление в соответствии с широко используемым в теории международных отношений (Zürn, 2018), понимая его как «трансграничное осуществление властных полномочий, через существующие государственные и общественные механизмы в соответствии с общепринятыми нормами и правилами и настолько, насколько это отвечает общим интересам и потребностям». Это довольно широкое определение подразумевает отнесение к субъектам управления, кроме правительств и официальных структур государства, межправительственные механизмы, частные организации, гражданское общество, договоренности и инициативы, а также их смешанные формы.

Управление Интернетом происходит с позиций различных сфер силы. Сфера силы, как она представляется в статье, – это больше, чем просто группа стейкхолдеров-единомышленников, ссылки на которые часто встречаются в литературе по Интернету, или государств одного политического лагеря, стоящих на общих позициях в отношении видения роли Интернета в политике. Она может реализовываться через разнообразие субъектов, таких как государства, национальные правительственные и межправительственные организации, научные и образовательные организации, институты гражданского общества, частный сектор, многосторонние форумы и пр. В соответствии с приведенным определением глобального управления, сферы силы – это совокупность государств, меж- или надгосударственных образований, функциональных или технократических органов, объединенных единым пониманием и исполнением назначения и роли Интернета в общественном развитии, а также совокупность норм и нормативных предписаний, обеспечивающих правовую сторону деятельности обозначенных органов. Такой подход не является уникальным, но в нашем случае он позволяет свести все конкурирующие и претендующие на контроль над Интернетом стороны к двум идеальным типам: либеральной и государственнической сферам. Как идеальные типы, они не предназначены для точного представления реальных сил, но скорее представляют собой абстракцию этой реальности, позволяющую использовать ее как инструмент анализа.

Более консолидированная и исторически контролирующая техническую составляющую Интернета либеральная сфера (представлена в первую очередь США, их союзниками, поддерживающими их межгосударственными, общественными, бизнес- и прочими не связанными с государством структурами гражданского общества) исходит из необходимости всячески ограничивать в управлении сетью роль государства, делая ставку на частную инициативу и идею свободы информации.

Сторонники второй силы – государственнической сферы, в основном приверженцы идеи государственного суверенитета[6] и основанной на праве всеобщей безопасности в информационном пространстве – подчеркивают необходимость государственного контроля над Интернетом, межправительственности в решениях и договоренностях, а также недопустимости преобладания в ее системах управления американских, как это есть сейчас, институтов и частных акторов. Ее основными представителями можно рассматривать Россию, Китай, страны ШОС, частично БРИКС и их союзников и единомышленников.

Сторонники либеральной сферы видят в Интернете возможность формирования наднационального пространства, которое должно в основном управляться за счет частного саморегулирования на основе добровольного участия и предметной экспертизы. Его институты должны быть гибкими и ориентированными на негосударственные заинтересованные стороны (стейкхолдеров), в то время как роль государства должна ограничиваться обеспечением безопасности и, когда необходимо, контролем за соблюдением правил. Здесь идеологи либеральной сферы реализуют идею В. Гумбольда: государство есть зло, но зло необходимое, его прерогативы должны быть ограничены посредством права. Их социальная цель – стимулировать развитие Интернета, предоставляя частным лицам, фирмам и организациям гражданского общества как можно больше свободы. Как стейкхолдеры воспринимаются межправительственные организации того же либерального толка, ориентированные на достижение той же цели. В основе идеологии – западный либерализм, сочетание свободного рынка и плюралистического мышления гражданского общества. В этом смысле как лозунг сторонников либеральной сферы можно привести позицию М. Кастельса, что широкое распространение социальных сетей на базе Интернета и их использование государствами следует рассматривать как источник новых возможностей для развития и разрешения современных глобальных проблем, масштаб которых несоизмерим с возможностями и ресурсами отдельно взятого государства. Интернет и социальные медиа дают возможности формирования глобального гражданского общества и глобальных дискуссий. Публичная дипломатия в таком контексте рассматривается не как дипломатия государства, но

[6]Вслед за сторонниками этой силы воздержимся в данной работе от дискуссии по вопросу о том, что в настоящее время следует понимать под термином «государственный суверенитет» и применимости его классического – боденовского – значения к современности, в том числе с учетом наличия такой международной структуры как Совет безопасности ООН с его легитимным правом применения силовых акций в отношении членов ООН на фоне их суверенного равенства.

как народная дипломатия, которая создает основу для национальной публичной дипломатии и действует поверх межгосударственных отношений, основываясь на общих подходах (Castells, 2008).

Сторонники государственнической сферы – государственники – видят в Интернете не только возможность и инструмент решения новых проблем посредством новых форм, но и канал реализации угроз интересам государства, средство деструктивного воздействия на общество и личность, инструмент информационного противоборства. Поэтому он должен регулироваться государствами, а также межправительственными органами и институтами. Негосударственные стейкхолдеры (фирмы, гражданское общество или эксперты) должны в лучшем случае иметь консультативную роль. Социальная цель этой сферы, считают ее сторонники, состоит в защите суверенитета государства и основных, традиционных для его общества ценностей, предотвращения использования какими-либо государственными или международными акторами полученной ими через принадлежащие им, или контролируемые ими, интернет-базируемые социальные сети, возможностью влиять на общественное сознание, отношения и политику других стран. Лежащая в основе идеологии идея – это мир, в котором правительства, получившие власть посредством механизмов демократии, принимают решения в рамках внутренней политики на основании национальных законов без внешнего вмешательства и ограничений и заключают международные соглашения на основе провозглашенных Уставом ООН отношений суверенного равенства.

Государственническая сфера охватывает государства, которые выступают за регламентацию управления Интернетом на основе международных договоров, то есть традиционного международного права, хотя их противники и видят в этом желание таких стран, как Китай и Россия, поддерживать посредством глобальной сети внутреннее, по их мнению, авторитарное правление, а также стремление развивающихся стран иметь большее влияние в мире.

Вместе с тем обе сферы воспринимают западные государства (в первую очередь США) как доминирующие в управлении Интернетом. Только либеральная сфера стремится сохранить это как статус-кво, а государственническая – изменить.

Надо отметить, что когда мы говорим о «приверженцах» или «сторонниках» либеральной, или государственнической сфер, то имеем в виду лишь штамп для выражения позиций государств и других субъектов в отношении альтернативных способов организации управления Интернетом. Это ничего не говорит об их позициях по отношению к другим вопросам, и эту характеристику не следует путать с формальным членством или принадлежностью к какому-либо сообществу. Практика трех десятилетий существования Интернета и основанных на нем социальных и прочих (финансовых, библиотечных, торговых и др.) сетей показывает применимость метода типичных сфер для выявления стабильности, непрерывности и постепенности изменений в кажущейся динамичной системе в условиях неурегулированной политики в информационной сфере в целом. Такой подход помогает понять, что под поверхностью динамизма, основополагающие

социальные цели, институциональные предпочтения и нормы остаются относительно стабильными и структурированы вдоль линии противоречий между двумя сферами власти.

Различие этих сфер наиболее ярко демонстрируется в дискуссиях о «многосторонности» и «смене режима» управления сетью, в частности переноса вопроса от форума мультистейкхолдеров к установленному правовому международному учреждению – Международному Союзу Электросвязи (МСЭ) – или новому международному институту – специальному комитету ООН.

Технологически защитники либеральной сферы консультациям или переговорам на государственном или правительственном уровне предпочитают частные встречи специалистов или форумы с участием многих заинтересованных сторон, не имеющих официальной государственной аккредитации. Нельзя сказать, что они являются противниками формальных институтов, но поддерживают их, главным образом, для того, чтобы иметь дело с основными носителями государственных властных полномочий, таких как обеспечение безопасности. Однако среди них они по идеологическим соображениям предпочитают (а точнее, другие и не рассматривают) организации западной ориентации, такие как Совет Европы или ОЭСР.

Сторонники же государственнической сферы нацелены на создание иной институциональной структуры, в которой не доминируют крупные и мощные западные монополии, отдавая предпочтение государствам на основе равного представительства и предлагая выработать (опять же на формальной основе, т.е. в рамках норм существующей международной правовой системы) международный режим управления сетью. Реализацию своей позиции они видят в признании нормативности политически легитимного межгосударственного контроля над Интернетом. Предпочтительным институциональным местом проведения подобных инноваций государственниками рассматривается ООН и ее специализированные органы, такие как МСЭ.

2. Развитие правой базы Интернета

В отношении норм (понимаемых как общие стандарты надлежащего поведения акторов с заданной идентичностью), показательной стала дискуссия по вопросу о том, что должно лежать в основе развития правой базы Интернета: укрепление прав человека и свободы выражения мнений или информационная безопасность и международное право. В контексте проблемы управления Интернетом эта коллизия норм в большей степени обусловлена социальной практикой и некими выводимыми из нее общими принципами.

Дискуссии на эту тему начались в рамках Всемирной встречи на высшем уровне по информационному обществу (ВВУИО), прошедшей в два этапа: в Женеве в 2003 и в Тунисе в 2005 году; продолжились на Всемирной конференции по международным телекоммуникациям (ВКИТ-12) 2012 года и в четвертой Группе правительственных экспертов ООН по вопросам достижений в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности (ГПЭ), работавшей в период 2014–2015 годов на основании одноименной

резолюции 70 сессии ГА ООН 2013 года. Обсуждения продолжаются до сих пор, в том числе в рамках рассмотрения вопроса актуальности Будапештской Киберконвенции Совета Европы 2001 года.

Впервые конфликт позиций проявился на Первой Встрече ВВУИО в 2003 году (Всемирная встреча, 2003). Ее ключевыми темами стали разработка норм и принципов управления Интернетом, а также определение самого понятия «управление Интернетом». Здесь впервые официально группа ориентированных на суверенитет государственных и независимых участников бросила вызов существующей американо- ориентированной системе управления. Компромиссом стало учреждение Форума ООН по управлению Интернетом (UN Internet Governance Forum (IGF)) как «новой площадки для многостороннего политического диалога» заинтересованных сторон. Его эффективность подверглась резкой критике на следующей встрече ВВУИО и до сих пор вызывает сомнения.

Что касается институтов, то уже в начале конференции ВВУИО в Женеве выявилось существование различных точек зрения на сложившийся статус-кво. Ориентированная на США система управления включала множество довольно формальных технических органов, таких как: ICANN, целевая группа по разработке Интернета (IETF), частные субъекты и пр. (См. Федоров &Зиновьева, 2017). Идею их сохранения и развития как независимых, основанных на гражданском обществе без прямого государственного участия и контроля над структурами в системе управления Интернетом, а по сути признания статус-кво фактического контроля Вашингтона над всеми структурами ядра сети, продвигали США, западные и поддерживающие их страны. Формирующееся контрдвижение, возглавляемое Китаем, Россией, Бразилией, Южной Африкой, поддерживаемое МСЭ и Еврокомиссией, выдвинуло идею межправительственной модели управления с опорой на решения и в рамках ООН, подчеркивая важность политической власти и ее связи с суверенитетом и экономическим развитием. Позже в 2014 г., когда нынешний Генеральный секретарь МСЭ Хоулинь Чжао избирался на этот пост, именно такой лозунг во многом обеспечил ему поддержку стран – сторонников государственнической сферы, в том числе России, и в конечном итоге победу на выборах. К сожалению, он не был реализован.

Хотя изначально Интернет развивался по американской модели, односторонний надзор США за ICANN, существовавший в то время, все больше превращался в источник конфликта. Это привело к столкновениям в ходе ВВУИО за власть над ICANN между США, с одной стороны, и европейскими государствами, с другой. Европейская комиссия предложила «новую модель сотрудничества» как «более прочную демократическую, транспарентную и многостороннюю основу, с более сильным акцентом на интересах государственной политики всех правительств». Она подверглась жесткой критике со стороны США. В качестве уступки давлению сторонников государственнической сферы принципы участия заинтересованных сторон в управлении Интернетом были расширены, в частности распространены на правительства. Однако после значительных дипломатических усилий и из опасений торжества таких стран, как Китай, Саудовская Аравия и Иран,

продвигавших идею повышения киберсуверенитета, европейские и другие «демократические» страны сдали свои позиции и пошли на компромисс. Либеральный принцип «демократии между собой не воюют» сработал.

Если относительно институтов имелись значительные расхождения, то по поводу норм спорили существенно меньше. Тем не менее угроза стабильности возникла. Так, в заявлении китайского представителя прозвучал призыв «подчеркнуть социальную ответственность и обязательства» в области управления Интернетом. В отличие от китайцев сторонники либеральной сферы выразили озабоченность по поводу угроз свободе информации, якобы возникающих в случае, если пройдет инициатива государственников, и подчеркнули необходимость обеспечить выполнение принципов открытости и свободы выражения мнений, закрепленное во Всеобщей Декларации прав человека, вновь забыв про ее 29 статью. Тунисская программа для информационного общества и сопутствующее тунисское обязательство (Всемирная встреча, 2005) завершили процесс ВВИО компромиссом. Принятая Программа подчеркивает, что «вопросы государственной политики являются суверенным правом государств» (статья 35a) и привлекают внимание к «равной роли и ответственности правительств» (статья 68). И тут же узаконивает существующие структуры (статья 55) и в частности приверженность многосторонности, подчеркивает роль (Статья 35b, c) частных субъектов и гражданского общества. Создание Форума по управлению Интернетом (Internet Governance Forum– IGF) отмечается как учреждение новой площадки для обсуждения деэскалации, но не разрешение противоречий. Его слабый институциональный потенциал не ограничил полномочия ICANN или других технических органов. Таким образом, новизна IGF состояла лишь в большем вовлечении негосударственных субъектов в процессы управления. Тем не менее его создание уже показывает наметившиеся тенденции в конфликте между либеральной и государственнической сферами.

Что касается норм, то ВВУИО лишь продемонстрировала признаки конфликта. Тунисские итоговые документы не содержат конкретных формулировок по спорным вопросам, допуская их различные толкования заинтересованными сторонами. Однако в отличие от более ранних дискуссий, в которых особое внимание уделялось приверженности «демократическому» управлению Интернетом, уже в первых пунктах Тунисской программы Информационного общества указывается как на опору на основные нормы либерализма.

В итоге после ВВУИО либеральная сфера еще более консолидировалась, несмотря на проявившиеся противоречия в позиции, в частности между акцентом на государственный контроль США и ответственностью частного сектора. Однако государственническая сфера также сохранила решимость. Усилия демократических стран БРИКС, в частности Бразилии и Южной Африки, возможно, внесли бы свой вклад в повышение ответственности правительств в области управления интернетом, если бы их поддержали европейские государства. Однако стремление повысить роль частных субъектов и озабоченность по поводу расширения прав и возможностей стран государственнической сферы заставило европейцев в качестве

институционального компромисса присоединиться к США и настаивать на закреплении принципа участия всех заинтересованных сторон. Этот шаг успешно предотвратил попытки дробления Интернета на Всемирной конференции по международным телекоммуникациям 2012 года (WCIT-12).

К началу WCIT-12 (World Conference) действовавшие Регламенты Международной Электросвязи (устанавливающие общие принципы обеспечения и функционирования международной электросвязи, услуги и международные средства их предоставления), признавались устаревшими и непригодными для борьбы с растущими угрозами терроризма, киберпреступностью, кибервойной и кибершпионажем. Вопрос их обновления рассматривался как технический, и большинство предлагаемых изменений не вызывало споров. Однако дискуссия пошла по другому сценарию. Внепланово сторонники либеральной и государственнической сфер открыли дебаты по вопросам об институтах (роль ООН, в систему учреждений которой входит МСЭ, в управлении Интернетом) и нормах (баланс между правами человека и безопасностью). Что касается институтов, то спор возник по поводу того, в какой степени управление Интернетом должно быть поставлено под контроль ООН. В то время как приверженцы либеральной сферы хотели сохранить ограниченную роль МСЭ, сторонники государственнической сферы добивались полной замены существующей модели и предоставления МСЭ дополнительных полномочий по регулированию сети. Россия и ее сторонники предложили, кроме того, предоставить государствам-членам равные права на управление в части имен и номеров, что должно было на деле изменить подотчетность ICANN. У сторонников либеральной сферы это, конечно же, вызвало обеспокоенность, поскольку принятие такого рода предложения привело бы к замене мультистейкхолдерской модели.

Относительно норм в области прав человека и государственного контроля контента интернет-сообщений приверженцы государственнической сферы представили предложение о том, что правительства должны иметь право определять, как маршрутизировать национальный интернет-трафик, чтобы повысить безопасность информации. По оценке представителей либеральной сферы, это оправдывало бы интернет-цензуру во имя национальной безопасности.

Процесс пересмотра ITRs обострился при принятии сопутствующих документов: в принятом проекте Резолюции 3 государственники добились заявления участников WCIT-12, что «все правительства должны играть равную роль, а также разделить ответственность за международное управление Интернетом и за обеспечение стабильности, безопасности и непрерывности существующего интернета». Либералы увидели в этом повышение роли МСЭ и перевод управления сетью на межправительственный уровень и подрыв принципа мультистейкхолдеризма.

В итоге WCIT-12 55 стран (среди которых Австралия, Канада, государства-члены ЕС, Индия, Япония, Новая Зеландия и США) не подписали пересмотренный договор. Это привело к созданию двух институциональных структур: одна для государств-подписантов и другая для тех государств, которые остались на старых

ITRs 1988 года. Такой результат многие характеризовали как раскол МСЭ и первый этап фрагментации управления Интернетом в конкретном секторе.

Большинство исследователей, за исключением военных и аналитиков спецслужб, до 2015 г. не обращали особого внимания на такую проблему, как международная информационная безопасность (МИБ). В национальные делегации на переговорах по этой теме включались только представители государственных ведомств, но никогда не представители научных и политических кругов. Хотя российская сторона, поддерживаемая Китаем, ШОС, БРИКС, ОДКБ и др. не западными структурами, с 1999 г. на всех уровнях заявляла, что информационное общество не может существовать без информационной безопасности и кибербезопасность – это часть проблемы МИБ, реакции на международном уровне практически не было. Не было ее и в научных исследованиях. Даже в резолюции «Достижения в области информатизации и телекоммуникации в контексте международной безопасности», ежегодно с 1999 г. принимаемой Генассамблеей ООН, говорилось только о МИБ и никогда о «кибербезопасности».

И вдруг в 2015 г. все, как по команде, обратили внимание на то, что МИБ стала глобальной проблемой, а Генеральная Ассамблея ООН (ГА ООН) поручила пятой (заметим, уже пятой – первая была созвана в 2004 г.) профильной Группе правительственных экспертов ООН написать доклад о том, как международное право применяется к использованию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)[7] государствами. Поскольку ГПЭ создавалась по резолюциям Первого комитета ГА ООН (Вопросы разоружения и международной безопасности), то рассмотрение темы велось в контексте предотвращения применения ИКТ в войне и в целях войны, то есть в контексте гуманитарного права и разоруженческих договоров.

Между тем еще в 2013 г. третья ГПЭ согласилась с тем, что международное право, и в частности Устав ООН, применимы к использованию ИКТ государствами, не упоминая про других акторов, оставляя их вне правового пользователя, хотя это те самые стейкхолдеры, которые по убеждению либералов должны нести основную нагрузку в управлении Интернетом, то есть киберпространством. Четвертая ГПЭ в 2015 г. не только подтвердила эту позицию, но сформулировала добровольные и необязательные нормы ответственного поведения государств[8]. Однако, по оценке руководителя американской делегации в ГПЭ М. Маркофф, который в настоящее

[7] Термин изначально считался неудачными, но компромиссным между «информационным оружием», предлагавшимся российской стороной и «кибертехнологии», на котором настаивали западники (значения термина «технология» в русском и английском языках сильно отличаются – русскому значению больше соответствует английское «know haw», что ни в коем случае не может обозначать новый вид оружия). Даже при его рассмотрении на первой профильной ГПЭ ООН в 2005 г. было признано допустимым на национальном уровне использовать другие более привычные термины. В России в государственных документах используется вариант «информационные и коммуникационные технологии» с той же аббревиатурой ИКТ или привычное «информационное оружие», определения которого во все военные словари мира включены еще в 80-х годах прошлого века и практически идентичны, чего нельзя сказать о «кибероружии».

[8] Доклад четвертой ГПЭ ООН в 2016 г. был поддержан саммитами «G7» и «G20», которые тем самым включили указанные нормы в международной право, а Президент Б.Обама в декабре того же года в своем последнем указе использовал этот факт в качестве основания для введения санкций против России за нарушения международного права в информационном пространстве. За основу принятых Правил были взяты соответствующие положения обамовской Стратегии для киберпространства 2011 г., хотя еще в 2006 г. в решении профильной Группы экспертов ШОС были предложены и формулированы в более общем виде «Правила поведения в информационном пространстве» для всех акторов информационного пространства, а не только государств.

время исполняет обязанности координатора по кибервопросам Госдепартамента США, доклад ГПЭ ООН 2015 года является вершиной «прогресса, достигнутого в отчетах ГПЭ» (Markoff, 2021). Новых результатов последующие ГПЭ не получили. Видимо, вершина была действительно достигнута и дальше идти было уже не надо.

Конфликт проявился, когда сторонники либеральной (США и государства ЕС) и государственнической сферы (страны СНГ, БРИКС и некоторые развивающиеся страны) разошлись во мнениях как по вопросу институирования, так и норм управления Интернетом. Что касается институтов, то приверженцы либеральной сферы, опираясь на упомянутые результаты работы ГПЭ ООН, полагали возможным применить существующее международное право к кибербезопасности, не создавая новый режим. Приверженцы же государственнической сферы предпочитали разработать новый обязательный межправительственный режим с новыми управленческими институтами и инициировать соответствующий переговорный процесс в рамках ООН. Движителем таких переговоров они видели ГПЭ ООН по МИБ.

Что касается норм, то сторонники либеральной и государственнической сфер разошлись в видении того, что конкретно следует понимать под применением существующего международного права по таким вопросам, как право на самооборону, контрмеры, и гуманитарное право. Этого ждали от ГПЭ 2017 г., но согласовать позиции и добиться консенсуса не удалось. Приверженцы государственнической сферы видели во включении права на самооборону попытку узаконить возмездие с помощью других видов вооружений, включая ОМУ. Особенно проблематичной для них оказалась формулировка в проекте итогового доклада, приравнивающая деструктивное использование ИКТ государствами к вооруженному нападению, как-то определяется в статье 51 Устава ООН (Право на самооборону). Мало у кого вызывало сомнение, что США при необходимости будут использовать такое прочтение международного права в качестве оправдания для нанесения ответных ударов в случаях обвинений в кибершпионаже со стороны таких стран, как Иран или Северная Корея. Учитывая решение сентябрьского 2014 г. саммита НАТО в Уэльсе[9], такая перспектива виделась более чем реальной, к тому же Пентагон назвал информационное пространство самостоятельным «полем боя» еще в 1996 г. (Menoher, 1996). Опасение вызывало также то, что ссылка на контрмеры косвенно признала бы право на взаимность кибератак. Это позволило бы ввести санкции и наказание в обход Совета Безопасности ООН. Кроме того, статья 51 сама по себе не предполагает мирного урегулирования конфликтов, поскольку признание права на оборону при кибернападении де-факто легитимирует войну в информационном пространстве.

Разногласия обострились после того, как некоторые сторонники либеральной сферы стали отказываться от своей поддержки применимости международных норм. Подобное отступление было неприемлемо для Вашингтона. В своем выступлении в

[9] Пункт 72 Заявления по итогам встречи на высшем уровне в Уэльсе (обнародовано главами государств и правительств, участвующими в заседании Североатлантического союза в Уэльсе - 4-5 сентября 2014) приравнивает кибернападение к акту агрессии и определяет, что «киберзащита является частью одной из основных задач НАТО – коллективной обороны» и приводит к введению в действие статьи 5.

Государственном департаменте накануне заключительной встречи ГПЭ в 2017 г. эксперт США заявила, «что те, кто не желает подтвердить применимость международно-правовых норм и принципов, считают, что их государства могут действовать в киберпространстве или через киберпространство для достижения своих политических целей без каких-либо ограничений или ограничений на свои действия. Это опасная и неприемлемая точка зрения, и я категорически отвергаю ее» (Markoff, 2021). В чей адрес было направлено это обвинение, остается только догадываться[10].

Расхождения во взглядах между приверженцами двух сфер стали для пятой ГПЭ непреодолимыми. Попытка адептов либеральной сферы укрепить существующий режим информационной безопасности потерпела неудачу. Точно так же и попытка приверженцев государственнической сферы создать новый режим. Отсутствие консенсуса и непринятие итогового доклада оказались фатальным для обоих лагерей.

Еще одним проявлением противоречий между сферами власти в подходах к контролю над деятельностью в информационном пространстве стало принятие первым комитетом ГА ООН в 2018 году сразу двух противоречащих друг другу резолюции по МИБ, представленных США и Россией. Резолюция Соединенных Штатов (139 голосов «за») призывала к созданию новой ГПЭ для изучения норм и обсуждения того, как международное право применяется к киберпространству (UNGA). Российская резолюция (109 голосов «за») устанавливает Рабочую группу открытого состава (РГОС) по дальнейшему рассмотрению норм, включенных в итоговый доклад четвертой ГПЭ ООН, и модели регулярного институционального диалога в рамках ООН (UNGA. A/C.1/73/L.27/Rev.1.). Эта новая попытка сторонников государственнической сферы создания альтернативы ГПЭ в чем-то была созвучна WCIT-12. Критика такого шага сводилась к тому, что это была лишь попытка создать конкурентный режим с переносом дебатов на новые места / новое место проведения – РГОС, когда они признаны бесплодными на других площадках (ГПЭ). Мало того, многие аналитики сходятся в том, что РГОС изначально не имела перспектив: срок ее деятельности на год короче ГПЭ[11], что позволяло в решениях последней нивелировать нежелательные для западников и реализованные в РГОС инициативы государственников, а открытый состав гарантирует непринятие решения, не выгодного сторонникам либеральной сферы. Хотя исход этих событий пока не ясен, тем не менее это, по крайней мере, указывает на то, что конфликт между сторонниками либеральной и государственнической сфер продолжается.

Последним направлением, на котором проявилось противостояние либеральной и государственнической сфер, стала борьба с преступностью и правоохранительная деятельность в информационной сфере. Это направление объективно смыкается с вопросом управления Интернетом, поскольку основная

[10] Выступление правительственного эксперта США само по себе очень интересное и хорошо прорисовывает все перипетии публичной деятельности дипломатов. Не вызвало бы удивления, если бы такую речь произнес российский или китайский эксперт. Но то, что это произнесла представлявшая США во всех ГПЭ ООН М.Маркофф, оставляет только один вопрос: читают ли материалы Госдепа в дипломатических ведомствах других стран.

[11] В 2020 г. он был продлен еще до 2025 года.

масса информационных правонарушений совершается в глобальных сетях или с их использованием, и борьба с ними непосредственно затрагивает вопросы управления Интернетом и установления в нем правовых норм.

Киберпреступность уже к началу века стала глобальной проблемой и рассматривается различными международными институтами. Однако Европейская конвенция о киберпреступности (Conventionon Cybercrime) является единственным юридически обязывающим и, возможно, самым важным международным документом в этой области[12].

Не все государства-члены СЕ ратифицировали конвенцию – Россия отказалась даже подписать его. Первая и, по сути, главная причина состоит в том, что к Конвенции можно только присоединиться, высказанное при этом мнение едва ли будет услышано. Россия не участвовала в ее разработке и даже не получила приглашение сделать это. Соответственно, ее позиция ни по субстантивным, ни по частным вопросам в документе учтена не была. Текст же документа подготовлен так, что внести в него изменения практически невозможно: правки могут вносить только участники Конвенции (т.е. после ратификации); процедура внесения правок сложна, многоступенчата и требует согласия не только всех участников Конвенции, но европейских органов вплоть до Еврокомиссии; оговорки допускаются только при ратификации и депонировании ратификационных грамот, и только по 9 пунктам 9 статей.

Россия высказывала ряд серьезных замечаний, наиболее обсуждаемым из которых является неприемлемость положения, допускающего «посредством компьютерной системы на своей территории получать доступ к компьютерным данным, расположенным на территории другой Стороны» без информирования компетентных органов страны владельца соответствующих ресурсов (статья 32b). История международных отношений знает и менее значительные основания для вмешательства во внутренние дела других стран. Примечательно, что США при ратификации Конвенции заявили, что резервируют за собой право самостоятельного решения о ее исполнении в каждом конкретном случае.

С момента подписания Киберконвенции прошло почти 20 лет. Она остается единственным правовым документом в этой области, но ее эффективность и исполняемость не оценивались. Очевидно, что в нынешних условиях роста криминализации информационной сферы она морально устарела и покрывает далеко не все поле информационных преступлений. В этой ситуации Россия выступила с инициативой создать новый, альтернативный режим под эгидой ООН, который отражал бы приверженность международному праву, в том числе суверенному равенству стран, как то определяет Устав ООН, не отрицая при этом защиты прав человека, незыблемой для СЕ.

[12]Совет Европы является региональной межправительственной организацией, включает 47 государств-членов, в том числе все государства ЕС и Россию. США, Канада, Япония и ряд других стран имеют статус наблюдателя. Однако Будапештская конвенция явно была разработана с целью глобального охвата и в настоящее время имеет более чем 60 участников.

Страны государственнической сферы с 1998 г. предлагают заключить в рамках ООН международные договоры в области борьбы с киберпреступностью и информационной безопасности. Лидеры БРИКС на саммите 2017 года коллективно заявили, о «необходимости универсального нормативного обязательного документа по борьбе с преступным использованием ИКТ под эгидой ООН» (BRICS. 9th BRICS Summit).

Во исполнении своей инициативы Россия предложила ГА ООН в 2017 году проект Конвенции ООН о Сотрудничестве в борьбе с информационными преступлениями (StatementbyForeignMinister). В принятой по этому вопросу 88 голосами «з» в ноябре 2018 года резолюции ГА ООН (UNGA. A/C.3/73/L.9/Rev.1.) сторонники государственнической сферы вновь подчеркнули роль ООН в борьбе с киберпреступностью. Однако, как и предложенный Россией в 2011 г. к широкому обсуждению проект Концепции Конвенции о международной информационной безопасности, этот проект был практически проигнорирован сторонниками либеральной сферы.

По понятным причинам большинство участников Будапештской конвенции восприняли эти попытки как ненужные или преждевременные в свете существующей структуры и необходимости значительного времени и усилий для переговоров по новому соглашению на глобальном уровне. Резолюция 2018 года подверглась резкой критике со стороны представителя США за предпринятую в ней попытку «политизировать, поляризовать и подорвать» существующую политику (US Department of State).

Что касается норм, то усилия государственников подчеркивают их приверженность информационному суверенитету, территориальной целостности и невмешательству, хотя точное значение этих понятий в отношении сети пока нигде не определено. Напротив, сторонники либеральной сферы высказывают опасения по поводу возможности якобы навязать государствам контроль над Интернетом через договор о глобальной сети (UNGA. GA/DIS/3560). Считая принципиальным соблюдение в Интернете упоминающихся в Будапештской Конвенции прав человека, таких как свобода слова или свобода мнений, они упрекают своих оппонентов в ограниченности их уважения указанных прав и замене его ссылками на «стабильность и безопасность общества» или необходимость суверенитета (International Strategy 2017). При этом ревнители прав человека как всегда забывают о статье 29 Всеобщей декларации.

Однако подход государственнической сферы после арабской весны и цветных революций находит все более широкую поддержку в мире. У либералов же этот подход вызывает опасения, что за ним стоит нацеленность на введение контроля контента и обхода таким образом конституционалистских принципов (читай: «священной» для американцев Первой поправки к Конституции США), хотя нельзя не признавать, что это сокращает и их возможности воздействия на общество через информационное пространство, где не последнее место сегодня занимают контролируемые теми же либералами социальные сети, которые не только

опираются на доступный и лишенный суверенности Интернет, но и были серьезным инструментом для устроителей тех же «весен» и «революций».

ДИСКУССИИ И ВЫВОДЫ

Столь длинный обзор событий и решений последних 20 лет был необходим, поскольку в российской публичной сфере вопрос информационной безопасности как бы есть и как бы нет. Активная индоктринация российского общественного мнения идеей кибербезопасности создала убеждение в том, что информационное пространство – это Интернет, а у многих и того уже – социальные сети. При этом вопрос, что такое Интернет, не имеет строгого ответа даже у многих специалистов. И тем не менее Интернет – реальность. С ним связаны огромные экономические и политические проблемы. В данной статье, конечно, мы не и пытались их решить: это вопрос не сегодняшний – мы лишь хотели бы дать «пищу для размышлений».

Проведенный анализ противоречий в международном дискурсе по вопросам норм и институтов системы управления Интернетом как ключевым на сегодня элементом глобальной информационной сферы и стоящими за ним решениями в области МИБ показывает, что противоречия эти сводятся к антагонизму двух принципиально различных подходов к использованию возможностей глобальной сети, потенциалу решаемых с ее помощью задач бизнеса, политического и информационного доминирования, социального регулирования. Две конкурирующие сферы силы – либеральная и государственническая, как мы их обозначили, – характеризующиеся фундаментально разными социальными целями, в своем противоборстве, ограничивая или превознося роль государства в управлении глобальной сетью, предпринимают постоянные попытки подстроить систему управления ею и нормативировать ее деятельность так, чтобы максимально обеспечивать достижение своих политических целей. Поскольку управление Интернетом по большому счету пока не нормативировано, эти противоречия пока не влекут за собой коллизии правовых норм. Пока не определено, какие нормы применимы к управлению Интернетом. ГПЭ ООН по МИБ, обсуждая этот вопрос, не сумела опуститься в правовом пространстве глубже Устава ООН. В этой ситуации нормативной неопределенности, две различные сферы силы, конструируя систему управления сетью, которая могла бы обеспечить их интересы в глобальном информационном пространстве, опираются на различные системы норм, исходящие из различных институтов: либералы, как правило, из области прав человека, государственники – из коллективных прав общества. Таким образом, длящиеся почти три десятилетия споры сводятся к ставшим классическими еще со времен Великой французской революции и пока неразрешенным дилеммам: что является определяющим, интересы человека как части общества или общества как совокупности людей; что важнее: права человека в обществе или безопасность общества, реализующего права человека; индивид через свои права представляет интересы общества или общество через право представляет интересы индивида, и насколько общественные институты, в первую очередь государство, представляют общество; в какой степени интересы государства направлены на общее благо.

Сложившийся (или установленный, так как отвечает интересам контролирующего его основные структуры государства) характер управления Интернетом, основанный на идее мультистейкхолдеризма и характеризующийся низкой степенью легитимности и публичности, отсутствием сильного ядра (или его расположением вне сети), институционализации урегулирования споров и множащимися формальными и неформальными площадками для рассмотрения вопросов организации контроля над ним – это действующие факторы, которые в теории должны были бы способствовать быстрой фрагментации системы управления глобальными информационными ресурсами. Однако такой фрагментации не видно. Создание в ООН в 2018 году по российской инициативе Рабочей группы открытого состава, в противовес ставшей традиционной, но занявшей проамериканскую позицию Группе правительственных экспертов, демонстрирует разве что решимость государственников и также не обещает существенных дивидендов.

Конфликт между двумя сферами силы не ограничивается проанализированными здесь случаями. Мы не коснулись ситуации в ОБСЕ в 2014–2016 годах, когда были разработаны «добровольные» меры безопасности, позволяющие на деле контролировать поведение государств в информационной сфере, в АСЕН, стремящейся с подачи американцев копировать ОБСЕ, деятельности ШОС и БРИКС, представляющих в этой дискуссии половину человечества. Но и рассмотренное можно трактовать как индикаторы широкого противоборства на пути защиты и оспаривания существующих норм управления Интернетом и его институтами. Россия предложила принять Конвенцию о международной информационной безопасности в 2011 году (Conventionon International Information). Государства-члены ШОС продвигали в ГА ООН кодекс поведения в области информационной безопасности (A/69/723). Кроме того, Китай организовал ежегодную Всемирную конференцию по вопросам Интернета, ориентированную на выработку глобальных норм управления сетью.

Однако либеральная сфера испытывает вызовы не только извне, но и изнутри. Особенно после разоблачений Сноудена в 2013 году, когда конфликты в таких областях, как конфиденциальность данных, бросили вызов монополии США и американских компаний. Передача в 2016 г. функций управления пространством имен и адресов Интернета – критической технологической процедурой, обеспечивающей функционирование Интернета на глобальном уровне, – от ICANN, частной некоммерческой организации, имеющей контрактные отношения с правительством США, к ее дочерней фирме (Public Technical Identifiers)[13] не решила проблемы с подотчетностью и международной легитимностью сложившейся системы управления сетью, оставив правительству США существенные рычаги влияния. Однако, как и ранее, государства, ключевые субъекты формирующегося

[13]Данная организация формально независима от Министерства торговли США (для выполнения своих функций ей не требуется одобрения Министерства торговли США), но при этом зарегистрирована в США, штат Калифорния и не имеет права выводить инфраструктуры адресного пространства Интернета за пределы штата. Работа PTI будет прекращена в том случае, если Министерство торговли США расторгнет контактные отношения с ICANN

глобального режима международной информационной безопасности, не имеют возможности влиять на принимаемые решения. Эти вызовы не приводят к ослаблению либерального курса. Несмотря на поддержку со стороны либеральной сферы инициатива NETmundial провалилась, но лигитимировала концепцию мультистейкхолдеризма. Либеральная сфера адаптируется или даже укрепляется, реагируя на вызовы, и тем самым предотвращает фрагментацию управления Интернетом. Однако либеральная сфера страдает от двух несоответствий.

Во-первых, существует сильная зависимость либералов от частного саморегулирования, мягкое право и дискурсивные многосторонние процессы не заменяют публичное международное право. В результате либеральная сфера сильна в отношении технической власти, но слаба в легитимной политической власти. Необходимость в последней, однако, все больше ощущается по мере того, как управление Интернетом набирает политическое и экономическое значение. Фирма Microsoft призывает принять международный документ, адресованный правительствам (Цифровая Женевская конвенция) и обязывающий их принять нормы, необходимые для защиты гражданского населения в Интернете в мирное время. Однако он с большой сдержанностью рассматривается Германией, государством, которое обычно выступает с позиций многосторонности и международного права. При этом практически все игнорируют аналогичную инициативу Норникеля, с которой тот выступил еще в 2017 г.

Во-вторых, меняется либеральное отношение к призыву государственников рассматривать интернет-коммуникации при нынешней системе управления ими как потенциального носителя угрозы извне для внутренней стабильности государства и общества. В течение долгого времени либералы расценивали этот аргумент как троянского коня для «нелиберальных и недемократических» государств, оправдывающий возможность отключения Интернета и цензуру. Для государственников нынешняя система норм и институтов, напротив, является еще одним примером того, как небольшое число западных государств доминирует в информационной сфере с помощью глобализации и ее средствами эту глобализацию поддерживает. Их основной аргумент заключается в том, что нынешняя система управления Интернетом глубоко вторгается не только в информационное пространство страны, но и в законные внутренние социальные отношения и внутренние законы государства. Даже среди западных государств наблюдается растущая тенденция к введению законодательства, направленного на криминализацию явных нарушений внутреннего законодательства, борьбу с террористической пропагандой и дезинформацией, особенно когда она мешает работе государственных и общественных институтов и экономике. Опасения либеральной сферы в этом отношении звучат все более похоже на те, что принадлежат государственникам. Это ослабляет либеральное сопротивление ограничению свободы выражения мнений в угоду законным внутригосударственным интересам.

Противоречия в отношении управления Интернетом – это нечто большее, чем классический межгосударственный спор. Это фундаментальный ценностный

конфликт между различными сферами власти, относительно того, каким образом должны быть организованы глобальные сети и каким образом следует осуществлять управление ими, памятуя Кастельса и его «власть в сети».

Для МИБ попытки маскировки политических решений, принимаемых органами управления Интернетом, реализующими политические интересы только одной страны, представляют серьезную опасность. Когда политические решения классифицируются как техническое регулирование, становится возможным их принятие за закрытыми дверями, вне общественного контроля, как это показали разоблачения Э. Сноудена. В результате нарушаются не только демократические процедуры, но и разрушается атмосфера доверия, без которой невозможно сотрудничество. Представляется важным, чтобы политические, экономические и технические вопросы, имеющие отношение к управлению Интернетом, решались бы при участии всех заинтересованных сторон, поскольку ни одно государство не в состоянии обеспечить информационную безопасность и сохранить связность Интернета как глобальной системы без многостороннего сотрудничества. Безопасность должна быть единой и неделимой не только в Европе, но и в информационном пространстве. И государства, как основные политические институты общества, должны занимать в этой системе особое место и нести основную ответственность, обладая соответственно большими правами и уравновешивая складывающуюся систему сфер власти.

Постепенно это понимание входит в сознание и технических специалистов и политиков.

References

A/69/723. Letter Addressed to the Secretary-General, Retrieved from:https://digitallibrary.un.org/record/786846.

BRICS. 9th BRICS Summit – BRICS Leaders Xiamen Declaration. Xiamen, Retrieved from: http://www.mea.gov.in/Uploads/PublicationDocs/28912_XiamenDeclaratoin.pdf.

Castells, M. (2008). The New Public Sphere: Global Civil Society, Communication Networks, and Global Governance // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. № 616, 78-93. Retrieved from URL: http://prtheories.pbworks.com/w/file/fetch/45138545/Castells_2008_The_New_Public_Sphere.pdf DOI: 10.1177/0002716207311877

Convention on International Information Security, Retrieved from:http://www.mid.ru/en/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/191666

Convention on Cybercrime. Budapest: ETS No 185, Retrieved from:http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Treaties/Html/185.htm.

International Strategy of Cooperation on Cyberspace Retrieved from:http://www.xinhuanet.com/english/china/2017-03/01/c_136094371.htm.

Markoff, M. G. Explanation of Position at the Conclusion of the 2016-2017 UN Group of Governmental Experts (GGE) on Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security. Retrieved from: https://2017-2021.state.gov/explanation-of-position-at-the-conclusion-of-the-2016-2017-un-group-of-governmental-experts-gge-on-developments-in-the-field-of-information-and-telecommunications-in-the-context-of-international-sec/index.html

Menoher, Paul E. Jr. Lieutenant General, the U.S. Army Deputy Chief of Staff for Intelligence. «Force XXI: Redesigning the Army Through Warfighting Experiments» Military Intelligence Professional Bulletin 1996 Apr-Jun. Retrieved from: https://fas.org/irp/agency/army/mipb/1996-2/menoher1.htm

Public Technical Identifiers (PTI). IANA Naming Function Contract. 30 September 2016. Retrieved from: https://www.icann.org/iana_pti_docs/151-iana-naming-function-contract-v-30sep16.

O'Reilly, T. (2005) What Is Web 2.0. Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software. //Oreilly.com 30.09.2005 Retrieved from http://oreilly.com/web2/archive/what-is-web-20.html

Statement by Foreign Minister Sergey Lavrov at the 72nd Session of the UN General Assembly. (21 September) New York, NY: United Nations Retrieved from: http://www.mid.ru/en/vizity-ministra/asset_publisher/ICoYBGcCUgTR/content/id/2870898

UN GA. A/C.1/73/L.37. Advancing Responsible State Behaviors in Cyberspace in the Context of International Security. Retrieved from:http://undocs.org/A/C.1/73/L.37.

UN GA. GA/DIS/3560. Calling for Norms to Stymie Cyberattacks, First Committee Speakers Say States Must Work Together in Preventing Information Arms Race. Retrieved from: https://www.un.org/press/en/2016/gadis3560.doc.htm.

UN GA. A/C.3/73/L.9/Rev.1. Countering the Use of Information and Communications Technologies for Criminal Purposes, Retrieved from: http://undocs.org/A/C.3/73/L.9/Rev.1 and https://usun.usmission.gov/explanation-of-vote-on-a-third-committee-resolution-on-countering-the-use-of-information-and-communication-technologies-for-criminal-purposes/.

UN GA. A/C.1/73/L.27/Rev.1. Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security Retrieved from:http://undocs.org/A/C.1/73/L.27/Rev.1. UN GA. A/C.3/73/L.9/Rev.1.

US Department of State. Explanation of Vote on a Third Committee Resolution on Countering the Use of Information and Communication Technologies for Criminal Purposes. Bureau of Public Affairs. Retrieved from:http://www.state.gov/misc/415.htm/remarks/8803.

World Conference on International Telecommunications (WCIT-12) Retrieved from:https://www.itu.int/en/wcit-12/Pages/default.aspx

World Summit on the Information Society, (2003) Declaration of Principles: Building the Information Society: a global challenge in the new Millennium. Dokument WSIS-03/GENEVA/DOC/4-E. — 12 December 2003. Retrieved from: http://www.itu.int/dms_pub/itu-s/md/03/wsis/doc/S03-WSIS-DOC-0004!!PDF-E.pdf

Plan of Action. Dokument WSIS-03/GENEVA/DOC/5-E.— 12 December 2003. Retrieved from: http://www.itu.int/dms_pub/itu-s/md/03/wsis/doc/S03-WSIS-DOC-0005!!PDF-E.pdf

World Summit on the Information Society (2005). Dokument WSIS-05/TUNIS/DOC/7-E. TUNIS COMMITMENT. — 18 Novembe 2005. Retrieved from: http://www.itu.int/wsis/docs2/tunis/off/7-E.pdf World Summit on the Information Society (2005). Dokument WSIS-05/TUNIS/DOC/7-E. TUNIS AGENDA FOR THE INFORMATION SOCIETY. — 18 Novembe 2005. Retrieved from: http://www.itu.int/wsis/docs2/tunis/off/6-E.pdf

Zinov'eva, E.S. (2011) *Mezhdunarodnoe upravlenie internetom: konflikt i sotrudnichestvo.* Moskva: MGIMO-Universitet. – 169 s.(In Russian)

Kurbalia, J. (2010) *Upravlenie Internetom* / per. s angl. Moskva: Koordinacionnyj centr nacional'nogo domena seti Internet,. – 208 s. (In Russian)

Toffler, E. (2004) *Third Wave*. Moskva: AST,. – 781 s (In Russian)

Fedorov A.V. & Zinov'eva E.S. (2017) *Informacionnaya bezopasnost': politicheskaya teoriya i diplomaticheskaya praktika.* – Moskva: MGIMO-Universitet. – 357 s. (In Russian).

Для цитирования: Федоров А.В. (2021). Противоборство сфер сил ы в вопросах управления в информационном пространстве *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности,* (2), 11-34.

DOI 10.21672/2713-024X-2021-2-1-011-034

Список литературы

A/69/723. Letter Addressed to the Secretary-General, Retrieved from: https://digitallibrary.un.org/record/786846.

BRICS. 9th BRICS Summit – BRICS Leaders Xiamen Declaration. Xiamen, Retrieved
from: http://www.mea.gov.in/Uploads/PublicationDocs/28912_XiamenDeclaratoin.pdf.

Castells, M. (2008). The New Public Sphere: Global Civil Society, Communication Networks, and Global Governance // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. № 616, 78-93. Retrieved from URL: http://prtheories.pbworks.com/w/file/fetch/45138545/Castells_2008_The_New_Public_Sphere.pdfDOI: 10.1177/0002716207311877

Convention on International Information Security, Retrieved from:http://www.mid.ru/en/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/191666

Convention on Cybercrime. Budapest: ETS No 185, Retrieved from: http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Treaties/Html/185.htm.

International Strategy of Cooperation on Cyberspace Retrieved from:http://www.xinhuanet.com/english/china/2017-03/01/c_136094371.htm.

Markoff, M. G. Explanation of Position at the Conclusion of the 2016-2017 UN Group of Governmental Experts (GGE) on Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security.Retrieved from:https://2017-2021.state.gov/explanation-of-position-at-the-conclusion-of-the-2016-2017-un-group-of-governmental-experts-gge-on-developments-in-the-field-of-information-and-telecommunications-in-the-context-of-international-sec/index.html

Menoher, Paul E. Jr. Lieutenant General, the U.S. Army Deputy Chief of Staff for Intelligence. «Force XXI: Redesigning the Army Through Warfighting Experiments» Military Intelligence Professional Bulletin 1996 Apr-Jun. Retrieved from:https://fas.org/irp/agency/army/mipb/1996-2/menoher1.htm

Public Technical Identifiers (PTI). IANA Naming Function Contract. 30 September 2016.Retrieved from: https://www.icann.org/iana_pti_docs/151-iana-naming-function-contract-v-30sep16.

O'Reilly, T. (2005) *What Is Web 2.0. Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software.* //Oreilly.com 30.09.2005 Retrieved fromhttp://oreilly.com/web2/archive/what-is-web-20.html

Statement by Foreign Minister Sergey Lavrov at the 72nd Session of the UN General Assembly. (21 September) New York, NY: United NationsRetrieved from: http://www.mid.ru/en/vizity-ministra/asset_publisher/ICoYBGcCUgTR/content/id/2870898

UN GA. A/C.1/73/L.37. Advancing Responsible State Behaviors in Cyberspace in the Context of International Security.Retrieved from:http://undocs.org/A/C.1/73/L.37.

UN GA. GA/DIS/3560. Calling for Norms to Stymie Cyberattacks, First Committee Speakers Say States Must Work Together in Preventing Information Arms Race.Retrieved from:https://www.un.org/press/en/2016/gadis3560.doc.htm.

UN GA. A/C.3/73/L.9/Rev.1.Countering the Use of Information and Communications Technologies for Criminal Purposes, Retrieved from: http://undocs.org/A/C.3/73/L.9/Rev.1 and https://usun.usmission.gov/explanation-of-vote-on-a-third-committee-resolution-on-countering-the-use-of-information-and-communication-technologies-for-criminal-purposes/.

UN GA. A/C.1/73/L.27/Rev.1. Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security Retrieved from:http://undocs.org/A/C.1/73/L.27/Rev.1.UN GA. A/C.3/73/L.9/Rev.1.

US Department of State. Explanation of Vote on a Third Committee Resolution on Countering the Use of Information and Communication Technologies for Criminal Purposes. Bureau of Public Affairs. Retrieved from:http://www.state.gov/misc/415.htm/remarks/8803.

World Conference on International Telecommunications (WCIT-12) Retrieved from:https://www.itu.int/en/wcit-12/Pages/default.aspx

World Summit on the Information Society, (2003) Declaration of Principles: Building the Information Society: a global challenge in the new Millennium. Dokument WSIS-03/GENEVA/DOC/4-E. — 12 December 2003. Retrieved from: http://www.itu.int/dms_pub/itu-s/md/03/wsis/doc/S03-WSIS-DOC-0004!!PDF-E.pdf

Plan of Action. Dokument WSIS-03/GENEVA/DOC/5-E.— 12 December 2003. Retrieved from: http://www.itu.int/dms_pub/itu-s/md/03/wsis/doc/S03-WSIS-DOC-0005!!PDF-E.pdf

World Summit on the Information Society (2005). Dokument WSIS-05/TUNIS/DOC/7-E. TUNIS COMMITMENT. — 18 Novembe 2005. Retrieved from: http://www.itu.int/wsis/docs2/tunis/off/7-E.pdf World Summit on the Information Society. Dokument WSIS-05/TUNIS/DOC/6-E. TUNIS AGENDA FOR THE INFORMATION SOCIETY. — 18 Novembe 2005. Retrieved from: http://www.itu.int/wsis/docs2/tunis/off/6-E.pdf

Zürn, M. (2018). *A Theory of Global Governance: Authority, Legitimacy, and Contestation*. Oxford: Oxford University Press. Retrievedfrom:https://oxford.universitypressscholarship.com/view/10.1093/oso/9780198819974.001.0001/oso-9780198819974.

Зиновьева, Е. С. (2011). *Международное управление интернетом: конфликт и сотрудничество.* Москва: МГИМО-Университет. 169 с.

Курбалийя, Й. (2010). *Управление Интернетом* / Й. Курбалийя; Координационный центр национального домена сети Интернет. Москва. 208 с.

Тоффлер, Э. (2004). *Третья волна*. Москва: АСТ. 781 с

Федоров, А. В. & Зиновьева, Е. С. (2017). *Информационная безопасность: политическая теория и дипломатическая практика*. Москва: МГИМО-Университет. 357 с.

INTEGRATION AND CENTRIFUGAL TENDENCIES IN THE CASPIAN REGION: LEGAL ASPECTS

Rushid. A. Kurbanov, Doctor of Law, Professor, Advisor to the President of RAS, Director of the Institute for Legal Studies and Regional Integration, Plekhanov Russian University of Economics
ORCID 0000-0001-7900-1302
E-mail: mos-ssp@mail.ru
Asia M. Belyalova, PhD in Law, Deputy Director of the Institute of Legal Studies and Regional Integration, Plekhanov Russian University of Economics, Acting Head of the International Cooperation Department, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
ORCID 0000-0002-8916-4559
E-mail: venkom@izak.ru

Abstract

The article analyzes the legal basis for cooperation of the states of the Caspian region - Russia, Azerbaijan, Kazakhstan, Turkmenistan and Iran.

With the signing of the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea in 2018, the relations between five countries have reached a qualitatively new level. While with the collapse of the Soviet Union centrifugal trends dominated cooperation, especially after the former Soviet republics gained independence, recent years have been characterized by centripetal tendencies, and the COVID-19 crisis has clearly demonstrated that only by joint efforts the countries can confront today's challenges and threats.

An important aspect of cooperation among the Caspian littoral states is their membership in various integration groupings, which imposes certain obligations on these states, undoubtedly affecting their interaction in the Caspian region.

Keywords: Caspian region, convention, scientific and technical cooperation, legal status, Caspian Five, economy, military and political cooperation.

ИНТЕГРАЦИЯ И ЦЕНТРОБЕЖНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Курбанов Рашад Афотович, д.ю.н., проф., советник Президента РАН, директор Института правовых исследований и региональной интеграции Российско-экономического университета им. Г.В. Плеханова
ORCID 0000-0001-7900-1302
E-mail: mos-ssp@mail.ru
Белялова Асия Мидихатовна, к.ю.н., заместитель директора Института правовых исследований и региональной интеграции Российско-экономического университета им. Г.В. Плеханова, и.о. заведующего отделом международного сотрудничества Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
ORCID 0000-0002-8916-4559
E-mail: venkom@izak.ru

Аннотация

В статье проанализированы правовые основы сотрудничества государств Каспийского региона – России, Азербайджана, Казахстана, Туркменистана и Ирана.

С подписанием Конвенции о правовом статусе Каспийского моря в 2018 г. взаимоотношения между пятью странами вышли на качественно новый уровень. Если с распадом СССР в сотрудничестве преобладали центробежные тенденции, особенно после приобретения независимости бывшими республиками СССР, то последние годы характеризуются центростремительной направленностью, а кризис COVID-19 ярко показал, что только совместными усилиями страны могут противостоять вызовам и угрозам сегодняшнего дня.

Немаловажным аспектом сотрудничества прикаспийских стран является их членство в различных интеграционных объединениях, которое накладывает на эти государства определенные обязательства, что, несомненно, отражается на их взаимодействии в Каспийском регионе.

Ключевые слова: Каспийский регион, конвенция, научно-техническое сотрудничество, правовой статус, каспийская пятерка, экономика, военно-политическое сотрудничество.

Геополитические и экономические преобразования ушедшего года существенно повысили статус Каспийского моря и как транспортного коридора, и как природного объекта, и как источника природных ресурсов.

Саммит прикаспийских государств (СПГ) является международным саммитом и функционирует с 2002 г. Членами СПГ являются Азербайджанская Республика, Исламская Республика Иран, Республика Казахстан, Российская Федерация и Туркменистан. Пятистороннее сотрудничество на Каспии охватывает различные области, включая экономику, транспорт, обеспечение безопасности, научные исследования и др. На V Саммите прикаспийских государств 12 августа 2018 г. была подписана Конвенция о правовом статусе Каспийского моря.

С подписанием Конвенции о правовом статусе Каспийского моря 2018 года начал формироваться новый правовой статус Каспийского моря. Особое внимание в СМИ уделяется тому, что, согласно Конвенции о правовом статусе Каспийского моря, Каспий приобрел статус моря, а не озера, что повлекло за собой «юридические последствия». Однако это не совсем так.

Не имея выхода к мировому океану и являясь де факто бессточным озером, Каспийское море тем не менее подпадает под признаки «замкнутого моря», предусмотренные Конвенцией ООН по морскому праву 1982 года. Вместе с тем вопрос о возможности применения Конвенции к Каспию остается дискуссионным. Конвенция 2018 года установила специфический правовой режим Каспийского моря, не совместимый с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 года. Это объясняется тем, что дно и недра Каспийского моря в правовом отношении не являются континентальным шельфом прикаспийских государств. Они не могут быть отнесены к дну и недрам открытого моря, поскольку в этом бассейне нет открытого моря, как это определено в ст. 86 и 87 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. Она закрепила совершенно иные принципы разграничения территории дна и акватории Каспийского моря, нежели Конвенция ООН по морскому праву. Таким образом, Конвенция 2018 года сообщила Каспийскому морю статус водоема с особым правовым режимом, но не моря.

Конвенция объединяет абсолютно разные с правовой, экономической и политической точки зрения государства. Более того, они являются членами принципиально различных международных организаций и юридически связаны совершенно разными международными обязательствами[14].

Таким образом, на современном этапе интеграция прикаспийских государств в рамках СНГ и ЕАЭС получила новый импульс – с точки зрения экономической интеграции определена юридическая принадлежность дна и недр Каспийского моря,

[14] Четыре из 5 прикаспийских государств являются членами СНГ, 2 государства (Россия и Казахстан) – членами ЕАЭС, 3 государства (Казахстан, Азербайджан и Туркменистан) – участники Договора к Энергетической Хартии, запрещающего государствам обременять иностранных инвесторов рядом обязательств и ограничивать право иностранных государств на транзит энергоресурсов через территорию государства-участника. Россия и Казахстан являются членами ВТО, и соответственно на них распространяются требования заключенных в рамках ВТО международных договоров, запрещающих ряд форм государственной поддержки отечественных субъектов предпринимательской деятельности. Казахстан, Азербайджан и Туркменистан признали юрисдикцию Международного Центра по урегулированию инвестиционных споров по спорам с инвесторами, к которым отнесен очень широкий круг лиц.

алгоритм и порядок согласования установки нефтяных платформ и размещения трубопроводов.

В области гарантирования безопасности статья 3 Конвенции 2018 года устанавливает принципы суверенитета и территориальной целостности; принцип неприменения силы или угрозы силой, взаимного уважения, сотрудничества, невмешательства прикаспийских государств во внутренние дела друг друга; использования Каспийского моря исключительно в мирных целях, решения всех вопросов, связанных с ним, мирными средствами; обеспечения безопасности и стабильности в Каспийском регионе; обеспечение неизменного баланса вооружений, ограничение военного строительства разумной достаточностью и учетом интересов всех Сторон; недопущения присутствия в Каспийском море вооруженных сил иных государств, нежели прикаспийские государства, и наконец принципы предсказуемости и транспарентности поведения этих государств, а равно отказ от предоставления ими своей территории другим государствам для совершения агрессии и других военных действий против любой из Сторон. Определены правила судоходства по Каспийскому морю, в том числе в части проведения морских научных исследований.

Вместе с тем ряд принципиальных вопросов оставлен в Конвенции для согласования государствами-участниками: разграничение внутренних и территориальных вод между государствами со смежными побережьями (ч. 3 ст. 7); разграничение дна и недр на секторы – по договоренности сопредельных и противолежащих государств; разграничение рыболовных зон между государствами со смежными побережьями; порядок и условия доступа из Каспийского моря к другим морям, Мировому океану и от них. Все эти вопросы подлежат разрешению в двусторонних международных договорах.

Некоторые из них уже существуют. Соглашением между Республикой Казахстан и Туркменистаном о разграничении дна Каспийского моря от 2 декабря 2014 года предусмотрено разграничение дна и недр Каспийского моря по линии, которая строится на основе срединной линии с учётом принципов и норм международного права, а также по договорённости Сторон. В статье 2 этого Соглашения указаны методы построения линии разграничения дна и недр Каспийского моря. Соглашение между Российской Федерацией, Азербайджанской Республикой и Республикой Казахстан от 14 мая 2003 года определило местоположение точки стыка линий разграничения сопредельных участков дна Каспийского моря с географическими координатами.

В наибольшей степени Конвенцией 2018 года определен порядок проведения морских научных исследований – они проводятся в рамках национального законодательства государств места осуществления научной деятельности, исключая разве что двусторонние и многосторонние морские научные исследования, которые проводятся, как указано в Конвенции 2018 года, по согласованию заинтересованных государств.

С одной стороны, наука и образование не являются объектами международно-правового регулирования. Вышеприведенное положение – достаточно редкий

случай. Показательно, что положения Конвенции 2018 года отнесли проведение морских научных исследований к компетенции законодательства прикаспийских государств. Если на национальном уровне научные исследования, научное сотрудничество становятся предметом все более детальной регламентации, то на сегодняшний день мы не можем назвать ни одного юридически обязывающего международного документа, регламентирующего научные исследования.

Такой вакуум очевидно чреват последствиями. Наиболее зримо дефицит координации действий государств на международном уровне продемонстрировала практика борьбы с пандемией COVID-19, когда представители медицинской науки контактировали друг с другом самостоятельно, что было отмечено Генеральным директором Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) Тедросом Аданомом Гебрейесусом на 74-й сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения «главным драйвером пандемии» COVID-19 отсутствие солидарности между странами и желания обмениваться данными, ресурсами, технологиями. Если страны пойдут той же дорогой, они опять придут к миру, который не готов к встрече с вирусом, небезопасен и несправедлив, предупредил глава ВОЗ. Чтобы сохранить мир в безопасности, необходима всеобщая вовлеченность[15].

Действительно, действия интеграционных объединений были направлены в большей степени на борьбу с последствиями пандемии, нежели с предупреждением ее возникновения.

Таким образом, международная интеграция (в том числе в рамках Европейского Союза) не достигла того уровня, который позволяет принимать общеобязательные решения и применять меры правового характера по борьбе с кризисными явлениями.

Парадоксальным образом научные учреждения оказались в юридической роли коммерческих корпораций, которые не связаны нормами международного права и в отношении которых идет дискуссия о признании их субъектами международного права[16] (так называемая проблема приватизации международного права). Более того, ряд организаций, которые мы привыкли рассматривать как международные (Гринпис, Красный Крест), на самом деле являются юридическими лицами частного права – некоммерческими организациями[17] – так называемыми международными неправительственными организациями. В аналогичной организационно-правовой форме существуют и научные учреждения.

Очевидно, что научное сообщество не менее толерантно, открыто и потенциально эффективно, чем сообщество субъектов предпринимательской деятельности, что в особенности касается государств бывшего СССР. Поскольку 4 из 5 государств Прикаспийского региона являются членами СНГ, интеграция государств, в том числе в сфере науки, должна осуществляться с использованием

[15] Подробнее на РБК: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/60ab98279a7947010b275cde

[16] Wolfgang Friedmann, The Changing Structure of International Law (1964) 230; Antonio Cassese, International Law in a Divided World (1986) 103.

[17] Гринпис – юридическое лицо Нидерландов, а Международный красный крест – юридическое лицо кантона Женева (Швейцария).

инструментов, разработанных в рамках СНГ – модельных законом разрабатываемых Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ.

Научно-техническое сотрудничество имеет принципиальное значение для поступательного развития как Российской Федерации и Азербайджанской Республики, так и для других государств Каспийского региона. Именно достижения науки и технологий определяют динамику экономического роста и уровень конкурентоспособности государств, укрепляют национальную безопасность и расширяют возможности повышения качества жизни граждан[18].

Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации в качестве задач предусматривает развитие международного научно-технического сотрудничества и международной интеграции путем определения целей и формата взаимодействия с иностранными государствами; формирование и продвижение актуальной научной повестки государства как участника международных организаций; локализацию на территории страны крупных международных научных проектов; развитие механизма научной дипломатии как разновидности публичной дипломатии и др.[19]

Следует особо отметить усиление в современных условиях роли научной дипломатии, успешное развитие которой неразрывно связано с внешней и научно-технической политикой страны в части развития международного научно-технического сотрудничества.

Вопросы научно-технического взаимодействия занимают важное место и деятельности большинства евразийских интеграционных объединений, в которых РФ принимает участие.

Среди евразийских интеграционных проектов и инициатив следует особо отметить открытый, сетевой, инклюзивный формат научного взаимодействия прикаспийских государств, центрированный Каспийским морем как древним цивилизационным центром, который сегодня составляет важнейший ресурс развития для прикаспийских стран.

Здесь евразийская идея может получить новое прочтение, задав вектор теоретического и практически-заостренного обсуждения широкого спектра вопросов, начиная с истории и археологии и заканчивая сегодняшней экономической и политической проблематикой.

Научное сотрудничество ученых стран Каспийского региона служило и в прошлом формированию общего социально-культурного пространства, а в современных политических условиях оно способно сохранять и развивать дружественные отношения между народами и государствами и дать импульс для более глубокого осмысления процессов в Каспийском регионе и современных тенденций его развития. У ученых стран и научных учреждений Каспийского региона имеется большой потенциал для активизации своей деятельности. Он

[18] Ежегодный доклад Интеграционного клуба при председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации за 2015 год.

[19] Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации утверждена Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642.

отличается наличием кадров высокой квалификации, существованием основательного багажа научных наработок, сделанных еще во времена СССР, и сохранением налаженных личных и профессиональных связей российских ученых с коллегами из соседних стран.

Россия, Азербайджан, Казахстан, Иран, Туркменистан сотрудничают на полях Каспийского саммита, в рамках которого подписывается и уже реализуется значительное число соглашений, в той или иной мере затрагивающих научную сферу[20]. И в этих условиях неизмеримо возрастает роль научного взаимодействия и научной дипломатии, поскольку круг проблем, имеющих международное измерение и предполагающих широкие научные и экспертные консультации, очень широк. Научно-техническое сотрудничество расширяет возможности для внешней политики и может стать дополнительной опорой моста между странами.

Подытоживая, отметим, что, несмотря на определенные «центробежные» тенденции, мировая политика идет по пути постепенной интеграции государств в силу отмечаемого еще Аристотелем заложенного в человеческой природе стремления к общению с себе подобными, объективной необходимостью взаимодействия перед глобальными вызовами и, наконец, естественной потребности человека в максимальном ускорении взаимодействия, на пути которой стоят государственные границы и различия в правовых системах государств. В этой связи очевидно, что право, как общественное явление, также будет следовать в русле этого направления.

References

Antonio Cassese, International Law in a Divided World (1986) 103.

Wolfgang Friedmann, The Changing Structure of International Law (1964) 230.

Grinberg R.S. Formirovanie Evrazijskogo sojuza: shansy i riski // Analiticheskij vestnik Soveta Federacii № 6 (524) «O roli Rossijskoj Federacii v evrazijskom integracionnom processe: perspektivy razvitija i uglublenija jekonomicheskoj integracii» / Pod obshh. red. V.D. Krivova. M., 2014.

Kurbanov R.A. Evrazijskoe pravo: processy formirovanija // Gosudarstvo i pravo. N9, 2015. S. 65-71.

Kurbanov R.A. Sovremennye formy regional'noj integracii skvoz' prizmu evrazijskogo prava//Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2017. № 5. S. 449-457.

Stepin V.S. Civilizacija i kul'tura. SPb.: SPbGUP, 2011. S. 329

[20]См. например: Соглашение между правительствами прикаспийских государств о торгово-экономическом сотрудничестве от 12 августа 2018 г.; Соглашение между правительствами прикаспийских государств о сотрудничестве в области транспорта от 12 августа 2018 г.; Распоряжение Правительства РФ от 13 марта 2014 г. № 368-р «О подписании Соглашения о сотрудничестве в области гидрометеорологии Каспийского моря»; Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2014 №1866-р «О подписании Соглашения о сохранении и рациональном использовании водных биологических ресурсов Каспийского моря»; Распоряжение Правительства РФ от 27.09.2014 г. № 1895-р «О подписании соглашения о сотрудничестве в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Каспийском море»; Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море от 18 ноября 2010 г.

Для цитирования: Курбанов Р.А., Белялова А.М., (2021). Интеграция и центробежные тенденции в каспийском регионе. правовые аспекты *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности,* (2), 35-42.

DOI 10.21672/2713-024X-2021-2-1-035-042

Список литературы

Antonio Cassese, International Law in a Divided World (1986) 103.

Wolfgang Friedmann, The Changing Structure of International Law (1964) 230.

Гринберг Р.С. Формирование Евразийского союза: шансы и риски // Аналитический вестник Совета Федерации № 6 (524) «О роли Российской Федерации в евразийском интеграционном процессе: перспективы развития и углубления экономической интеграции» / Под общ. ред. В.Д. Кривова. М., 2014.

Курбанов Р.А. Евразийское право: процессы формирования // Государство и право. N9, 2015. С. 65-71.

Курбанов Р.А. Современные формы региональной интеграции сквозь призму евразийского права // Вестник Российской академии наук. 2017. № 5. С. 449-457.

Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. С. 329.

CASPIAN SEA MESOREGION: CULTURAL CODES AND TRANSPORT RINGS

Sergey B. Pereslegin
Knowledge Management Center at the International Institute of Management Problems (IMNIIPU) St. Petersburg,
E-mail: 03cashalot@mail.ru

Abstract

The fundamental instability of the global world, associated with the technological limitation as a marker of globalization, precedes the crisis.

Mankind is currently facing a succession of crises, in which the Covid-19 pandemic being only an outward representation, a media "face".

The crisis of globalization can follow two paths:

First, a transformation through chaos, a "savannah world", "grey zones" where no laws except the law of force apply.

Second, transformation through the creation of macro-regions.

Both options imply a high risk of military conflicts throughout the space of globalization and, above all, in Southeast Asia, which will lead to an arc of instability affecting Russian interests. The key area determining the behavior of the arc of instability is the Caspian Sea region.

At present, of the four possible versions of the post-global world (as of 2015: infrastructure colonialism, cosmocolonialism, ecological capitalism, macro-regionalization) two remain. Ecological capitalism has been transformed into inclusive capitalism, and macro-regionalisation turned out to be the only alternative to the initiative of K. Schwab. Currently, the macro-region is understood in three senses - geopolitical, geographical and administrative. Geographically linked 'blocks', which are the basis of geoplanetary macro-regions, can be called meso-regions.

The article considers six versions of the Caspian Sea mesoregionalization: "Transcaucasia", "Anatolia", SENTO, "Pre-Caspian", "Iranian-speaking Oikumene" and "Pyatimorye". It is stated that only the strategically grounded inertial "Anatolian mesoregion" scenario and the geographically grounded realistic "Pre-Caspian" scenario have a notable probability of implementation. Of these, only the second meets Russia's interests. The military, political and economic alliance between Russia and Iran could become the core of such a region.

The Caspian Sea mesoregion is economically and logistically based on the meridional North-South transport corridor. It is shown that this corridor should be connected not only to the latitudinal routes, but also to the ring infrastructure, uniting the Transcaucasus in a single whole.

hus, the transition from the necessary conditions for the formation of a mesoregion (geographical connectivity, broadly understood security, common interests) to sufficient conditions is carried out. These sufficient conditions include the transition from geographical connectivity to infrastructural and economic connectivity, the creation of a "ring economy" and a "ring identity".

However, in addition to transport and economic connectivity and overall military and political security, the core of a mesoregion should also have a high level of social and socio-ethnic cohesion and a common goal setting, which would allow it to be stable against external cultural and semantic manipulation. In other words, one of the sufficient conditions for the existence of a mesoregion is the unity or, at least, the compatibility of the cultural codes of the ethnic groups comprising the region.

The article gives a definition of the cultural code and a sketchy way of its calculation, briefly describes the cultural codes of the Caspian countries and draws a conclusion about their compatibility and the possibility of constructing a common cultural code of the region around the interaction of Russian and Persian/Iranian cultures. Such a cultural code can be transmitted through a geoplanetary educational canon.

Keywords: mesoregion, Pre - Caspian, cultural code, globalization crisis, transport rings

МЕЗОРЕГИОН ПРИКАСПИЯ: КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ И ТРАНСПОРТНЫЕ КОЛЬЦА

Переслегин Сергей Борисович
Центр Управления Знаниями в Международном Институте Проблем Управления (МНИИПУ) Санкт-Петербург
E-mail: 03cashalot@mail.ru

Аннотация

Принципиальная неустойчивость глобального мира, связанная с технологической предельностью как маркером глобализации, предваряет кризис. В настоящее время Человечество столкнулось с целой последовательностью кризисов, причем пандемия Covid-19 является лишь их внешним представлением, медийным «лицом».

Кризис глобализации может пойти двумя путями: во-первых, трансформация через хаос, *«мир-саванну», «серые зоны»,* где не действуют никакие законы, кроме закона силы. Во-вторых, трансформация через создание макрорегионов.

Оба варианта предполагают высокий риск военных конфликтов по всему пространству глобализации, и прежде всего в Юго-Восточной Азии, что приведет к возникновению дуги нестабильности, затрагивающей интересы России. Ключевым районом, определяющим поведение дуги нестабильности, является Прикаспий.

В настоящее время из четырех возможных версий постглобального мира (на 2015 г. это инфраструктурный колониализм, космоколониализм, экологический капитализм, макрорегионализация) осталось две. Экологический капитализм трансформировался в инклюзивный, и макрорегионализация оказалась единственной альтернативой инициативе К. Шваба. В настоящее время макрорегион понимается в трех смыслах – геополитическом, географическом и административном. Географически связанные «блоки», являющиеся основой геопланетарных макрорегионов, могут быть названы мезорегионами.

Статья рассматривает шесть версий мезорегионализации Прикаспия: «Закавказье», «Анатолия», СЕНТО, «Прикаспий», «Ираноязычная Ойкумена» и «Пятиморье». Указывается, что заметную вероятность реализации имеют только стратегически обоснованный инерционный сценарий «Анатолийский мезорегион» и географически фундированный реалистический сценарий «Прикаспий». Из них только второй отвечает интересам РФ. Ядром такого региона может стать военный, политический и экономический союз России и Ирана.

Мезорегион «Прикаспий» экономически и логистически опирается на меридиональный транспортный коридор «Север – Юг». Показывается, что этот коридор должен быть подключен не только к широтным трассам, но и к кольцевой инфраструктуре, объединяя Закавказье в единое целое. Таким образом, осуществляется переход *от необходимых условий формирования мезорегиона* (географическая связность, широко понимаемая безопасность, общие интересы) *к достаточным*. Среди этих достаточных условий – переход от географической связности к инфраструктурной и экономической, создание «кольцевой экономики» и «кольцевой идентичности».

Однако, кроме транспортной и экономической связности и общей военно-политической защищенности, ядро мезорегиона должно также иметь высокий уровень социальной и социально-этнической связности и общее целеполагание, что позволит ему быть устойчивым относительно внешней культурной и смысловой манипуляции. Иными словами, одним из достаточных условий существования мезорегиона является единство или, во всяком случае, сочетаемость культурных кодов этносов, входящих в регион.

В статье дается определение культурного кода (далее – КК) и эскизный способ его вычисления, кратко описываются культурные коды прикаспийских стран и делается вывод об их сочетаемости и возможности построить общий КК региона вокруг взаимодействия российской и персидской / иранской культур. Такой культурный код может быть передан через геопланетарный образовательный канон.

Ключевые слова: мезорегион, Прикаспий, культурный код, кризис глобализации, транспортные кольца.

ВВЕДЕНИЕ

Всякий раз, когда общественное развитие подходит к пределу, мир становится глобальным. Это предполагает:

- Приоритет экономики (то есть производства товара на продажу) перед хозяйствованием, господство рыночных отношений, развитую международную торговлю;
- Предельно возможное при данном технологическом уровне разделение труда, в том числе – международное;
- «Четыре глобальности» – свободу перемещения людей, товаров, финансов, информации;
- Транспарентность, то есть наличие языка международного общения, мирового права, единой религиозной и культурной оболочки.

Глобальный мир неустойчив, поскольку предельность развития предваряет кризис, который быстро охватывает все пространство глобализации. Это может быть кризис общественно экономической формации, фазы развития, технологического уклада.

Вероятно, в настоящее время (2020 – 2021 гг.) Человечество столкнулось с целой последовательностью кризисов, причем пандемия Covid-19 является лишь их внешним представлением, медийным «лицом».

Поворот от глобализации к постглобальному миру начался около 10 лет назад Ливийским конфликтом. «Точкой невозврата» стала «политика санкций»: было продемонстрировано, что глобальное разделение труда не может обеспечить безопасность государства, а международное право не гарантирует защищенность национальных элит и их активов. Пандемия разрушила глобальный мир окончательно, отменив «глобальности» и уничтожив «экономику услуг».

Кризис глобализации может пойти двумя путями.

Во-первых, трансформация через хаос, *«мир-саванну», «серые зоны»,* где не действуют никакие законы, кроме закона силы.

Во-вторых, трансформация через создание макрорегионов.

Оба варианта предполагают высокий риск военных конфликтов по всему пространству глобализации, и прежде всего в Юго-Восточной Азии.

Торговое соперничество Китая и США в двадцатилетней перспективе должно вылиться в крупномасштабную войну на Тихом океане. Ее следствием станет «второй фронт» для Китая в Сяньдзян-Уйгурском автономном районе и далее вдоль всего «Шелкового пути». Это провоцирует неустойчивость в Центральной и Средней Азии.

Возникнет *«конфликтный коридор»* от района «Восточного Бенилюкса» (Вьетнам, Лаос, Кампучия, Таиланд, Малайзия») через Сяньдзян-Уйгурский район на Прикаспий, зону Залива и далее в Африку.

Эта ситуация дополнительно усугубляется тем, что заканчивается переформатирование Ближнего Востока, что с неизбежностью приведет к сдвигу военной и политической напряженности на восток – сначала в Пакистан и Афганистан, затем в Среднюю Азию, где сформируется очередной очаг мирового

конфликта. *«Дуга нестабильности»* проходит очень близко от южных границ России, причем в некоторых сценариях развития политических событий она может выгнуться не «вниз», в Африку, а «вверх» – в Россию и Европу.

И политически, и географически, и экономически ключевым регионом, определяющим поведение «дуги нестабильности», является Прикаспий. Устойчивость вокруг Каспийского моря дополнительно подрывается конфликтом Армении и Азербайджана (что предполагает интерес, если не прямое вмешательство Турции и Ирана), а также ситуацией в Туркмении, которая нуждается в рынках сбыта для своего природного газа. Это вызвало к жизни проект TAPI (газопровод Туркмения – Афганистан – Пакистан – Индия): «*Проект TAPI — это не только спонсируемая США альтернатива газу из Ирана. Его реализация — краеугольный камень американской идеи «Нового шелкового пути», который должен связать Южную и Центральную Азию трубопроводом, линиями электропередачи и транспортной инфраструктурой, проходящими через Афганистан, — отмечает эксперт индийского совета по международным делам Закира Хуссейн.*

Осуществление этой идеи, по его оценкам, создаст новое направление для освоения богатых ресурсов Центральной Азии, принципиально отличное от существующего российского и китайского»[21] (Баев, Явлинский, 2012).

Проект TAPI, особенно в связи с американскими политическими проектами Великого Курдистана и Великого Белуджистана, провоцирует рост региональной неустойчивости, особенно в связи с его антииранской и антикитайской направленностью.

Таким образом, «главное море Евразии», вероятно, определит не только военную обстановку на суперконтиненте и характер будущего «векового конфликта»[22], но и исход нынешнего мирового кризиса: государственные границы, «серые зоны», формы экономической жизни, технологические уклады.

[21] А. Баев, И. Явлинский «Индия получит доступ к туркменскому газу». https://iz.ru/news/525244.

[22] Вековые конфликты можно рассматривать, как элементы крупномасштабной структуры истории. Это – долгоживущие обобщенные противоречия, которые сохраняются в течение нескольких шагов развития. Завершение векового конфликта меняет политическую географию. Вековые конфликты создают концепции, идеологии, стратегии и технологии, которые их обслуживают.

Рисунок 1

О понятии макрорегиона

В середине 2010-х годов обсуждалось несколько вариантов постглобального мироустройства. Наиболее интересными из них были:

- *Инфраструктурный капитализм*, когда при политическом, экономическом и культурном разнообразии, распаде мирового рынка и мировой финансовой системы сохраняется глобальный характер инфраструктур, причем не только традиционных и индустриальных (пути сообщения, морской и воздушный транспорт, трубопроводы, энергетические инфраструктуры и т.д.), но и современных, включая Интернет, связь, навигацию, доступ к виртуальной и дополненной реальности, архивы и дата-центры.
- *Космоколониализм* – глобальная структура исследования и освоения мирового космического пространства (опять-таки при значительном разнообразии форматов жизни, мышления и деятельности на Земле)[23] (Школьников, 2019).
- *Экологический капитализм* – тотальная безуглеродная экономика, возобновляемые источники энергии, экологический контроль любых производств, ограничение потребления[24] (Griffiths, Lucas, 2016).

[23] Школьников А. Очерки о стратегии США (продолжение) // Аврора. Информационное агентство (18.02.2019). URL: https://aurora.network/articles/1-mirovoy-krizis/65376-ocherk-o-strategii-ssha-prodolzhenie.

[24] Griffiths, M.R; Lucas, J.R. (November 16, 2016). Value economics: the ethical implications of value for new economic thinking. Palgrave Macmillan UK.

- *Макрорегионализация* – разделение глобального мира на несколько экономических зон с разными «правилами игры». По сути, речь идет о нескольких «альтернативных глобализациях» вместо единой, общемировой[25] (Воскресенский, Колдунова, Лунев, 2014).

Кризис 2020 года привел к резкому сокращению пространства решений. Инфраструктурная и космическая версии отпали, по крайней мере, как ближне- и среднесрочная перспектива. Экологический капитализм трансформировался в *инклюзивный фашизм*[26], что превратило макрорегионализацию в единственную альтернативу для тех государств и этносов, которые отвергают инициативу К. Шваба. Это повысило интерес к различным версиям макрорегионального мироустройства.

Здесь мы сталкиваемся с интересной терминологической трудностью. Дело в том, что одно и то же слово – «макрорегион» – сегодня используется в трех совершенно различных значениях:

Прежде всего **макрорегион – новое геополитическое или даже геопланетарное[27] понятие**, задающее структуру постглобального мироустройства. Такой макрорегион представляет собой максимально широкое защищенное пространство. Это предполагает военную, информационную, ресурсную, правовую безопасность, расчетно-инвестиционную целостность, социальную интегрированность, причем перечисленные условия являются необходимыми, но, как мы увидим в дальнейшем, недостаточными[28][29] (Митрофанова, 2008). Технологии (технологические пакеты) здесь рассматриваются как специфические ресурсы. К особо значимым ресурсам относятся ключевые технологии, кадры (человеческий ресурс), продовольствие, фармацевтические производства, топливо, стратегические (конфликтные)

[25] Воскресенский А.Д., Колдунова Е.В., Лунев С.И. Макрорегионализация и региональные комплексы. Виды регионов. Региональные подсистемы и региональный порядок / Мировое комплексное регионоведение / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр-Инфра-М, 2014. С. 176-200.

[26] Содержанием этой доктрины является переход от «новой нормальности» к «новому порядку». Это беспощадная война «*темным религиозным воззрениям и этническим предпочтениям*», разрушение национальных государств и создание единого планетарного правительства, замена существующего института собственности uber-экономикой, когда все принадлежит сверхкорпорациям, остальные же получают необходимые им вещи в пользование на определенных условиях: лояльность, выполнение всех требований властей, начиная с обязательной вакцинации. Навязывается зеленая энергетика, экологические ограничения, лимиты на потребление воды, электричества, экологически опасных продуктов (мяса, например), экологически вредных изделий (автомобили). Резко повышаются цены на продукты питания, тепло и свет. Широкая роботизация приводит к снижению доходов населения и уничтожению «среднего класса». Для борьбы с недовольными создается всемирная сеть цифрового контроля. Лояльные к режиму получают безусловный базовый доход, достаточный для поддержания их физического существования.

Модель К. Шваба предполагает уничтожение не только «среднего класса», но и национальных и религиозных элит и переход к неофеодальному двухклассовому обществу: очень малочисленная транснациональная элита со средней продолжительностью жизни свыше 120 лет и основная масса населения, живущая около 60 лет, лишенная политических прав и собственности.

[27] Термин «геопланетарный» используется здесь для обозначения соединения геополитического, геоэкономического и геокультурного подходов.

[28] Здесь и далее используются материалы экспертного семинара в Усть-Качке (2020 г.), в частности, доклады Д. Евстафьева и Д. Золотарева.

[29] Митрофанова И.В. Макрорегион как утверждающаяся форма территориальной институции // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2008. №8(29). С. 30-40.

минералы[30]. Наличие ядерного оружия, способность создать «ядерный зонтик» является основанием создания геопланетарного макрорегиона.

Далее, **макрорегион может рассматриваться, как географическое понятие**. Различие с предыдущим определением состоит в том, что геопланетарный макрорегион может не быть связным (например, рассматривается версия макрорегионализации России со странами Латинской Америки), в то время как географический макрорегион предполагает связное, но не обязательно полностью защищенное пространство. Для того чтобы избежать ненужной путаницы, будем называть макрорегионы, заданные географически, *мезорегионами*[31] (Леонова, 2013).

Наконец, в современной России проектируются **административные макрорегионы**. Речь идет об объединении субъектов Федерации, например, Башкирии и Удмуртии, в новую единицу управления. Предполагается создать дополнительную инстанцию между федеральными округами, практически, не обладающими реальными властными и финансовыми ресурсами и исторически сложившимися федеративными структурами со случайными границами.

Считается, что структуру постглобального мира (и почти неизбежной постглобальной войны) будут определять макрорегионы. Однако сегодня *«гарантированных макрорегионов нет»*, а все их существующие проекты *«имеют потенциал сжатия»*. Кроме того, эти проекты достаточно произвольны. Например, для России предлагается следующий список возможных макрорегионов с ее участием:

- Юг (Средняя Азия, Прикаспий);
- Большая Евразия (ядром является СНГ, проектной идеей – трансформация ШОС в экономическое пространство);
- Север (арктические территории, включая европейскую Арктику);
- Индия;
- Латинская Америка;
- Турция.

Понятно, что большинство этих конструкций умозрительны, являются «прожектами» если не «хотелками», и с трудом вписываются в политическую и культурную реальность. Разумно предположить, что сколько-нибудь *устойчивые*, способные вести войну и преобразовывать мир *геопланетарные макрорегионы могут быть созданы только из мезорегионов*.

[30] Скандий, иттрий, лантан и лантаноиды (церий, празеодим, неодим, прометий, самарий, европий, гадолиний, тербий, диспрозий, гольмий, эрбий, тулий, иттербий, лютеций). К «конфликтным минералам / материалам», помимо этого списка, относят также тантал, золото, вольфрам, олово (акт 1502 Додда-Франка). Сегодня следует добавить индий, рений, цирконий, вольфрам, молибден.

[31] Леонова О.Г. Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира // Век глобализации. 2013. №1. URL: http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/g1-2013/18822-globalnaya-regionalizaciya-kak-fenomen-razvitiya-globalnogo-mira.html.

Мезорегионализация Каспийского моря

На середину 2010-х годов были возможны различные конфигурации мезорегионов, структурирующих пространство Каспийского моря и затрагивающих военные и политические интересы России.

Самой простой версией является **мезорегион «Закавказье»**, включающий бывшие советские закавказские республики – Грузию, Армению, Азербайджан при общем патронаже России. Такой регион, разумеется, противоречит сложившейся системе отношений, но зато фундирован исторически (Российская Империя, СССР). В возникновении такого региона были заинтересованы Россия и Иран, противники – Турция и США. Даже в 2017 году вероятность создания «Закавказья» оценивалась как «*близкая к нулю*» – как из-за соотношения сил в Закавказье, так и вследствие конфликтных отношений между предполагаемыми интересантами. Кроме перманентной армяно-азербайджанской войны, напряжения существовали между Арменией и Грузией, Россией и Грузией, Азербайджаном и Грузией.

После Карабахского конфликта 2020 года Азербайджан сделал свой выбор. Сейчас практически сформирован **Анатолийский мезорегион**, включающий в себя Турцию и Азербайджан. Наладив отношения с Азербайджаном, Р. Эрдоган сделал большой, хотя, вероятно, не решающий шаг к «Неоосманской (недо)империи» (Большой Турции). В 2017 году этот сценарий оценивался как «весьма вероятный», «инерционный», то есть вытекающий из сложившейся ситуации. Необходимо, однако, иметь в виду, что в Азербайджане все еще сохраняется русское влияние, как в области культуры, так и в области языка, а Россия не заинтересована в мезорегиональной структуре, соединяющей Турцию и Азербайджан и усиливающий позиции НАТО в Закавказье и на Среднем Востоке. В еще большей степени противником «Анатолийского варианта» является Иран, для которого такая геополитическая конфигурация чревата серьезным конфликтом с Турцией. Интересно, что и США, вероятно, не в восторге от перспективы возрождения пантюркского геополитического проекта. Таким образом, «Анатолийскому мезорегиону» еще предстоит доказывать свою живучесть.

Во всех остальных версиях мезорегиона ключевую роль играет Иран.

Возможны следующие версии:

- **СЕНТО** (Иран, Туркмения, Пакистан, Индия, возможно, но маловероятно в сегодняшних условиях, – Азербайджан). В этом проекте заинтересована Великобритания. Собственно, он может реализоваться только за счет кратковременного ренессанса Британской Империи, как самостоятельной геополитической силы, не ассоциированной с США или ЕС. Соответственно, проект вызовет негативную реакцию США и, надо полагать, Китая и Саудовской Аравии. Для России «СЕНТО» – является амбивалентным вариантом: данная конфигурация на первом шаге приводит к вытеснению РФ из Прикаспия, а на втором – дает ей возможность контролировать Средний Восток за счет союза с Ираном.
- **Прикаспий** (страны Каспийского моря – Россия, Азербайджан, Иран, Туркмения, Казахстан). Необходимым условием реализации проекта является

союз России и Ирана. Он вполне возможен – как из-за общности геополитических интересов (обе страны являются «изгоями» глобализации и обеспокоены тем, что трансформация мирового порядка может быть осуществлена за их счет), так и вследствие общей заинтересованности, экономической, политической и военной, в создании подобного макрорегиона. Здесь необходимо удерживать в памяти, что на данный момент и в среднесрочной перспективе Россия является единственной страной, способной иметь на Каспийском море сильный военный флот, что дает ей значительное геополитическое преимущество[32]. Противниками Прикаспийского мезорегиона являются Китай, Саудовская Аравия, Турция, возможно, США.

- **Ираноязычная Ойкумена** (Иран, страны Закавказья, Туркмения, Узбекистан при ассоциации с Россией и Казахстаном). По существу, очень маловероятный сценарий «расширенного Прикаспия», возможный при катастрофическом развитии текущего кризиса и «всплытии исторических реликтов», в частности – доисламской Персии.
- **Пятиморье** (еще более «продвинутый» Прикаспийский регион, включающий Турцию и Ближний Восток). Требует полного распада современных политических организованностей, включая гибель Израиля и полный хаос в Восточном Средиземноморье.

Из всех рассмотренных версий заметную вероятность реализации имеет стратегически обоснованный инерционный сценарий[33] «Анатолийский мезорегион» и географически фундированный реалистический сценарий «Прикаспий». Из них первый категорически не отвечает интересам РФ, второй же – дает возможность развернуть макрорегиональное строительство, опираясь на Россию с ее ядерной, промышленной и отчасти технологической базой, и контролируя бассейн Каспийского моря.

---

[32] Иран практически не имеет судостроительных мощностей на южном побережье Каспийского моря, остальные страны – необходимых технологий.

В составе российской Каспийской флотилии находятся два сторожевых корабля проекта «Гепард» (полное водоизмещение 2200 тонн, 29 узлов, мощное ракетное вооружение, включающее комплекс «Уран» или «Калибр»), три малых ракетных корабля «река – море» проекта «Буян-М», вооруженные ракетами «Оникс», «Циркон» или «Калибр», три малых артиллерийских корабля проекта «Буян», пять артиллерийских катеров, ракетный катер, десантные корабли. Иран имеет на Каспийском море фрегат, корвет и четыре катера (и корвет и катера несут по четыре противокорабельные ракеты С-802 китайского производства). Туркменистан имеет два ракетных катера типа «Молния» (российского производства), несущих по 16 ракет «Уран». Морские силы Казахстана ограничиваются сторожевыми ракетно-артиллерийскими кораблями проекта «Барс-МО» (также российского производства). Азербайджан получил после распада СССР сторожевой корабль «Бакинец», ракетный, патрульный и два артиллерийских катера. С 1992 года эти корабли не модернизировались и, надо полагать, полностью утратили боевое значение.

В целом можно с уверенностью сказать, что российский флот не только обладает на Каспийском море «мультидержавным стандартом», но и способен обеспечить безопасность мезорегиона.

[33] Простейшая модель сценирования, известная как «бизнес-сценирование», рассматривает четырехэлементное сценарное пространство:

- Инерционный сценарий (ничего не меняем, ничего не меняется), в нашем случае – Анатолийский сценарий.
- Прорывной сценарий (изменили и получили, то, чего хотели), в нашем случае Пятиморье под эгидой России.
- Реалистический сценарий (хотели, как лучше, получилось, как всегда – обычно, ослабленная версия прорывного сценария) – Прикаспий.
- Чудесный сценарий (Бог или Вселенная помогли) – такого сценария нет среди вышеперечисленных, ориентированных на интересы России. Но, СЕНТО, например, является чудесным сценарием для Великобритании.

Мы приходим к выводу, что в настоящее время создание мезорегиона «Прикаспий» является единственным геополитическим проектом, отвечающим интересам РФ в условиях развивающегося кризиса глобализации.

Эскизное проектирование мезорегиона

Очевидно, что первым и важнейшим условием создания Прикаспийского мезорегиона является военный, политический и экономический союз России и Ирана. Такой союз возможен прежде всего ввиду общности интересов. И Россия, и Иран находятся под международными санкциями. Обе страны относятся к категории «изгоев» как с точки зрения международного права, так и отчасти в языке социопиктограмм[34]. В прошлом Россия и Иран неоднократно воевали, но в последнее столетие отношения между державами были добрососедскими, неурегулированные спорные вопросы, по-видимому, отсутствуют. Россия оказала Ирану значительную помощь в строительстве и пуске атомной электростанции в Бушере.

Таким образом, основания создания российско-иранского союза есть, но есть – и в гораздо большем объеме – накопившиеся исторические, религиозные, культурные расхождения. Поэтому этот союз потребует от российской дипломатии усилий и виртуозности, ей не свойственных. Тем не менее, какие-то шаги делаются, и сегодня речь уже идет о присоединении Ирана к ЕАЭС, что представляет собой «*не просто исторический триумф нашей страны, но и жирный крест на многовековой вражеской стратегии, которая, невзирая на существенные преимущества Запада на различных этапах этой борьбы, успеха не достигла*»[35] (Павленко 2021).

Союз России и Ирана фактически оформляет мезорегион, поскольку к России в этих условиях присоединится Казахстан, а к Ирану – Туркмения. Возникнет возможность привлечь и Азербайджан – если не в качестве полноправного

[34] Социопиктографический анализ – способ отображения наблюдаемых, выражаемых в метафорах, дискурсах, формулах, общественных институтах, проявленных в (рефлексируемых) процессах и трендах, отраженных в общественном сознании структурных особенностей социальной системы. К элементам социопиктограмм относятся, в частности, конфликты (бинарные противоречия), балансы (триалектические противоречия) и противоречия типа «Изгой». «Изгой» представляет собой структуру противоречий, когда выделяется «Круг», все элементы которого конфликтуют между собой, и, собственно, Изгой, находящийся вне «Круга» и конфликтующий с ним, как с целым. В этой пиктографической структуре конфликты в «Круге» носят политический или экономический характер, а конфликт между Изгоем и «Кругом» носит онтологический или трансцендентный характер. При этом Изгой не может трансформировать «Круг», а элементы «Круга» не могут уничтожить Изгоя. Примером такой социопиктограммы является Европа 1920-х годов: СССР играл роль Изгоя, страны, входящие в версальскую систему и Лигу Наций, образовывали «Круг».

В сюжете «Противовес» онтологический вызов со стороны «Изгоя» вынуждает высокую поисковую активность и онтологические сдвиги, что генерирует добавленную сложность и создает возможность быстрого содержательного развития.

Проблема современных России и Ирана заключается в том, что эти страны являются «недоизгоями». Россия не в состоянии в полной мере поддерживать онтологический конфликт с Западом только через особенности православной веры. Точно так же Иран не может находится в онтологическом конфликте с Исламским миром только за счет того, что исповедует шиизм. Но в союзе между собой эти страны становятся настоящими Изгоями – их союз онтологически неприемлем и для европейского, и для исламского мира.

[35] В. Павленко «Возможное вступление Ирана в ЕАЭС – это стратегическая победа России» https://regnum.ru/news/polit/3203747.html

участника, то как ассоциированного члена. Азербайджан вряд ли будет разрывать отношения с Турцией, традиционно конфликтующей с Ираном. С другой стороны, Баку – единственный мировой город на Каспийском море, и участие с транскаспийском сотрудничестве для Азербайджана может быть выгодно не только экономически, но и политически. Наконец, может сработать историческая память, языковая и культурная общность (хотя с Турцией двуязычный Азербайджан также связан языком и культурой).

Прикаспийский регион – особенно с учетом присутствия России и связей с Китаем и Индией – обеспечивает своим участникам военно-политическую, демографическую и ресурсную безопасность. Сложнее дело обстоит с технологической безопасностью и, особенно, с экономикой. Ядро региона должно быть самодостаточным в плане экономического роста и иметь защищенность от внешних социально-экономических рисков, близкую к автаркичности. В принципе, Прикаспий может стать таким ядром, но на данный момент участники мезорегиона, в том числе, разумеется, и Россия, демонстрируют узко эгоистическое экономическое поведение, далекое от понимания общих хозяйственных интересов. Ситуация может измениться, если будет создана общая региональная инфраструктура.

Южный коридор и транскаспийское транспортное кольцо

Для России Прикаспийский мезорегион является наилучшей, если не единственной, возможностью получить доступ к Персидскому заливу и Индийскому океану. При этом естественно формируется меридиональный транспортный коридор «Север – Юг», который может быть включен во все широтные евроазиатские транспортные пути. Возникает разумный баланс для «Шелкового пути», увеличивается связность пространства ЕАЭС. Растет влияние России в регионе. С другой стороны, Иран получает надежный канал военно-экономической помощи (комплексы С300/500), снижается давление Турции на Азербайджан. У Туркмении возникают новые возможности: в обмен на торможение проекта TAPI возможен транскаспийский газопровод в Турцию. Россия и Иран резко увеличивают военное и экономическое присутствие на Ближнем Востоке.

Есть и очевидные минусы: нарастание конкуренции Турция – Иран, негативное отношение НАТО, реакция Британии и США. Возникают риски целенаправленной дестабилизации Ирана через проекты Курдистана и Белуджистана, возможно возникновение проблем в южном Азербайджане.

В известной мере Южный коридор уже создан: 1 ноября 2016 года по коридору «Север-Юг» транзитом через Иран состоялась первая грузовая перевозка. Хотя «*первоначально объем грузов, которые можно перевозить по коридору Север — Юг оценивался примерно в 25 млн тонн к 2015 году, но*

фактически в 2019 году через азербайджанскую Астару на границе с Ираном в 2019 году прошло всего 364 тысячи тонн грузов»[36] (Поляков 2021).

Ситуация может заметно измениться, если коридор «Север – Юг» подключится не только к широтным трассам, но и к кольцевой инфраструктуре, объединяющий Закавказье в единое целое.

В действительности речь идет *о переходе от необходимых условий формирования мезорегиона* (географическая связность, широко понимаемая безопасность, общие интересы) *к достаточным*. Среди этих достаточных условий – переход от географической связности к инфраструктурной и экономической. Создание «кольцевой экономики» и «кольцевой идентичности».

Транспортное Кольцо должно соединять основные порты Каспийского моря и соединяться с «горизонтальными» и «вертикальными» коридорами. Вырисовывается следующая схема: Астрахань (присоединение к коридору «Север – Юг») – Оля – Махачкала – Каспийск – Дербент – Баку (соединение с Закавказской магистралью) – Ленкорань – Астара – Решт (соединение с магистралью Решт – Казвин – Тегеран и далее на юг) – Энзели – Чалус – Амирабад (присоединение к строящемуся участку коридора «Север – Юг») – Аваза – Туркменбаши (соединение с магистралью Туркменбаши – Балканабат – Ашхабад) – Актау (с выходом на Казахстанскую сеть и) – Атырау – Астрахань.

Создание подобного транспортного кольца и крупных логистических и интермодальных центров на нем потребует значительных усилий. Необходимо изначально понимать, что этот проект носит не экономический, а отчасти хозяйственный, отчасти геополитический характер. Речь идет об оформлении самого мезорегиона и системы международного разделения труда в нем. По мере совершенствования Прикаспийского Кольца на его основании будут создаваться технологические пакеты и хозяйственные (производственные) кластеры.

Интересантами Кольца являются, прежде всего, Иран, Туркмения, Россия (именно в таком порядке), затем Китай, Казахстан, Пакистан и Индия. Азербайджан, которому создание кольцевой инфраструктуры очень выгодно, первоначально займет нейтральную позицию, что обуславливается отношениями с Турцией. Противниками проекта будут страны Евросоюза, прежде всего, Франция, Турция, Великобритания, Израиль, Саудовская Аравия, вероятно, США.

Для России – это выход к Персидскому заливу и Индии, придание экономического содержания ЕАЭС.

Для Ирана – новый порядок взаимодействия с Евразийским миром.

Для обеих стран – культурный диалог и взаимное посредничество в коммуникации Ислам – христианская Россия, Ислам – шиитский Иран. Для Туркменистана – решение задачи газового экспорта.

[36] О. Поляков «Вступление Ирана в ЕАЭС: легко сказать – непросто сделать». https://eadaily.com/ru/news/2021/02/26/vstuplenie-irana-v-eaes-legko-skazat-neprosto-sdelat.

Культурный и когнитивный код

Кроме транспортной и экономической связности и общей военно-политической защищенности, *ядро мезорегиона должно также иметь высокий уровень социальной и социально-этнической связности и общее целеполагание*, что позволит ему быть устойчивым относительно внешней культурной и смысловой манипуляции. Иными словами, одним из достаточных условий существования мезорегиона является *единство или*, во всяком случае, *сочетаемость культурных кодов* этносов, входящих в регион.

Мезорегион (равным образом и макрорегион) это – военная, информационная, правовая защищенность, расчетно-инвестиционная целостность, социальная интегрированность, наличие когерентной модели развития, то есть, близких культурных кодов входящих в регион этносов. Это также единое цивилизационное ядро (язык, культура, культурный и когнитивный код, общая планетарная «рамка»), технологическая сложность, полнота и избыточность ресурсов, суверенитет, логистика.

Представляет интерес анализ культурных кодов стран, входящих в Прикаспийский мезорегион.

Культурный код – это алгоритмы действия в различных ситуациях, прежде всего критических, то есть угрожающих жизни, здоровью, социальному статусу[37]. Эти алгоритмы формируются на определенной территории среди некоторой социальной группы и императивно вменяются этой группе. Их можно рассматривать как компоненты вектора, заданного в некотором линейном пространстве социальных характеристик (Д. Сапегин).

Алгоритмы, определяющие поведенческий выбор, могут быть также описаны в виде набора многомерных гетерархических деревьев, контекстно зависимых, образующих ситуационные иерархии (Д. Золотарев). Допустимо представить их в виде Сети Петри, то есть они являются динамической дискретной системой, допускающей математическую формализацию (М. Макстенек, Д. Золотарев).

Культурный код опирается на национальный архетип и отвечает на два простых вопроса:

- как и зачем жить (нам, вместе, здесь, на этой территории)?
- как и зачем умирать?

Культурный код положен в основу **образовательного канона**, который определяет, чему в обязательном порядке должны научиться все живущие на данной территории.

Культурный код определяется географией территории обитания этноса, национальным языком, историей. Поэтому он имеет три составляющие: архетипическую, связанную с особенностями внешней среды и взаимодействия

[37] Использованы материалы ежегодных стратегических семинаров в Усть-Качке (доклады Д. Золотарева, Д. Сапегина, А. Столярова, М. Макстенека), статьи С. Переслегина «Цивилизация в людях и кодах», вебинаров «Культурный-и-когнитивный код», «Культурные коды постсоветского пространства».

социума с этой средой, когнитивную, определяемую особенностями и эволюцией языка и событийную, определяемую особенностями истории этноса.

Культурный код формируется как целое в традиционную (сельскохозяйственную, неолитическую) фазу развития. Основное окно культурной импринтной уязвимости нации приходится на предельную развитость этой фазы, то есть на Высокое Средневековье. Для европейской цивилизации это 13-15 век, в большинстве стран импринты приходятся на 14-е столетие н.э. Исключением являются Соединенные Штаты, где культурный импринт соответствует эпохе раннего промышленного переворота (16 век).

Когнитивный код – это привязанные к языку и культуре особенности мышления, приоритетные способы решения гносеологических задач. Связь культурного и когнитивного кода организована прежде всего через особенности языка и, во-вторых, через исторические события. Когнитивный код определяется языком этноса, эпистемой, то есть принятым этносом способом установления истинности суждения, трансценденцией.

Когнитивный же код формируется только в индустриальную эпоху (притом далеко не у всех наций[38]). Его создание предполагает тотальную грамотность социума, широкое распространение высшего образования и наличие сложных когнитивных задач в повседневной деятельной практике.

Алгоритм определения культурного и когнитивного кода может быть схематизирован следующим образом:

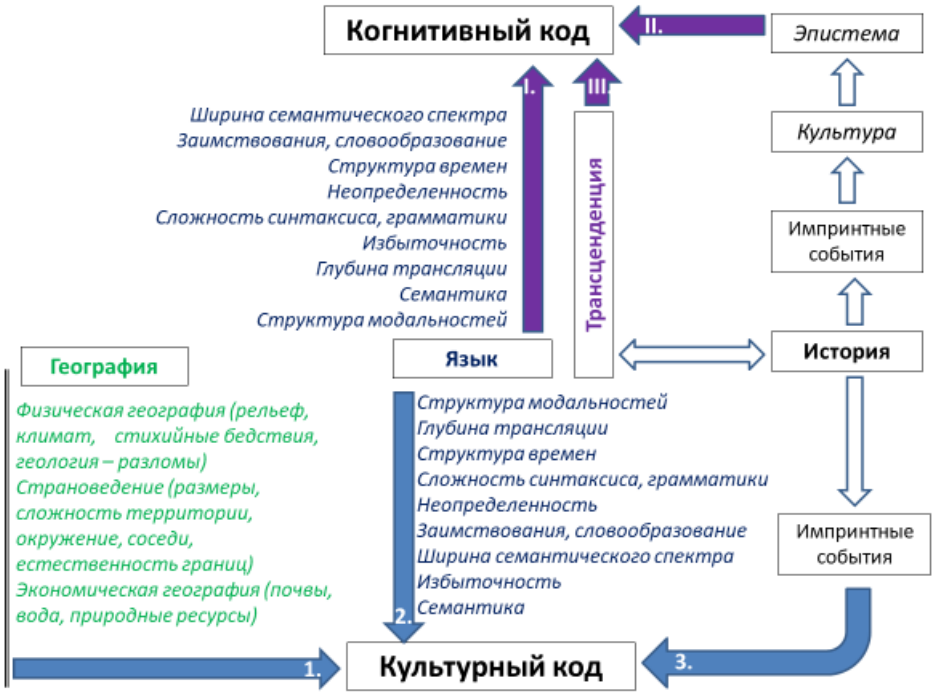

Рисунок 2

[38] В настоящее время удалось описать только англо-саксонский и русский когнитивный код. Не подлежит сомнению существование немецкого, французского, итальянского, латинского, греческого, еврейского когнитивного кода (речь идет исключительно о пределах европейского мира-цивилизации, Индия и Китай, несомненно, обладают независимыми когнитивными кодами, но их определение в рамках существующего алгоритма затруднено).

Поскольку культурный код формируется производящей сельскохозяйственной цивилизацией, основополагающую роль играют географические факторы (включая также климат, стихийные бедствия, этнические и военно-политические факторы). Далее важны особенности языка и характер импринтного события.

Культурные коды прикаспийских стран[39]
Таблица 1.

Страна	Площа	Размер, веденный к гу (км)	Ln размера, веденного к кругу	Населени лн	Плотно населения / кв.м.	ln отности еления
Россия	170982	2 334	7,76	145,93	8,54	2,14
Казахстан	272490	932	6,84	18,18	6,67	1,90
Иран	164819	725	6,59	83,99	50,96	3,93
Туркмениста	488100	394	5,98	6,03	12,36	2,51
Азербайджан	86600	166	5,11	10,14	117,08	4,76

Россия

Генезис: СССР, Российская Империя, Московия, Монгольская Империя, Русь.

Запредельное по географическим размерам государство, большая по численности населения, но не слишком населенная страна. Сложный рельеф, в котором преобладает лес, лесостепь. На большей части исторического ядра страны транспортная связь носит переменный (сезонный) характер, причем реки воспринимаются как барьеры, а не как дороги. Влажный, прохладный климат с сильными сезонными колебаниями. Короткое лето.

Нет естественных границ, страна всегда находилась во враждебном окружении.

Бедные, низкоплодородные, бросовые земли, на территории исторического ядра этноса – избыток влаги, сезонная распутица. По ресурсным показателям Россия парадоксальна:

- земель много, но они плохие;
- воды много, но она не нужна, реки «не там, где надо»;
- недра богаты, но доставить оттуда ресурсы в места их обработки практически невозможно из-за удаленности, слабой связности, низкой плотности населения на тех территориях, где эти ресурсы есть;
- людей много, но кадры отсутствуют.

[39] Следует учитывать, что автор статьи никогда не посещал Ирана и Туркменистана, поэтому их КК определяется только по интернет-источникам.

Эти географические детерминанты сформировали *русский антропотип* со следующими элементами культурного кода:

Мышление сложное, культура носит универсальный характер, то есть легко ассимилирует чужие формы и форматы. Такой культурный код дает власть над пространством, задает патерн первопроходца.

Тэги: простор, экспансия, космос, воля.

Вследствие сезонного характера труда в этносе сформировалась способность к короткому сверхусилию («день год кормит»), но не к постоянному упорному труду. В результате в этносе формируется максимализм, склонность к риску, способность играть по предельным ставкам – и при этом незавершенность, склонность недоделывать, делать «в общих чертах».

Отсутствие естественных границ, постоянные войны, причем двухфазные – с кочевыми народами Великой Степи и с более развитыми европейскими государствами, – все это сформировало героический тип культуры, сверхценность власти и государства, монархизм.

Парадоксальность ресурсов привела к антиномийности мышления. Низкий прибавочный продукт продуцировал общинность / доменность, превалирование нематериального в культуре.

Сочетание парадоксальности мышления и сверхценности власти привело к нигилизму, произволу, нежеланию подчиняться законам, пониманию свободы как воли.

Язык содержит в генезисе старославянский, греческий, санскрит. Очень широкий семантический спектр при низкой глубине трансляции. Богатая семантика. Легкость заимствований и простота словообразования.

В культурном коде это усиливает недисциплинированность, незавершенность, необязательность. Одновременно порождает креативность, поэтичность, сложность мышления.

Базовым историческим импринтом стало освобождение от монгольского ига, и прежде всего Куликовская битва. Отсюда – военная цикличность, длительные многопоколенческие войны, низкая цена человеческой жизни.

Иран

Генезис: 5 000 лет непрерывной государственной истории, Элам, Мидия, Персия, Персидская империя, Империя Александра, государство Селевкидов, Парфия, империя Сасанидов, Халифат Омейядов, империя Тамерлана.

Ныне – Исламская Республика Иран.

Этнос восходит к ранним ариям, возможно, иранцы являются прямыми потомками первых индоевропейцев.

Развитие страны квазициклично, причем каждый цикл включает великую Империю, великую культуру, великую религию (индоевропейские представления, восходящие к раннему индуизму, зороастризм, шиитский ислам, во всех стадиях можно отметить и жертвенность, и прозелитизм, и прямое влияние религии на принятие государственных решений). Вероятно, каждому циклу отвечает свой

импринт, связанный с именами великих людей – импринт Кира, импринт Хосрова и Ширин, импринт Хомейни.

В генезисе – предельная империя. Персия Ахеминидов в период своего расцвета включала до 25% населения. Сейчас крупное государство, средняя по населению страна.

Почти вся территория занята возвышенностями и горами Иранского нагорья. Климат засушливый, кроме Хузистана и побережья Каспийского моря. Пашни составляют только 10% территории, пастбища – 27%.

Страна очень богата полезными ископаемыми: нефть, газ, железная руда, марганец, цинк и т.д.

Персидский язык, ведущий язык иранской группы индоевропейской семьи языков, обладающий богатой многовековой литературной традицией, включая признанные шедевры мировой литературы, возник как продолжение среднеперсидского языка в эпоху исламизации Ирана после арабского завоевания и испытал сильное воздействие арабского языка. Очень древний, восходит ко 2 тысячелетию до н.э.

Получаем следующие элементы *культурного кода*:

Уникальный этнос с чрезвычайно древней историей, очень древней и очень богатой. История Персии подобна географии России. При Ахеменидах Персия создала отдельный мир-цивилизацию в виде «мозаичной» веротерпимой империи.

В Римское время Парфия разделяла Западный Римский мир и Восток, являясь своеобразным рубежным государством. Рим / Византия то был близок к полному завоеванию страны, то терпел страшные поражения, вплоть до пленения императора. В результате для Персии / Ирана 1-го – начала 2-го тысячелетия н.э. стала характерна раздвоенность – политическая, культурная, религиозная (зороастризм и ислам) – и склонность к незавершенности.

Иран слишком часто завоевывал и завоевывался, всегда были велики человеческие жертвы, в том числе среди элит. В этом отношении страна похожа на Россию: монархическая, терпимая к человеческим потерям, цена человеческой жизни низка.

При этом страна тысячелетиями сохраняла высокую пассионарность, хотя на данный момент она, похоже, упала до критически низкого уровня.

Свобода является ценностью, но чисто трансцедентной. Если на Западе свобода – это закон, в России – воля, то в Иране – свобода на небесах (или ее нет вообще).

Казахстан

Генезис: Тюрки, монголы, Казахское ханство, Российская Империя / СССР.

Великое государство по географическим размерам, малая и малонаселенная страна. Рельеф прежде всего степной, территория засушливая – пустыни и полупустыни (за исключением северной части, богатой реками и озерами). Резко континентальный сухой климат, очень холодные зимы. Сильные ветра. За исключением севера – почвы бедные и засоленные.

Страна имеет не столько «естественную границу», сколько «естественную территорию» (собственно, те 70% территории страны, которые пригодны для отгонного скотоводства). Можно говорить о «естественной границе» на западе – Каспийское море. Страна территориально и этнически однородна.

Культурный код Казахстана может быть описан следующим образом:

Казахстан – это очень большая территория и немногочисленный народ. Причем это кочевой народ, до 20-го столетия находящийся на раннефеодальном уровне развития. В действительности КК Казахстана только формируется (причем импринтное событие, по всей видимости, создание новой столицы государства в Астане). Однако в Казахстане есть осколки советского КК и очень много «скрытой феодальности», которая плохо рефлектируется, но оказывает влияние на формирование КК.

Степной и пустынный рельеф, засушливый климат с резкими колебаниями температуры зима\лето, сильные ветра, отгонное пастбищное, коневое животноводство, – все это обозначает аравийский (монголо-татарский, степной) антропотип.

Степная и пустынная связность носит «океанический», а не «сухопутный» характер.

К стихийным бедствиям относятся климатические и погодные явления, в стране есть распространенная мифология, касающаяся климата и погоды. Погодные и климатические приметы воспринимаются как императивное требование.

Хорошие пастбища обеспечивают кочевое скотоводство, которое может быть основанием для вианомики / нового кочевья. На севере есть хорошие пахотные земли, что создает оседлую культуру и формирует противоречие с исторически сложившейся кочевой культурой.

Есть много ценных полезных ископаемых, которые активно добываются и продаются во внешний мир, на жизнь населения это практически не влияет.

Главная ценность – вода.

Людей мало, кадров не хватает, создана хорошая система образования, но она может быть разрушена в связи с переходом образования на казахский язык.

Велика угроза отступления страны в архаику.

Ритмическая жизнь, ритмы скачки, дневные и сезонные ритмы, погодные ритмы, цикличность, Тенгри (Небо) как трансценденция.

Труд и отдых неразрывны (в сущности, это – одно и тоже).

На казахском языке мышление, претендующее на сложную структуру (синтаксис языка сложен), но с бедной и архаичной семантикой, которая эту структуру просто не может «содержать». Культура кочевая: архаичные представления о собственности, гостеприимство, способность к коммуникации в отсутствии общего языка.

Нет внутреннего понимания государства как целостности. Есть жузы, рода, кланы, власть старшего в роде и клане. В рамках рода/клана дисциплинированность очень велика. Поэтому по решению рода могут бунтовать

против власти / государства, но даже по приказу государства не будут бунтовать против власти старшего в роду. Свобода не воспринимается как ценность, потому что степь – и есть абсолютная свобода. Коллективизм является советским пережитком, но рода/кланы/жузы являются форматом существования. Прибавочный продукт – низкий с позиции индустриальной или поздней традиционной фазы, но очень велик для ранней традиционной фазы.

Вероятно, существует индуктивный космизм, модифицированный за счет восприятия степи как Космоса. Не осваивают территорий и даже не считают это ценностью.

Языковая система сейчас двуязычна, причем языки расслоены по фазе: русский – индустриальная, казахский – ранняя традиционная. Попытки ликвидировать двуязычие с большой вероятностью приведут к потере индустриальной фазы и откату в прошлое. Этот процесс еще более усугубится сложностью казахского языка.

Нужно отметить, что казахский язык – очень молодой с очень большими заимствованиями, но построен на древнем субстрате. Уровень передачи концептуальной информации – крайне низкий. Уровень трансляции приказа, во всяком случае, не уступает русскому. Бедный словарный запас. Неопределенный семантический спектр искусственно расширялся при контактах с другими языками.

Азербайджан

Генезис исчерпывается Российской империей и СССР, молодое государство.

С географической точки зрения – среднее по размерам государство, средняя по населению страна. Территория крайне неоднородна, амплитуда высот составляет 4,5 км, в стране проявлены 9 из 11 существующих типов климата (осадки от 200 до 1700 мм), исключительное разнообразие почв. Много рек, есть выход к Каспийскому морю.

Азербайджан богат ресурсами: нефть, золото, молибден, титан, серебро… За исключением нефти ими почти не занимались.

Структура страны может быть описана формулой «горы и море». Связность высока в меридиональном направлении (через Каспий) и низка в широтном. Очень сложная территория с несколькими этногеографическими ядрами – Апшерон, Гянджа, Нахичевань, Ленкорань.

Страна содержательно многоязычна – русский используется для управления, азербайджанский – для повседневной жизни. Практически все население понимает турецкий.

История очень долгая (1,5 миллиона лет), но без создания собственной государственности. Территория управлялась персами, армянами, недолгое время местными властителями, опять персами, арабами, снова персами, грузинами, тюрками, хорезмшахами, монголами, туркман-огузами, турками, персами,

турками, персами, наконец, русскими. Считается, что этнос окончательно сформировался только в 16-м веке.

Культурный код Азербайджана определяется особенностями страны, прежде всего, анизотропией, неоднородностью, структурой рельефа «горы и море».

Определить антропотип Азербайджана очень трудно, поскольку география не согласуется с историей. Географически это, несомненно, аттический антропотип, причем Баку играет роль Афин, Каспийское море – Эгейского, и азербайджанские анклавы и эксклавы (Нахичевань, Ленкорань) – греческих колоний. Это означает, что у Азербайджана был исторический потенциал сделаться центром блестящей, хотя и неустойчивой «Каспийской морской Империи», развить великую мифологию и философию. Но в Текущей Реальности этот шанс реализован не был, хотя сейчас при Алиеве делается попытка воспользоваться преимуществами положения Баку.

Эта возможность, однако, психоисторически воздействует на Азербайджан.

В течение всей истории Азербайджана его территория переходила от одних хозяев к другим, при этом всегда оставаясь самостоятельным и самообеспечивающимся анклавом. Отсюда – специфическое отношение к государству. Власть в Азербайджане – это не Царь (цезарь, король, ванакт), а Князь / Наместник. Власть Князя абсолютна (в этом смысле в стране сильные монархические традиции). Ответственность Князя – сохранять самостоятельность анклава через хорошие отношения с текущими хозяевами.

Азербайджан мог войти сейчас в русскую сферу влияния, но вошел в турецкую, и это, вероятно, надолго, поскольку культурный код включает в себя верность.

Постоянная смена хозяев, среди которых были язычники, зороастрийцы, мусульмане шииты, мусульмане сунниты, христиане, сделали азербайджанцев абсолютно религиозно нейтральным народом. Сейчас это – единственное светское исламское государство. В действительности оно вообще не исламское: для азербайджанцев вера – просто часть лояльности к культуре-хозяину, их собственный КК вообще не трансцедентен или вся его трансцедентная составляющая заимствована.

Существование в форме «анклава кого-то» при сохранении собственного жизненного уклада предполагает общинность. Азербайджанцы предпочитают образовывать национальные домены, но могут включать в эти домены русских, евреев, армян. Сами могут входить в «чужие» национальные домены. Культура амбивалентная: много и легко заимствует, сохраняя ядро. Она может быть названа «орнаментной»: меняется, как развертывается орнамент, узор, сохраняя себя и развертывая себя в иные пространства. Работа над сложными узорами ковров – самая сложная и абстрактная (и крайне недооцененная в мире) мыслительная деятельность. В известной степени, азербайджанский язык тоже представляет собой изменчивый, но сохраняющий некоторое ядро узор.

Эстетические факторы очень значимы.

Не экономят территорию, позволяют себе широкие площади и проспекты – влияние России в версии СССР.

Трудящийся, отчасти торговый народ. Нет склонности к бунту, но есть готовность защищать свои материальные интересы. Превалирование материального – сельскохозяйственного, рыбного, нефтяного, инженерного.

Военная составляющая КК локальна: Карабах, Нахичевань.

«*Свобода – это порядок и своевременные и уместные приказы*».

Туркмения

В генезисе – пребывание в составе Персидской Империи (под разными названиями), Российской Империи и СССР.

Территория пустынна, Арало-Каспийская низменность, Туранская низменность, Каракумы. По юго-западной границе проходит хребет Копетдага, по границе с Узбекистаном – Кугитангтау. Территория страны очень богата нефтью и природным газом, также добываются сера, свинец, мирабилит, йод, бром.

Язык сформировался только в начале XX века, культурный код, вероятно, не сформирован до сих пор и формируется сегодня под сильным воздействием Ирана. Возможно, импринтным событием окажется культ личности Ниязова и его преодоление.

Геопланетарный образовательный канон

Можно говорить об общих элементах КК стран Прикаспия (без учета Туркмении, которая, по-видимому, канона еще не обрела). К ним относится географическая огромность, простор. Для России и Казахстана, отчасти и для Ирана – это данность. Для Азербайджана – историческая возможность, которая не была реализована, но остается в национальном архетипе. Для Ирана – это еще и история.

Далее необходимо отметить общий монархизм (в Азербайджане – это верность князю, который, в свою очередь, верен Хозяину), жертвенность, значимость веры, трансцедентного (кроме Азербайджана).

Это дает возможность поставить задачу на создание некоторого общего КК вокруг взаимодействия российской и персидской / иранской культур.

Такой потенциальный мезорегиональный код может быть передан через образовательный канон.

Образовательный канон – система культурных норм, транслируемая во время обучения в школе. Он может быть задан на схеме мыследеятельности Г. Щедровицкого, то есть определяет соотношение «слоев» мышления, коммуникации и деятельности и «лифтов» рефлексии, понимания, смещения.

Для сложных мезорегиональных конструкций представляется интересным *геопланетарный канон*, в котором основными элементами являются география, рассматриваемая как форма планетарной рефлексии, и сложные Игры, задающие коммуникацию.

Россия может иметь индивидуальным дополнительным элементом канона физико-математическое Знание, формирующее мышления, Иран – персидскую литературу как основание понимания, Азербайджан – инженерию, фиксирующую деятельность.

Вместо заключения

Безопасность Каспийского моря (и вместе с тем безопасность России) может быть осуществлена через создание Прикаспийского мезорегиона как ключевого элемента геопланетарного макрорегиона.

Этот регион включает в себя пять Прикаспийских стран – Россию, Казахстан, Иран, Туркмению, Азербайджан. Россия обеспечивает «ядерный зонтик» и технологическую безопасность региона, Россия и Иран – ресурсную безопасность.

Логистическое обеспечение региона предполагает не только включение его в существующие транспортные коридоры, но и создание кольцевой инфраструктуры, поддерживающей единые региональные технологические пакеты и общую идентичность.

Культурные коды стран региона совместимы и способны выработать общий культурный и когнитивный код. Для этого необходимо создать единый образовательный канон и приложить усилия к объединению систем образования Прикаспийских стран.

Прикаспийский макрорегион – это геопланетарное образование, транспортное кольцо, общие критические технологические пакеты, общая система безопасности.

References

Baev, A. & Yavlinsky, I. (2012). India will get access to Turkmen gas. Retrieved from https://iz.ru/news/525244

Shkolnikov, A. (2019). Essays on US strategy (continued). *Aurora. Information Agency*. Retrieved from https://aurora.network/articles/1-mirovoy-krizis/65376-ocherk-o-strategii-ssha-prodolzhenie

Griffiths, M.R. & Lucas, J.R. (2016). Value economics: the ethical implications of value for new economic thinking. UK: Palgrave Macmillan.

Voskresensky, A.D., Koldunova, E.V. & Lunev, S.I. (2014). Macro-regionalization and regional complexes. Types of regions. Regional subsystems and regional order. *World complex regional studies*. Moscow: Magister-Infra-M, 176-200.

Mitrofanova, I. V. (2008). Macroregion as an established form of territorial institution. *National Interests: Priorities and Security, 8 (29)*, 30-40.

Leonova, O. G. (2013). Global regionalization as a phenomenon of the development of the global world. *Age of Globalization, 1*. Retrieved from http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/g1-2013/18822-globalnaya-regionalizaciya-kak-fenomen-razvitiya-globalnogo-mira.html

Pavlenko V. (2021). The possible entry of Iran into the EAEU is a strategic victory for Russia. Retrieved from https://regnum.ru/news/polit/3203747.html

Polyakov O. (2021). Iran's accession to the EAEU: easy to say - difficult to do. Retrieved from https://eadaily.com/ru/news/2021/02/26/vstuplenie-irana-v-eaes-legko-skazat-neprosto-sdelat

Для цитирования: Переслегин С.Б., (2021). Мезорегион прикаспия: культурные коды и транспортные кольца *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности,* (2), 43-66.

DOI 10.21672/2713-024X-2021-2-1-043-066

Список литературы

Баев, А. & Явлинский, И. (2012). Индия получит доступ к туркменскому газу. Получено из https://iz.ru/news/525244.

Школьников, А. (2019). Очерки о стратегии США (продолжение). *Аврора. Информационное агентство.* Получено из https://aurora.network/articles/1-mirovoy-krizis/65376-ocherk-o-strategii-ssha-prodolzhenie.

Griffiths, M.R. & Lucas, J.R. (2016). *Value economics: the ethical implications of value for new economic thinking*. UK: Palgrave Macmillan.

Воскресенский, А.Д., Колдунова, Е.В. & Лунев, С.И. (2014). Макрорегионализация и региональные комплексы. Виды регионов. Региональные подсистемы и региональный порядок. *Мировое комплексное регионоведение*. Москва: Магистр-Инфра-М, 176-200.

Митрофанова, И.В. (2008). Макрорегион как утверждающаяся форма территориальной институции. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 8(29),* 30-40.

Леонова, О.Г. (2013). Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира. *Век глобализации, 1*. Получено из http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/g1-2013/18822-globalnaya-regionalizaciya-kak-fenomen-razvitiya-globalnogo-mira.html.

Павленко В. (2021). Возможное вступление Ирана в ЕАЭС — это стратегическая победа России. Получено из https://regnum.ru/news/polit/3203747.html.

Поляков О. (2021). Вступление Ирана в ЕАЭС: легко сказать — непросто сделать. Получено из https://eadaily.com/ru/news/2021/02/26/vstuplenie-irana-v-eaes-legko-skazat-neprosto-sdelat.

ON CULTURAL EXTREMISM AND WAYS TO OVERCOME ITS MANIFESTATION

Magomedemin M. Gadzhiev
Dagestan State University
Makhachkala, Russia
ORCID 0000-0001-9205-3780
E-mail**:** Gadjiev.dgu@mail.ru

Abstract

Extremism prevention is an essential component of the work in the field of national security of the country. The article reveals some of the main forms of extremism, such as religious-political, ethno-social, economic, pseudoscientific, and others, and provides examples. The main content of the article is devoted to the disclosure of the essence and diversity of manifestations of cultural extremism in the country, especially in the North Caucasus and Dagestan. Numerous concrete examples are given, proving that cultural extremism takes place and sometimes takes on quite acute forms. It is shown that the manifestations of cultural extremism are more difficult to combat, since it manifests itself among more literate and intellectually savvy people and does not have open ideologically organized forms, as in the case of religious and political extremism. The article considers the current law of the Russian Federation and the draft new law on culture, which notes all the mechanisms for overcoming extremism in culture, and which clearly emphasize the primacy of the rights and freedoms of an individual creative personality.

Keywords: extremism; religious and political extremism; cultural extremism; human rights and freedoms; national security; radicalism; North Caucasus; Dagestan

О КУЛЬТУРНОМ ЭКСТРЕМИЗМЕ И ПУТЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЕГО ПРОЯВЛЕНИЙ

Гаджиев Магомедэмин Магомедрасулович
Дагестанский государственный университет
Махачкала, Россия
ORCID 0000-0001-9205-3780
E-mail: Gadjiev.dgu@mail.ru

Аннотация

Стабильное экономическое развитие, своевременная нейтрализация вызовов и угроз является важнейшим условием обеспечения экономической безопасности России и ее регионов. Неравномерность пространственного развития Российской Федерации, усиление дифференциации в развитии регионов отнесены в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года к основным вызовам и угрозам экономической безопасности.

Социально-экономическое развитие регионов Прикаспия характеризуется значительными диспропорциями, что и определило цель исследований. Особое внимание уделено исследованию межрегиональной дифференциации как угрозы экономической безопасности.

Аналитический обзор показателей социально-экономического развития в данных субъектах РФ позволил выявить риски и угрозы экономической безопасности, имеющие различную природу возникновения. Проведенный анализ позволил автору сделать вывод, что при оценке угроз экономической безопасности регионов необходимо учитывать территориальные, отраслевые особенности, полиэтничность и др. Поэтому необходимо значительно расширить количество показателей оценки, дополнив показателями качественного уровня.

Для достижения необходимой объективности, глубины и всесторонности осмысления с учетом реалий современности автором рекомендуется оценивать состояние экономической безопасности в регионахи политику ее обеспечения с междисциплинарных позиций, опираясь как на экономическую науку, так и на другие области научного знания.

Ключевые слова: регионы Прикаспия, социо-экономические диспропорции развития, риски и угрозы экономической безопасности.

ВВЕДЕНИЕ

Социальная и духовная безопасность человека связана с гармонизацией его социального и духовного бытия в этом мире, что связано, в том числе, с устранением всех проявлений радикализма и экстремизма, в чем бы они ни проявлялись. Экстремизм в современном мире перестал быть единичным, эпизодическим, экстраординарным явлением и трансформировался в один из радикальных способов решения различных политических, религиозных, этнических и общекультурных проблем и приобрел перманентный статус. Это вытекает из социально-экономической, политической, этнорелигиозной и идеологической ситуации в современном мире, находящемся в системном кризисе, затрагивающем все стороны жизнедеятельности человека.

Одним из приоритетов социальной политики и деятельности в области национальной безопасности Российской Федерации является профилактика экстремизма. На профилактику экстремизма направлено множество основополагающих документов и государственных правовых и законодательных актов[40].

О НЕКОТОРЫХ ПРОЯВЛЕНИЯХ ЭКСТРЕМИЗМА

Нам представляется, что в изучении радикализма и экстремизма в сознании и поведении людей в отечественной и зарубежной литературе образовался своеобразный «крен» в сторону одностороннего их понимания, когда изучается преимущественно *этнорелигиозный и религиозно-политический экстремизм*. Конечно, этому есть историческое и логическое оправдание. Действительно, конец XX и начало XXI века характеризуется известными центробежными социально-политическими процессами, связанными с разрушением мировой системы социализма, распадом Югославии, Советского Союза и других стран. «Парад суверенитетов», сопровождающий эти деструктивные процессы, привел к серьезному обострению ситуации внутри вновь образовавшихся государств и на международной арене. Естественно, что в этих условиях конфликтности интересов различных социальных слоев общества этнические и религиозно-политические противоречия выдвигаются на передний план, а экстремизм и радикализм проявляется прежде всего в этих сферах.

Наиболее острые формы религиозно-политический экстремизм принял на Северном Кавказе, поскольку известные военно-политические процессы здесь так или иначе приобретали религиозную окраску и были связаны с исламом. Это связано с тем, что в общественно-политической жизни большинства северокавказских народов религиозный фактор был определяющим, он синтезировал всю полиэтническую культуру и менталитет населения. Именно ислам выступал в качестве надэтнической матрицы северокавказской идентичности. В этих условиях

[40] Указ Президента РФ от 31.12.2015 №683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации»; Федеральные законы: «О противодействии экстремистской деятельности», от 25 июля 2002 г. №114-ФЗ; «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года», от 28 ноября 2014 г. №Пр-2753; «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ и другие.

неудивительно, что именно религия стала основным инструментом консолидации всех народностей, и в том числе для выработки идеологии, оппозиционной официальной власти в стране и регионе.

Анализу религиозно-политического экстремизма и радикализма в стране и на Северном Кавказе посвящены материалы десятков международных, всероссийских и региональных научно-практических конференций, написано множество персональных и коллективных монографий, статей, проведены «круглые столы», перечень которых мы не будем здесь приводить.

Хотя, справедливости ради, необходимо отметить, что религиозно-политический экстремизм связан не только с исламом. Не секрет, что в деятельности и других религиозных конфессий обнаруживаются серьезные признаки экстремизма, подтверждением чего являются известные события в Шри-Ланке, прекращение деятельности на территории РФ Церкви Свидетелей Иеговы, Аум Синрике, Белого Братства, общества сайентологии и других религиозных и псевдорелигиозных общин.

Сказанное вовсе не означает, что экстремизм проявляется только в этнических и религиозно-политических сферах. Сам термин «экстремизм» (от лат. *extremus* – крайний, чрезмерный) означает приверженность к предельным взглядам и схемам в оценке различных фактов и событий социального и духовного бытия. Именно такой смысл имеет это понятие и в математике, логике, социально-политических и гуманитарных науках. Такие крайности и пограничные состояния могут обнаруживаться во всем, что имеет свои границы, и естественно, имеет все, что составляет материальное и духовное бытие. Следовательно, в глобальном значении экстремизм выступает как нарушение определенной меры в пределах данной реальной или воображаемой границы. Поэтому можно сказать, что экстремизм выступает индикатором состояния этой воображаемой или реальной границы, какой бы условной и изменчивой она ни была. Нарушение и деформация этих границ во многом связаны с формированием конфликтных ситуаций в самых различных сферах жизни общества и человека. Это означает, что содержательное определение экстремизма часто зависит от нашего понимания смысла этой воображаемой границы между различными культурами и субкультурами, хаосом и порядком, стабильностью и нестабильностью, разрешенным и запрещенным (Жижек, 2005, стр. 136).

Это означает, что экстремизм может проявляться в самых различных общественных сферах, где абсолютизируется какая-то одна модель видения мира, одна матрица мышления и поведения, один вариант общественного и государственного обустройства, один оценочный вектор событий, одна метрика истинности знания, одна идеологическая конструкция или мифологема, одна символика конфессионального и этнического опыта, как единственно правильная и приемлемая. Таким образом, экстремизм выступает как проявление монополизма, в чем бы он ни проявлялся: в культуре, познании, мышлении, оценочном отношении к миру, поведении и т.д. Это – с одной стороны.

С другой же стороны, если брать явление экстремизма в философском, глобальном плане, то необходимо заметить, что здоровый, позитивный экстремизм в самых разнообразных формах и проявлениях присутствует в каждом из нас,

поскольку человек так устроен, что всегда стремится выйти за пределы своего «Я», своей идентичности, в чем бы она ни проявлялась. В этом плане мы все, можно сказать, «экстремалы». Такой позитивный экстремизм сопровождает нас всю жизнь, и в определенной мере история человечества и его будущее без него немыслимы. То есть экстремизм означает выход за пределы устоявшейся нормы, он неизбежен и может проявляться в самых различных сферах – политике, экономике, идеологии, культуре, религии, этнических отношениях, науке, а также в разнообразных формах – в сознании, и поведении людей. На этот счет у нас есть даже шутка: если как-то живешь в наше непростое время – ты экстремал; если же не согласен так жить, то ты экстремист.

Например, мировая и отечественная история богата примерами научного, а точнее, *антинаучного экстремизма*, таких как массовые гонения со стороны средневековой инквизиции в отношении разума и науки; радикальные действия апологетов Пролеткульта; «философские пароходы», на которых изгонялись сотни неугодных деятелей науки и культуры; уничтожение генетики и кибернетики как «продажных девок» империализма и другие. Нашумевшие «дело военспецов», «дело врачей» и другие экстремистские идеологические и политические кампании имели непоправимые последствия для развития науки и культуры в Советском Союзе.

Часто также говорят об *экономическом экстремизме* во внутренней политике, направленной на устранение многообразия и установления монополии какой-то одной формы собственности или одного субъекта хозяйствования. Он проявляется в претензиях установления полного государственного контроля за экономической деятельностью или, напротив, в полном отказе от механизмов государственного регулирования.

Сейчас мы свидетели наличия экономического экстремизма, особенно со стороны руководства США и некоторых членов Евросоюза, когда через всевозможные санкционные механизмы и стратегию изоляционизма принуждают Россию к определенным моделям внутренней и внешней политики.

Западные исследователи приводят и совсем непривычные для нас формы экстремизма: например, такую ее разновидность, как *виджилантизм* – экстремистскую форму индивидуального активизма по защите существующего порядка насильственными средствами (Hoffman, Rosenau, Curiel, Zimmermann, 2007, p. 669), сочетающего в себе черты религиозного, политического, этно-национального радикализма; экстремизм *милленаранистских культов* в классификации Д. Норикса, имеющий все признаки религиозно-политического и культурного экстремизма (Noricks,2009, p. 53).

О КУЛЬТУРНОМ ЭКСТРЕМИЗМЕ

Речь в данной статье пойдет о различных проявлениях экстремизма и радикализма в культуре. Для предметного и содержательного анализа этого явления необходимо прежде всего предварительно обрисовать контуры самого понятия «культура». Философам и культурологам хорошо известно о сотнях вариантах понимания термина «культура». В широком смысле культура – это предельно емкое понятие, включающее все, что вообще связано с человеческой деятельностью: в

экономике, политике, поведении, общении, во всех измерениях материального и духовного бытия. Нас в данной статье интересует более узкое, традиционное и обыденное понимание культуры, когда она ассоциируется с духовностью и творческим измерением человека и его деятельности.

В самом первом приближении в качестве определяющего признака культурного экстремизма можно считать наличие всевозможных механизмов физического и духовного давления на человека, насилия по отношению к человеку, принуждающих его к строго определенной оценочной метрике мышления и поведения. Философам, политологам, культурологам и конфликтологам хорошо известно о существовании термина «культурное насилие», под которым понимаются все механизмы принуждения в духовной культуре, включая науку, искусство, идеологию и общественную психологию, религию и т.д., которые используются для осуществления прямого и скрытого давления на человека и его поведение (Галтунг, 2002, с.101).

Таким образом, как бы парадоксально это ни звучало, можно сказать, что культура делает насилие легитимным инструментом утверждения человеческой и социальной идентичности, используя все доступные ей инструменты: систему ценностей, религию, мораль, право, идеологию и другие. Следовательно, уже в основаниях человеческой социальности содержатся объективные условия для экстремистских проявлений. Получается, что экстремизм вовсе не есть изобретение XX или XXI века, а являет собой порождение любой культуры, если хотите, ее «изнанкой» и «оборотной стороной». Поэтому, коль скоро экстремизм представляет собой проявление механизмов насилия в культуре, и основные ее детерминанты должны находиться внутри самой культуры, а не вне ее, как это часто бывает. В этом плане как элемент культуры экстремизм вписан в систему и внутренней и внешней, поэтому основные причины его проявления необходимо искать в самой культуре; они связаны с отрицанием устоявшихся культурных и духовных ценностей.

Нас экстремизм интересует исключительно как вид деятельности, противоречащий закону и общепринятой морали, где обнаруживается попытка отобрать у государства исключительное право на насилие, о котором мы говорили выше. Действительно, если рассматривать экстремистскую деятельность через метрику субъектно-объектного или, что более правильно, субъектно-субъектного взаимодействия, то получается интересная картина. Основными взаимодействующими и противоборствующими сторонами здесь являются, с одной стороны, индивидуальные или коллективные субъекты самой экстремистской деятельности, а с другой стороны – субъекты антиэкстремистской деятельности в самых различных конфигурациях. Вся сложность этой работы объясняется тем, что эти две субъектные стороны имеют различный социальный и правовой статус, заключающийся в том, что одна сторона призвана действовать в правовом поле, а другая – выведена из этого правового поля и является противозаконной. Таким образом, межкультурное взаимодействие, в рамках которого они и проявляют себя, однозначно указывает на *неравенство* взаимодействующих субъектов, так как любой

субъект, прибегающий к экстремизму, однозначно *исключается* из правовой системы, становится по ту сторону закона, которая исключает диалог как таковой.

Получается, что государство, как основной субъект антиэкстремистской деятельности, действует в рамках правового поля, тогда как субъекты экстремистской деятельности своими действиями исключаются из этого поля. Другими словами, государство обладает монополией на насилие в борьбе с экстремизмом законными средствами, тогда как насилие с противоположной стороны объявляется вне закона.

В этом плане экстремизм, как и терроризм, есть не что иное, как попытки отобрать у государства эту легитимную монополию на насилие и передать это право отдельным людям или общественным группам вне всякого участия государства и его правоохранительных органов.

Речь в дальнейшем пойдет о различных проявлениях экстремизма и радикализма в духовной культуре. Проблема заключается в том, эта сфера проявления экстремизма и радикализма слабо регламентирована. Например, в перечне деяний, подпадающих под признаки экстремизма, согласно Закону об экстремизме, сфера духовной культуры вообще не упоминается. Мы в последнее время неоднократно сталкивались с проявлениями культурного экстремизма. Разве можно утверждать, что шумиха вокруг проката фильма «Матильда» не выходила за пределы чисто теоретического или культурологического дискурса? Или как оценить попытку террористического взрыва во время концерта Филиппа Киркорова в июле 2017 г. в Махачкале? Следствие еще до сих пор не завершено, не совсем ясна мотивационная часть преступления: это махровая и беспредельная уголовщина или имеется культурно-идеологическая подоплека, связанная с попыткой навязать определенные культурные, художественные и эстетические стандарты, не совпадающие с исламской идентичностью, а может быть, имеются определенные социально-политические и идеологические цели?

Намного труднее бороться с проявлениями экстремизма в разнообразных сферах духовной культуры, чем с религиозно-политическим экстремизмом, целевые задачи которого формулируются открыто и заявляются в программных формулировках. Это связано с тем, что культурный экстремизм часто проявляется завуалированно, скрытно, без четких идеологических лозунгов, да и рассчитан он на более образованного и интеллектуально подготовленного человека.

В связи с этим необходимо также отметить, что раньше экстремизм и терроризм имели четкую идеологическую подоплеку, связанную с политической, духовной и идеологической борьбой различных социальных систем и конфессий. Это мы хорошо знаем из истории. Можно сказать, что процесс деидеологизации, о которой много говорили советник президента США по национальной безопасности З. Бжезинский и другие западные политики и ученые, затронул и экстремистскую деятельность. За тем или иным проявлением экстремизма уже не просматривается четкая идеологическая, социально-политическая или духовно-ценностная платформа. Часто цель экстремистской идеологии и деяния состоит не в том, чтобы объяснить и преобразовать мир, что было характерно в прошлом для любой идеологии, а, чтобы *радикализировать* этот мир. Такое восприятие экстремизма ведет к росту случаев

немотивированного, спонтанного насилия, что в еще большей степени усугубляет существующие противоречия.

Необходимо отметить, это обстоятельство затрудняет борьбу с таким экстремизмом; если бы у него была четкая политическая, идеологическая или культурная программа, с ним было бы легче бороться, поскольку мы знаем их концепцию, цели и задачи. Часто имеет место «экстремизм ради экстремизма», «терроризм ради терроризма»: они уже не имеют изначально им присущей идеологической и политической окраски.

Определение границ и признаков экстремизма в сферах духовной культуры и искусства – задача чрезвычайно сложная, поскольку необходимо найти тонкую грань между правовой нормой, пределами допустимого и свободой индивидуального творчества. В этом плане методологически важным является определение границ экстремизма, за пределами которой это уже будет иная форма деятельности: творческая индивидуальность автора, оппозиционная деятельность, критика, момент дискуссии и концептуальных споров, радикализм, терроризм, уголовные действия, немотивированная агрессия и т.д. Такая спецификация экстремизма и экстремистской деятельности – задача непростая, поскольку эти понятия настолько динамичные, что за последние десять-пятнадцать лет они много раз содержательно и объемно существенно изменялись. Это объясняется не несовершенством законодательства или издержками исследовательской работы в этом направлении, а изменяющимися социально-экономическими, политическими и духовными процессами. Но, как отмечается в литературе, даже подробные определения не могут однозначно провести черту между экстремизмом и реализацией конституционно закрепленных граней человеческой и гражданской свободы. Поэтому существенная роль в этом вопросе относится к области судейского или экспертного усмотрения.

Нам представляется (и это является одним из мотивов написания данной статьи), что, когда в средствах массовой информации начинается кампания осуждения того или иного деятеля культуры, в том числе и с обвинениями в экстремизме, не всегда учитывается важнейшая 9 статья действующего Закона о культуре в РФ под названием «Приоритетность прав человека по отношению к правам государства, организаций и групп» следующего содержания: «Права человека в области культурной деятельности приоритетны по отношению к правам в этой области государства и любых его структур, общественных и национальных движений, политических партий, этнических общностей, этно-конфессиональных групп и религиозных организаций, профессиональных и иных объединений» (Основы законодательства РФ о культуре, 1992, ст. 9).

Данная статья является развитием статьи 2 Конституции РФ, в которой провозглашается, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью.

Приоритетность и первенство культурных прав человека усиливается также 31 статьей Основ законодательства о культуре, по которой государство гарантирует невмешательство в творческую деятельность, за исключением случаев, если в процессе творческой деятельности допускаются нарушения законодательства, прав и свобод других лиц. Кроме того, здесь четко очерчиваются пределы вмешательства

государства в творческую деятельность: если она ведет к пропаганде войны, насилия и жестокости, расовой, национальной, религиозной, классовой и иной исключительности или нетерпимости, порнографии и т.д.

Обращаем внимание также на то, что действующее законодательство устанавливает право на культурную самобытность в отношении не только отдельного индивида, но и народов, этнических и социально-демографических общностей.

Речь в дальнейшем пойдет о различных конкретных рецидивах *культурного* экстремизма, иногда приобретающих достаточно острые формы, об их объективных и субъективных причинах и путях преодоления этих проявлений. Например, как мы уже отмечали выше, ситуация вокруг показа кинофильма «Матильда» вышла далеко за пределы авторского творчества, эстетических и нравственных идеалов и нередко приобретала жесткие очертания со всеми признаками экстремизма. Пожар в культурном центре в Екатеринбурге, где планировался премьерный показ этого фильма, сожжение автомобиля адвоката режиссера, народного артиста РФ А. Учителя, острые высказывания известных депутатов – все это свидетельствует, что культурный экстремизм не закончился идеологией и практикой послереволюционного Пролеткульта.

Если брать региональный аспект культурного экстремизма, то на Северном Кавказе, в том числе в Дагестане, ситуация еще более острая. Достаточно перечислить немалое количество отмененных в последние годы различных культурных мероприятий, например: выступления Егора Крида, Элджея; показа ленты LoveYourself популярной среди молодежи корейской группы BTS. В ноябре 2018 г. был закрыт фестиваль азиатской культуры «Ani-Dag», посвященный комиксам, мультфильмам-аниме и азиатской культуре. Во время репетиций в здании Аварского театра в соцсетях стали распространяться призывы «не допустить разврат», «мочить неформалов». Участникам фестиваля пришлось спасаться бегством, проходя сквозь агрессивно настроенную толпу из полутора сотен человек, многие из которых были в футболках с логотипом сообщества «Имамат Дагестана» в Instagram.

Подтверждением наличия признаков экстремизма в культурной сфере является шумиха, поднятая в некоторых средствах массовой информации по поводу показа в столице Дагестана спектакля московской театральной группы «Охота на мужчин». Поражаешься бдительности некоторых наших защитников горской морали и этикета: в классическом итальянском спектакле, который показывается во всем мире, только они сумели увидеть угрозу для дагестанской и исламской идентичности и нравственности (Войцеховский, 2019). Возникает вопрос: неужели такие слабые устои у нашей горской морали и менталитета, что им угрожают какие-то спектакли и фестивали?

Иногда наше желание оградить культуру от внешнего влияния и сохранить свою культурную идентичность доходит до смешного. Так, в свое время в Махачкале был отменен концерт популярного ансамбля готической музыки из Екатеринбурга Feosflorum совсем по курьезному поводу. Наши бдительные защитники морали, веры и отечественного менталитета перепутали средневековую музыкальную готику с субкультурой готов, чье поведение действительно несовместимо с исламом.

Наша республика – не единственный регион, где общество сталкивается с теми или иными подобными проявлениями культурного экстремизма. Подтверждением этому явилась достаточно бурная кампания, в которой участвовали авторитетные депутаты и сенаторы, по запрету проката фильма Павла Лунгина «Братство», в котором рассказывается о событиях в Афганистане в 1989 г. за несколько недель до вывода из этой страны советских войск. Главный аргумент сторонников запрета этого фильма к показу состоял в том, что там якобы солдаты и офицеры не всегда вели себя гуманно и морально, опровергая тем самым представление о советских воинах как о носителях высоких моральных и гуманистических идеалов. Хотя на официальной странице фильма на сайте компании Walt Disney Studios Sony Pictures Releasing утверждается, что в основе фильма лежат реальные события, сценарий писался по воспоминаниям самих участников этих событий и на основе архивных документов, страсти вокруг его проката и сроков премьерного показа продолжали долго будоражить общественность. При этом не учитывается то обстоятельство, что война сама по себе аморальна, даже если она ведется во имя высоких интернациональных идеалов, и ее невозможно иллюстрировать лишь черно-белыми цветами.

Подобные примеры встречались и раньше. Например, людям постарше памятны громкие запретительные призывы о представлении «Иисус Христос – суперзвезда», «Сказки о попе и работнике его Балде» и некоторых других.

В последнее время культурный экстремизм чаще всего проявляется в современном информационном пространстве, в сети Интернет. Например, здесь стали популярными всевозможные публикации, в которых проводится процедура публичного шейминга (пристыжения) людей – своеобразной современной виртуальной «порки» по аналогии с жестокими избиениями розгами или телесного наказания шпицрутенами. Для этого из аккаунтов в Instagram без всякого согласования с авторами публиковались фотографии девушек, не соблюдающих национальные культурные традиции одежды и внешнего вида. При этом на фотографиях закрашивались непокрытые части тела девушек, а родных призывали «разобраться» со своими родственниками, вплотную заняться воспитательной работой с ними и обучением исламскому этикету и дресс-коду. Желание защитить свою культурную идентичность, а также видеть своих землячек в соответствующей одежде и символике можно понять, но этого нужно добиваться гуманными средствами, не нарушая законов, не покушаясь на права и свободы личности. Культурные традиции, в том числе ношение красивой национальной одежды, нужно сохранять и пропагандировать, но не через экстремистские механизмы, а прежде всего посредством продуманной культурной политики и воспитательной работой, без проявлений экстремизма и радикализма.

Не случайно паблик «Карфаген», который активно занимался таким «воспитательным» шеймингом, был внесен Роскомнадзором по представлению Генпрокуратуры в реестр запрещенных ресурсов, как содержащий экстремистские материалы.

Выражаясь языком *нетикета* и *сетикета,* в виртуальном общении категорически недопустим *троллинг* – издевательство, грубость, оскорбление,

натравливание людей друг на друга, сознательно вызывающие у них негативное отношение к событию, манере поведения, образу мыслей и т.д.

Наглядным примером проявления культурного экстремизма является недавняя острая ситуация вокруг представительства Украины в конкурсе Интервидения, когда по совершенно надуманным причинам идеологического и политического порядка отказывают заслуженным людям представлять страну в конкурсе. После ряда отказов популярным исполнителям участвовать в конкурсном отборе дело даже шло к тому, что Украина вообще откажется от участия в этом конкурсе. Имеет все проявления культурного экстремизма также официальная украинская запретительная политика в отношении использования русского языка в общении и образовании.

Иногда и здесь дело доходит до казусов: например, когда популярную совершенно безобидную песню Наташи Королевой (Н. Порывай) «Маленькая страна» СБУ несколько лет назад посчитала имеющей признаки экстремизма, и певице даже было отказано во въезде в Украину в течение пяти лет. Хотя это решение позднее было отменено, Наташа Королева обратилась в Европейский суд по правам человека с целью доказать противозаконность подобных действий украинских властей. Смешно и поразительно, что в этой песне речь идет о маленькой волшебной стране, где «душе светло и ясно, где всегда весна». Во-первых, по «размерам» ни Россия», ни Украина точно не подходят под эту метафору. Во-вторых, там нет никакого, даже косвенного, намека на Россию или на какую-то иную страну, нет даже указания на какую-то особенность, позволяющую слушателю догадаться, о какой стране в песне идет речь. В-третьих, скорее наоборот, поскольку автором текста является Илья Резник, а музыки – И. Николаев, оба россиянина, то вполне логично предположить, что здесь речь может идти о любой другой стране, кроме России (ею вполне может быть и Украина). Так что скорее российская сторона может выдвинуть претензии в отсутствии патриотизма и в стремлении найти эту волшебную страну не у себя дома, а на стороне.

У этих и многих подобных примеров есть одна общая особенность, по которой они безоговорочно относятся к проявлениям культурного экстремизма. Она выражается в крайне неэффективной запретительной стратегии по отношению к конкретным культурным феноменам. Мы много раз убеждались в том, что такая запретительная установка губительна во всех областях жизнедеятельности, но особенно она провальна в сферах духовной культуры: искусстве, литературе, науке. Тем не менее, к великому сожалению, она продолжает действовать и мешать продуктивному культурному процессу.

К чему привели всевозможные препятствия для знакомства с некоторыми работами Бунина, Замятина, Булгакова, Пастернака, Эринбурга, Гроссмана, Солженицына, Набокова, Гинзбурга, многих поэтов Серебряного века? Разве это помешало читателям познакомиться с ними? Тем более это невозможно в современный информационный век. Запретительные меры контрпродуктивны, напротив, они только поднимают интерес читателей, которые правдами и неправдами находят возможность познакомиться с ними. Ведь давно доказано: пропорционально запретным механизмам в различных сферах культуры растет популярность и

обостряется интерес к ее творениям. И наоборот, чем больше их нам навязывают книготорговцы, тем сильнее ослабевает к ним интерес. Сказанное в отношении литературы и поэзии относится ко всей духовной культуре.

Подобная запретительная стратегия и тактика в организации культурного процесса малоэффективна еще потому, что в этом выражается недоверие к интеллекту, идейной и нравственной подкованности современного человека, недооценка его когнитивных и оценочных способностей. Он уже многократно доказывал свои способности и умения правильно осмысливать глубинные механизмы исторических и культурных событий. Кто-кто, а российский гражданин, зритель, читатель, слушатель в состоянии сам разобраться в сложной драматургии и психологических нюансах отечественной истории и культуры. Даже в жестких идеологических и политических условиях тоталитаризма эту способность он много раз доказывал. Тем более он это сможет осуществить сейчас, в век культурной, политической, информационной свободы и демократии.

Начинать устранять питательную почву для проявлений культурного экстремизма можно и нужно не через запретительную политику, а путем формирования нового мышления, предполагающего переход от двоично-дихотомической, разделительной матрицы на основе известных логических законов противоречия и «исключенного третьего», направляющих мыслительный процесс по альтернативной траектории «или-или», к инклюзивному мышлению, открывающему многомерность и многополярность современного мира и культуры, где преодолеваются все крайности и противоположности (Магомедов, 2018, с. 128-132). Применительно к культуре это означает переход от эксклюзивной, разделительной метрики ее организации к инклюзивной культуре, на базе которой формируется толерантное мировосприятие, единственно допустимое в условиях мультикультурализма, допускающего все культурные формы, не противоречащие закону, гуманизму и нравственности.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Таким образом, экстремизм, пусть не такой воинственный по сравнению с религиозно-политическим радикализмом или этноцентризмом, имеет место и в культурном пространстве. И мы не случайно обращали внимание на законодательные механизмы управления современным культурным процессом. Отношение к различным феноменам культуры, в том числе экспертные оценки конкретных воплощений на предмет наличия в них признаков экстремизма, не может быть субъективным, произвольным, а должно осуществляться с учетом этих и других законодательных актов, в которых однозначно подчеркивается первенство и приоритетность прав и свобод отдельной творческой личности.

References

Boris Voitsekhovsky. "To kill and burn this scum" [Electronic resource] // http://lentka.com/a/802205/1/ (in Russian).

Galtung J. Cultural violence. Conflicts: theory and practice of resolution / Under the general editorship of E. Yu. Sadovskaya, I. Yu. Chuprynina. In 3 t. T. 3. - Almaty, 2002. (in Russian).

Zizek S. Inter-passivity. - St. Petersburg: Aleteia, 2005. (in Russian).

Magomedov K. M. About the exclusive and inclusive metric of the organization of culture //Dialog of cultures in the globalizing world: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation). / Edited by V. E. Manapova, O. S. Mutieva.- Makhachkala: ALEF, 2018. pp. 128-132. (in Russian).

On information, information technologies and information protection. Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006. https://base.garant.ru/12148555/

On countering extremist activities. Federal Law No. 114-FZ of July 25, 2002. https://base.garant.ru/12127578/ (in Russian).

Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on culture (with amendments and additions). Law of the Russian Federation of 09.10.1992 N 3612-I. https://base.garant.ru/104540/ (in Russian).

On the National Security Strategy of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation of 31.12.2015 N 683 https://www.garant.ru/products/ipo/prime / doc/71196054/. (in Russian).

Strategy for countering extremism in the Russian Federation until 2025. Federal Law No. Pr-2753 of November 28, 2014 (as amended on 29.05.2020) https://legalacts.ru/doc/strategija-protivodeistvija-ekstremizmu-v-rossiiskoi-federatsii-do/ (in Russian).

Noricks D.M.E. The Root Causes of Terrorism [Electronic resource] / D.M.E. Noricks // Social Science for Counterterrorism: Putting the Pieces Together / Paul K. Davis, Kim Cragin, Darcy Noricks et al. – RAND Corporation, 2009. – Chapter 2. – P. 53. Режим доступа: http://www.rand.org/pubs/ monographs/MG849/

The Radicalization of Diasporas and Terrorism [Electronic resource] / B. Hoffman,W. Rosenau, A.J. Curiel, D. Zimmermann // Radicalization, Terrorism and Diasporas: International Conference by the RAND Corporation and the Center for Security Studies, ETH, Zurich 30-31 March 2006, Washington, D.C. – RAND Corporation, 2007. – P. 669. Режим доступа: http://www.rand.org/pubs/ conf_proceedings/CF229.

Для цитирования: Гаджиев М.М., (2021). О культурном экстремизме и путях преодоления его проявлений *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности,* (2), 67-80.

DOI 10.21672/2713-024X-2021-2-1-067-080

Список литературы

Войцеховский, Б. *«Зарезать и сжечь эту мразь»*. Получено из http://lentka.com/a/802205/1/

Галтунг, Й. (2002). *Культурное насилие. Конфликты: теория и практика разрешения* / Под общ. ред. Е. Ю. Садовской, И. Ю. Чупрыниной. В 3-х т. Т.3. Алматы.

Жижек, С. (2005). *Интерпассивность*. СПб: Алетейя.

Магомедов, К. М. (2018). Об эксклюзивной и инклюзивной метрике организации культуры. *Диалог культур в глобализирующемся мире: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием)* / Под редакцией В.Э. Манаповой, О. С. Мутиевой. Махачкала: АЛЕФ, 128-132.

Об информации, информационных технологиях и о защите информации. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ. Получено из https://base.garant.ru/12148555/

О противодействии экстремистской деятельности. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ. Получено из https://base.garant.ru/12127578/

Основы законодательства Российской Федерации о культуре (с изменениями и дополнениями). Закон РФ от 09.10.1992 №3612-I. Получено из https://base.garant.ru/104540/

О стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 31.12.2015 №683. Получено из https://www.garant.ru/products/ipo/prime/ doc/71196054/.

Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. Федеральный закон от 28 ноября 2014 г. №Пр-2753 (ред. от 29.05.2020). Получено из https://legalacts.ru/doc/strategija-protivodeistvija-ekstremizmu-v-rossiiskoi-federatsii-do/

Noricks D.M.E. The Root Causes of Terrorism [Electronic resource] / D.M.E. Noricks // Social Science for Counterterrorism: Putting the Pieces Together / Paul K. Davis, Kim Cragin, Darcy Noricks et al. – RAND Corporation, 2009. – Chapter 2. – P. 53. Режим доступа: http://www.rand.org/pubs/ monographs/MG849/

The Radicalization of Diasporas and Terrorism [Electronic resource] / B. Hoffman, W. Rosenau, A.J. Curiel, D. Zimmermann // Radicalization, Terrorism and Diasporas: International Conference by the RAND Corporation and the Center for Security Studies, ETH, Zurich 30-31 March 2006, Washington, D.C. – RAND Corporation, 2007. – P. 669. Режим доступа: http://www.rand.org/pubs/ conf_proceedings/CF229.

THE CASPIAN REGION AS A SPACE OF CULTURAL SECURITY

Elena V. Khlyshcheva
Doctor of Philosophy, Professor
Astrakhan State University. Russia, Astrakhan
E-mail: culture_mar@mail.ru

Abstract

The Caspian Sea region is one of the strategically important spaces, attracting the attention of many countries, not only those that border it. The region is unique not only geopolitically, but also in its historical unity of states with very different cultures and mentalities. Therefore, achieving cultural security is impossible without the formation of a common mental substrate that is close to all representatives of the Caspian countries. It is impossible to create a common cultural and information space without taking into account the dynamics of peoples' identities and their increased cultural awareness. The effectiveness of Russian policy in the Caspian region, both on Russian territory and on an interstate scale, depends on the resolution of these issues. The difficulties lie in historical civilizational differences: European cultural models coexist here in close unity with traditional economic practices, so the Caspian can be seen as an 'island of juxtaposition of worlds' - 'East and West'.

Today the five independent states with access to the sea are the main actors. Nevertheless, powers such as China, Turkey, the United States and leading European countries are fighting for influence in the Caspian basin. Therefore, cultural security is aimed at maintaining national security through the development of cultural identity, which is very relevant to the task of forming a common mental space in the Caspian region.

Keywords: Caspian region, cultural security, communication space, intercultural dialogue, multiculturalism, educational migrants.

КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН КАК ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Хлыщева Елена Владиславовна
доктор философских наук, профессор
Астраханский государственный университет, Россия, Астрахань
Email: culture_mar@mail.ru

Аннотация

Прикаспийский регион является одним из стратегически важных пространств, притягивая к себе внимание многих стран, не только тех, кто граничит с ним. Регион не только уникален в геополитическом плане, но и отличается историческим единением государств с очень разными культурами и ментальностями. Поэтому достижение культурной безопасности невозможно без формирования единого ментального субстрата, близкого всем представителям прикаспийских стран. Без учета динамики идентичностей народов, их повышения культурного самосознания не создать общего культурного и информационного пространства. От решения этих вопросов зависит эффективность российской политики в Каспийском регионе – как на российской территории, так и в межгосударственном масштабе. Трудности заключаются в исторически сформировавшихся цивилизационных различиях: модели европейской культуры здесь сосуществуют в тесном единстве с традиционными методами хозяйствования, поэтому Каспий можно представить как «остров сопряжения миров» – «Востока и Запада».

Сегодня основными акторами являются пять независимых государств, имеющих выход к акватории. Тем не менее, за влияние в Каспийском бассейне борются такие державы как Китай, Турция, США и ведущие страны Европы. Поэтому культурная безопасность направлена на поддержание национальной безопасности через развитие культурного самосознания, что очень актуально для поставленной задачи формирования единого ментального пространства в Прикаспийском регионе.

Ключевые слова: Каспийский регион, культурная безопасность, коммуникативное пространство, межкультурный диалог, поликультурность, образовательные мигранты.

ВВЕДЕНИЕ

Россия в Каспийском регионе включена в систему интересов многих государств, имеющих разные формы исторической общности, религий и культур. Поликультурность, социальная вариативность, экономическая разносторонность – вот основные характеристики российской территории Каспия. Каспийское море уникально не только и не столько в природном в плане, сколько в плане тесного исторического единения государств и этносов, его окружающих, причем с очень разными культурами и ментальностями.

Проблема человеческих ресурсов на Каспии – это проблема культурных коммуникаций разных народов, специфичности полиэтнического образования и развития трудовых отношений, проблема взаимодействия разных социоэкономических, культурных и этнических ресурсов. Обозначенные проблемы тесно связаны с геополитическими процессами – в этом и заключается основная специфика развития данного региона.

Для российской территории Каспий является сосредоточением многочисленных геополитических вызовов, среди которых важнейшими становятся «экологические проблемы водоёма, торгово-экономическое сотрудничество, политическую повестку дня, а также аспекты всеобщей безопасности Каспийского региона, с учётом интересов всех прибрежных государств» (Каспийская политика, 2019). Поэтому обеспечение культурной безопасности, то есть «способности общества сохранить специфические характеристики несмотря на изменяющиеся условия и реальные или виртуальные угрозы» (Forrest, 2004) – насущная потребность. А эту задачу не решить без повышения культурного самосознания народов Прикаспийского региона. Иными словами, проблемы культурной безопасности во многом сопряжены с проблемой межкультурных диалогов, поэтому интеграционные образовательные процессы в Каспийском регионе невозможны без создания общего культурного и информационного пространства. Именно поэтому цель статьи – анализ существующих возможностей создания такого пространства и обеспечения при этом культурной безопасности социального пространства Каспийского региона, которое трансформируется под влиянием политических, экономических и экологических факторов.

Формирование межкультурного пространства Каспийского региона: исторический аспект

Говоря о проблеме формирования общего межкультурного пространства Каспийского региона, следует иметь в виду особую сложность возникающих в зоне трансграничных коммуникаций социально-экономических отношений, в основе которой лежат исторически сформировавшиеся цивилизационные различия.

Состояние межэтнических отношений во многом зависит от динамики трансформации идентичности различных социальных, территориальных и этнических групп. Существующие модели идентичности дестабилизируются под влиянием иммиграционных процессов, ослабляя традиционные связи и нарушая сложившиеся структуры. Идентичность размывается, теряет чёткие границы и

становится гетеротопной, выходя через традиционные формы в инновационное коммуникативное пространство. Необходимость сосуществования в едином культурном поле различных традиций и менталитетов выводит на значимость кросс-культурного анализа индикаторов этнического, конфессионального и регионального уровней самосознания, а также процесса самоидентификации, что в современных условиях становится острой проблемой. Не всегда задачи сохранения изначальной культурной идентичности, которые ставит перед собой локальная культурная группа, будут совпадать с задачами, стоящими перед обществом в целом.

Стремление сохранить свою традиционную культурную идентичность в общем пространственном континууме приводит к формированию новых мифологем традиционной картины мира, создающих симулякры адаптационных механизмов в изменяющемся социуме и оказывающих мощное воздействие на сознание и поведение индивидов конкретного сообщества. Развитие институтов гражданского общества, поиск адекватных ответов на внешние вызовы и угрозы, формирование новой концепции государственной культурной политики невозможны без преодоления кризиса социокультурной идентичности.

В Прикаспийском регионе «технологическая культура секуляризованной Европы» (Ермоленко, Морозова, Тынянова, 2014) существует в тесном единстве с традиционными методами хозяйствования на территориях, осваивавшихся представителями ведущих конфессий (зороастризма, иудаизма, буддизма, православия и ислама). Это обусловлено историческими процессами взаимовлияния культур разных народов, так или иначе оставивших свой след в развитии прикаспийских государств. Особую роль сыграло соперничество трех больших государств: России, Турции и Персии.

Тесные контакты разных народов Прикаспийского бассейна хорошо просматриваются в топонимике. Практически каждый народ именовал море на свой лад, поэтому за свою тысячелетнюю историю Каспий сменил множество названий. Так, античные авторы называли Каспийское море Гирканским – по названию прибрежной страны Гиркания (страна Волков), арабы Хазарским – по наименованию хазаров, тюркского народа, проживающего на северо-западном побережье. Это название до сих пор иногда используется в современном азербайджанском, турецком и персидском языках. Огнепоклонники Апшерона называли Каспий морем Варгана и Чекает-Де-ти, арабы – Джурджан, китайцы – Сихай (т.е. Западное море), иранцы – Кользум, индусы – Ворукаша, туркмены – Куккуз, казахи – Атырау, турки – Кучук-Дениз, татары – Ак-Дениз (Кирокосьян, 2007). В тюркских источниках «Ак-Дениз» понимается и как Белое море, и как Великое. Монголы называли Каспий Чаган-нор, что тоже означает Белое море, озеро. Русские именовали его «Синим морем», а затем Хвалынским или Хвалисским.

По названию прилегающих стран и городов море называлось Сарайским (столица Золотой Орды), Табасаранским, Албанским, Дербентским, Шемахинским, Апшеронским, Ширванским, Сальянским, Муганским, Абескунским, Хорасанским, Гилянским, Мазандаранским, Туркменским, Аварским, Персидским, Дейленским, Курганским. В других источниках оно названо Морем иноземцев, Бакуком, Кунгаром, Тормом, Сирсапом, Эренским, Враканским, Гузгунским, Пехлевинским,

Сарейским, Дорца, Кемрутским, Кизылбашским (кизылбашами называли персов за их обычай красить волосы хной), морем Этиля, поскольку Этиль (Итиль) – это Волга, впадающая в Каспийское море, в персидских источниках встречаются также Гурган, Шизир, Гюрзум, море Баб и пр.[41]

После захвата Византии турками важнейшим путем торговли с Востоком, минуя Османскую империю, становится волжско-каспийский, через Россию. Возрастает значение Баку как порта, что отражается в названии моря, которое начинает называться Бакинским. Присоединение Астраханского ханства к России открывало русским возможность взять под контроль низовье Волги и получить прямой выход в Каспийское море. В этом случае Россия могла бы получить статус посредника в торговых отношениях между континентами Запада и Востока, что обогатило бы страну и подняло ее международный статус.

Начиная со второй половины XVI в. Астрахань становится «воротами в Азию», снаряжая свои торговые суда к кавказским и персидским берегам Каспия – Дербенту, Баку и Гиляну. В связи с этим московское правительство приняло ряд мер по охране волжского пути, построив по берегам Самару, Саратов и Царицын, а Астрахань превратив в неприступную крепость. Однако полная безопасность достигнута не была. В это время Каспийское море становится ареной походов донских и яицких казаков. Одним из самых дерзких был поход «за зипунами» донского казака Степана Разина весной 1668 года.

С начала XVIII в. в восточной политике России возрастает экономическое значение Каспия. Петр I поставил задачу в интересах России не допустить, «чтобы какая другая держава, чья бы то ни было, на Каспийском море утвердилась» (Марков, 1982). Кроме того, император планировал «при устье реки Куры заложить большой купеческий город, в котором бы торги грузинцев, армян, персиян, яко в центре, соединялись и оттуда бы продолжались до Астрахани» (Броневский, 1823, с. 265).

Однако результаты похода в Персиду были не столь радужны: преемники Петра I завоевания не удержали, и в начале 30-х годов XVIII века все территории в Каспии были возвращены Персии, хотя торговля России со странами Кавказа и западно-прикаспийскими областями продолжала развиваться.

Важным аспектом каспийской политики России в тот период становится религиозный фактор. Большинство населения Прикаспия – мусульмане, православные христиане (Астрахань), буддисты (Калмыкия). Россия помогала проживающим в Закавказье христианам, в первую очередь армянам и грузинам, и «не могла позволить усилиться здесь мусульманскому влиянию, прежде всего суннитскому, олицетворяемому тогда с Османской империей» (Соловьев, 1989, с. 696).

После окончания Крымской войны Российская империя возобновила свою наступательную политику на каспийских и среднеазиатских рубежах. В 1871 году по указу Екатерины II генерал-фельдмаршал Григорий Потемкин сформировал на Каспийском море новую военную флотилию. Российские власти обустраивали порты, улучшали условия пребывания своих военно-морских представителей на Каспии. Для

[41] Каспийское море на древних картах и гравюрах. Получено из https://azerhistory.com/?p=6691.

освоения Каспия Морское ведомство привлекало российские деловые круги. Так, торговое общество «Кавказ и Меркурий», базирующееся в Астрахани, содержало на Каспийском море пароход срочных сообщений и говорило об устройстве пароходного сообщения с Красноводском (РГА ВМФ, 1872).

Морское ведомство заботилось и об образовательном процессе, открыв в Астрахани в 1860 г. Каспийскую морскую библиотеку. Российские военные моряки не только выполняли боевые и административные задачи, но и проводили научные исследования под руководством ведущих ученых, прибывших для исследования Прикаспийского региона. Морское ведомство оказывало исследователям Каспия материальную помощь.

Мирной торговле и исследованиям мешали пиратские набеги «немирных» туркмен, калмыков, казаков на персидские и русские поселения и суда около восточного берега Каспийского моря. Проблемы российским властям создавали на Каспии и казахи, обитавшие на полуострове Мангышлак. Политика на каспийском и среднеазиатском направлениях требовала концентрации усилий всех ведомств Российской империи.

Интересовало Каспийское море и западные страны. Так, в 1877 г. была отклонена просьба братьев Нобель иметь собственные суда на Каспийском море для перевозки нефти и других материалов. Но при этом российские власти не препятствовали транзиту европейских и персидских товаров через Каспий и Кавказ, а также Персию и Россию в Закавказье и Среднюю Азию (Кадырбаев, 2015, с. 8). Завоевание Средней Азии еще более укрепило позиции Российской империи на каспийских рубежах и в Персии. Конвенции 1881 и 1893 гг. окончательно определили границы России и Персии. Эти юридические установки действовали до 1917 года.

После революции 1917 года большевистское правительство отказалось от исключительного военного присутствия на Каспийском море. Все прежние соглашения России и Персии были признаны недействительными и заключен новый договор (1921 г.), объявивший Каспийское море «водоемом общего пользования: обоим государствам предоставлялись равные права свободного судоходства» (Конвенция о правовом статусе, 2020).

В рамках нового мирохозяйственного устройства Каспий можно представить как «остров сопряжения миров» – «Востока и Запада», как геополитическое пространство, притягивающее к себе ведущих мировых игроков, в ареале которого осуществляется «разлом» технологического и мирохозяйственного укладов и формирование нового многополярного мироустройства. В терминологии Европейского Совета под «Большим каспийским регионом» понимается территория пяти прибрежных стран (Россия, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан, Иран) и близко расположенных стран, исторически, экономически и культурно связанных с Каспием (Армения, Грузия, Узбекистан).

После распада СССР Каспийский регион приобретает стратегическое значение, а основными акторами становятся пять независимых государств, имеющих выход к акватории – России, Казахстана, Азербайджана, Туркменистана и Ирана. Именно они определяют взаимоотношениями каспийских государств. Хотя Каспий интересует не только «береговые» страны, за влияние в Каспийском бассейне борются такие

державы как Китай, Соединенные Штаты и ведущие страны Европы. Именно поэтому проблематика безопасности является на сегодняшний день важной и актуальной в экономическом, политическом и культурном направлениях.

Сохранение культурной безопасности: проблемы и перспективы

В этой статье нас интересует именно культурная безопасность, тесно связанная с идентификационными маркерами культуры, несмотря на изменяющиеся условия и реальные или виртуальные угрозы. Культурная безопасность рассматривается как «деятельность, которая вызывает доверие к культурной идентичности и процветанию индивидуумов, поддерживает и уважает их, дает им возможность выражать свою идентичность и идет навстречу их культурным нуждам» (Caltural safity, 1998). Культура в данном случае понимается как конкретная принадлежность индивида, народа, нации.

Сам процесс обеспечения культурной безопасности представляет собой «человеческую активность на различных уровнях – от личности до государства и человечества в целом, направленная на выявление, предупреждение и устранение опасностей и угроз, способных погубить их, лишить фундаментальных материальных и духовных ценностей, нанести непоправимый ущерб, закрыть путь для прогрессивного развития» (Романова, Хлыщева, Якушенков, Топчиев, 2013, с. 170).

Проблемы культурной безопасности прочно связаны с проблемой межкультурных диалогов, которые могут быть как конструктивными, так и неравными в своих попытках навязать «ценности одних культур другим» (Ширяев, 2010, с.96). Однако – и это гораздо важнее – культурная безопасность направлена не только на поддержание безопасности в культурной сфере (предотвращение религиозных и этнических конфликтов, упадка духовности, разрушения культурных памятников), но и на поддержание национальной безопасности через развитие культурного самосознания, что очень актуально для поставленной задачи формирования единого ментального пространства в Прикаспийском регионе.

Понятно, что каждое государство стремится упрочить свой суверенитет, отстоять именно свои политические и экономические интересы на Каспии, поэтому совместные проекты по созданию общего культурного и информационного пространства невозможны без учета культурной специфики стран Прикаспия. От того, какими методами будет решаться данная задача, зависит и «эффективность российской политики в регионе, как на российской территории, так и в межгосударственном масштабе» (Кострикина, 2014).

Интеграционные процессы тесно связаны с проблемой трансформации идентичности различных социальных, территориальных и этнических групп. Под влиянием происходящих в мире процессов существующие модели идентичности дестабилизируются, ослабляя традиционные связи и нарушая сложившиеся структуры. Идентичность размывается, теряет чёткие границы и становится гетеротопной, выходя через традиционные формы в инновационное коммуникативное пространство. Необходимость сосуществования в едином культурном поле различных традиций и менталитетов выводит на значимость кросс-культурного анализа индикаторов этнического, конфессионального и регионального

уровней самосознания, а также процесса самоидентификации, что в современных условиях становится острой проблемой.

На изменение идентичности огромное влияние оказывают миграционные процессы, когда возникает реальная угроза исчезновения «собственной» культуры в мультикультурном пространстве. Жизнеспособность такого общества зависит от создания максимально сходной картины мира у всех членов, однако вырабатывается она в ситуации, когда именно «своя» культура приезжих продолжает служить критерием, опорой и точкой отсчета на шкале развития по сравнению с «другими». Поэтому необходимо учитывать, что не всегда задачи сохранения изначальной культурной идентичности, которые ставит перед собой локальная культурная группа, будут совпадать с задачами, стоящими перед обществом в целом.

Единое историческое прошлое прикаспийских государств и временные демографические проблемы России – это факторы, контурно обозначившие новый тренд, который сегодня становится настоящим вызовом для социальной системы юга России, поскольку новая волна мигрантов из ближнего зарубежья – это молодёжь, получившая образование в соответствии с образовательными стандартами своего государства и практически не владеющая русским языком.

С одной стороны, кардинальные изменения в пространстве постсоветских прикаспийских республик под влиянием коммуникативных процессов с западными странами дали толчок развитию процессов разрушения традиционных ценностей, предложив динамичную альтернативу замкнутым и статичным обществам с жесткой осевой ориентацией. С другой стороны, усилился страх потерять «свое», «затеряться» в инновационном потоке, что предопределило позицию «охранительства» традиционной картины мира, во многом мешающую продуктивным культурным контактам. В результате для адаптации в современном мире и одновременного сохранения традиционных структур конструируется иллюзорная картина мира на основе новых мифологем, защищающих привычный уклад жизни определенного сообщества. Немаловажным является и тот факт, что ценностная картина мира приезжих формировалась в ситуации неоднозначного отношения к истории и культуре постсоветской России.

Процессы выработки соглашений относительно правового статуса Каспийского моря, экономического сотрудничества, социокультурного взаимодействия идут трудно. Стремление разделить зоны влияния на Каспии ведет к углублению споров между странами. Гораздо эффективнее вести речь не о разделе, а о создании режима кооперативного и рационального использования ресурсов Каспия. Решать проблемы, касающиеся Каспийского моря, должны исключительно прикаспийские государства, без вмешательства «третьих лиц». По каждому вопросу нужен поиск индивидуальных траекторий развития геостратегии во взаимосвязи науки, образования и бизнеса. Проблематика, связанная с культурной безопасностью, историей и современным состоянием межкультурных коммуникаций в регионе, должна в перспективе стать частью общеобразовательной среды для выработки единого подхода к развитию каспийского пространства.

Современный мир олицетворяет «спонтанный процесс транскультурных пересечений, миграций, то есть плюральность» (Мальковская, 2008, с. 192), и от того,

как эта плюральность будет осмыслена и реализована, зависит результативность культурной безопасности определенного региона. В рамках любого социально-культурного пространства сосуществуют различные культурные миры, с особыми этническими историями, разной конфессиональной принадлежностью, отличающимся уровнем экономического развития и т.д. Таковым является и Прикаспийский регион. Попытки формирования единого коммуникативного (информационно-образовательного) пространства таит в себе скрытые риски попыток сохранить «свою» культурную идентичность, культивируя старые, а главное – создавая новые мифологемы традиционной картины мира, позволяющие формировать симулякры адаптационных механизмов и оказывающие мощное воздействие на сознание и поведение индивидов конкретного сообщества.

Множество картин одного и того же мира затрудняет процесс коммуникации. Не все культурные практики могут мирно сосуществовать в одном пространстве, создавая тем самым очаги напряженности. Для сближения разных картин мира необходимо изменение традиционного мышления в глобальном аспекте, предполагающего признание других как равноправных участников культурного диалога.

Заключение

Прикаспийский регион является одним из самых важных на Евро-Азиатском пространстве. Он притягивает к себе внимание многих стран, не только тех, кто граничит с ним. Поэтому достижение культурной безопасности требует формирование единого ментального субстрата, близкого всем ее представителям прикаспийских стран, а именно создания общего культурного и информационного пространства. Это требует повышения культурного самосознания народов Прикаспийского региона. От решения этих вопросов зависит эффективность российской политики в Каспийском регионе, как на российской территории, так и в межгосударственном масштабе.

Несмотря на определенные успехи в процессе решения отдельных вопросов по каспийской проблеме, полноценного многостороннего диалога пока не получается. Проводимые странами «каспийской пятерки» консультации постепенно трансформировались в многоплановое обсуждение целого комплекса проблем, связанного с организацией межгосударственного диалога на Каспии.

Создан Консорциум высших учебных заведений Прикаспийского региона в транспортно-логистической сфере, ожидается создание Центра гуманитарного сотрудничества стран Прикаспия, направленного на продвижение русского языка и культуры; Каспийского международного дискуссионного клуба с целью развития диалога между российской и зарубежной элитой; начато издание энциклопедического словаря «Каспий».

Важным в обеспечении культурного диалога становится работа по сохранению и популяризации культурного наследия стран прикаспийского региона. В этой сфере делается достаточно много. Так, на Первой конференции сторон Тегеранской конвенции в мае 2007 г. всеми прикаспийскими странами было принято решение о ежегодном праздновании 12 августа Дня Каспия (Интеграционные инициативы, 2015, с. 809). В этот день, помимо культурно-массовых мероприятий, проходят

конференции, круглые столы и встречи с участием представителей государственных органов, неправительственных и общественных организаций и научных институтов. Целью подобных мероприятий является не только практическое накопление научно-теоретических знаний, но и активное их использование в выработке национального курса в отношении Прикаспия.

Важнейшей проблемой является создание единого информационно-образовательного пространства. Астраханский государственный университет в последние годы становится площадкой научно-образовательных проектов в Каспийском регионе, включающих как образовательные, так и политические, экономические, а также социокультурные аспекты. Особое значение в рамках укрепления культурной безопасности имеет создание общего образовательного пространства. В этом аспекте перспективным представляется продуцирование инновационных межвузовских программ (например, объединяющих российские классические вузы Центрального региона и астраханские вузы; российские вузы и вузы прикаспийских государств), ориентированных на формирование кадрового резерва высококвалифицированных специалистов, создание межвузовских советов молодых ученых, межгосударственного совета молодых специалистов.

Программы академической мобильности и двойных дипломов, организация вебинаров с участием иностранных учёных, совместные публикации в научных журналах, онлайн-совещания приобретают все большую популярность. АГУ ведёт активную совместную работу с вузами Прикаспия, открывая филиалы российских вузов в Азербайджане, Туркменистане, Казахстане и т.д.

Все это напрямую связано с построением оптимальной модели аккультурации, базирующейся на учёте этнических и социокультурных особенностей образовательных мигрантов, которые несут свои культурные паттерны, что усложняет процесс коммуникации и адаптации. Попадая в новое культурное пространство, мигранты точкой отсчета считают свою культуру и ее установки, что объясняется жизненной необходимостью упорядочить свою жизнедеятельность через принятие норм и образцов поведения в соответствии с культурными характеристиками, принятыми в конкретном обществе (группе). Построение оптимальной модели аккультурации для студентов из прикаспийских государств рассматривается как возможность межкультурной коммуникации, напрямую связанной со спецификой национальных концептосфер, закрепленных в сфере языка и образов культуры, что несомненно будет способствовать сохранению безопасности социокультурной среды Прикаспийского полиэтничного региона.

References

Bronevskij, S. (1823). Novejshie geograficheskie i istoricheskie izvestija o Kavkaze. Ch. II. M. S. 265. 471 s.

Ermolenko, V.A., Morozova, N.V., Tynjanova, O.N. (2014). Formirovanie edinoj jekologicheskoj kul'tury specialistov Prikaspijskogo regiona// jelektronnoe nauchnoe izdanie al'manah Prostranstvo i vremja. 2014. 5. 1. 2 . Polucheno iz https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-edinoy-ekologicheskoy-kultury-spetsialistov-prikaspiyskogo-regiona

Integracionnye iniciativy v Kaspijskom regione: tendencii i perspektivy (2015) //Session 4E: Regional'nye jekonomiki. S. 805-811. Polucheno iz https://www.avekon.org/papers/1221.pdf

Kadyrbaev, A.Sh. (2015). Rossija na Kaspijskom more, v Persii i Srednej Azii. 1857–1911 gg. //Vostochnyj arhiv. 1 (31). 4- 11

Kaspijskoe more na drevnih kartah i gravjurah. Polucheno iz https://azerhistory.com/?p=6691

Kaspijskaja politika i sovremennye vyzovy (2019). Polucheno iz https://caspian-eurasia.com/kaspijskaya-politika-i-sovremennye-vyzovy/

Kirokos'jan, M. (2007). Toponimicheskij slovar' Astrahanskoj oblasti. Astrahan', 2007. 500 s.

Konvencija o pravovom statuse Kaspijskogo morja (2020). Polucheno iz https://ria.ru/20191001/1559318075.html

Kostrikina, I.S. (2014). Razvitie chelovecheskogo potenciala prikaspijskogo regiona: Obrazovanie, trudovaja mobil'nost' i obshhestvennyj intellekt// Jelektronnoe nauchnoe izdanie Al'manah Prostranstvo i Vremja Kaspijskogo dialoga. 5. 1. 2. Polucheno iz https://cyberleninka.ru/article/

Mal'kovskaja, I.A.(2008). Mnogolikij Janus otkrytogo obshhestva: Opyt kriticheskogo osmyslenija likov obshhestva v jepohu globalizacii. M.:Izd-vo LKI.

Markov, A.S. Pohod v Persidu. Volgograd: Nizh.-Volzh. kn. izd-vo, 1982. 142 s.

Romanova, A.P., Hlyshheva, E.V., Jakushenkov, S.N., Topchiev, M.S. (2013). Chuzhoj i kul'turnaja bezopasnost'. M: ROSSPJeN. 215 s.

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv Voennomorskogo flota (RGA VMF). T. 2. № 3133. O rassmotrenii predlozhenija obshhestva «Kavkaz i Merkurij» ob ustrojstve parohodnogo soobshhenija s Krasnovodskom. 16 janvarja 1870 – 31 maja 1872 g.

Solov'ev, S.M. (1989). Chtenija i rasskazy po istorii Rossii. M.: Pravda. 768 s.

Shirjaev, V. (2010). Kul'turnaja bezopasnost' i mezhkul'turnye dialogi // Bezopasnost' i obshhestvo. 1. 95-99.

Forrest, S. (2004). Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security / Proceedings of the Third Northern Research Forum / Plenary on Security, Yellowknife, NWT September 18, 2004. Retrieved from http://www.nrf.is/index.].

Caltural safity; Valuing difference, avoiding assumptions and communication. (1998). N.-Y.,. University Press.

Для цитирования: Хлыщева Е.В., (2021). Каспийский регион как пространство культурной безопасности *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности,* (2), 81-93.

DOI 10.21672/2713-024X-2021-2-1-081-093

Список литературы:

Броневский, С. (1823). *Новейшие географические и исторические известия о Кавказе.* Ч. II. М. С. 265. 471 с.

Ермоленко, В.А., Морозова, Н.В., Тынянова, О.Н. (2014). Формирование единой экологической культуры специалистов Прикаспийского региона// электронное научное издание альманах Пространство и время. 2014. 5. 1. 2. Получено из https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-edinoy-ekologicheskoy-kultury-spetsialistov-prikaspiyskogo-regiona.

Интеграционные инициативы в Каспийском регионе: тенденции и перспективы (2015) // *Session 4E: Региональные экономики*. С. 805-811. Получено из https://www.avekon.org/papers/1221.pdf

Кадырбаев, А.Ш. (2015). Россия на Каспийском море, в Персии и Средней Азии. 1857–1911 гг. //*Восточный архив*. 1 (31). 4- 11

Каспийское море на древних картах и гравюрах. Получено из https://azerhistory.com/?p=6691

Каспийская политика и современные вызовы (2019). Получено из https://caspian-eurasia.com/kaspijskaya-politika-i-sovremennye-vyzovy/

Кирокосьян, М. (2007). *Топонимический словарь Астраханской области*. Астрахань, 2007. 500 с.

Конвенция о правовом статусе Каспийского моря (2020). Получено из https://ria.ru/20191001/1559318075.html

Кострикина, И.С. (2014). Развитие человеческого потенциала прикаспийского региона: Образование, трудовая мобильность и общественный интеллект// Электронное научное издание *Альманах Пространство и Время Каспийского диалога.* 5. 1. 2. Получено из https://cyberleninka.ru/article/

Мальковская, И.А. (2008). *Многоликий Янус открытого общества: Опыт критического осмысления ликов общества в эпоху глобализации.* М.: Изд-во ЛКИ.

Марков, А.С. *Поход в Персиду*. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1982. 142 с.

Романова, А.П., Хлыщева, Е.В., Якушенков, С.Н., Топчиев М.С. (2013). *Чужой и культурная безопасность.* М: РОССПЭН. 215 с.

Российский государственный архив Военноморского флота (РГА ВМФ). Т. 2. № 3133. *О рассмотрении предложения общества «Кавказ и Меркурий» об устройстве пароходного сообщения с Красноводском*. 16 января 1870 – 31 мая 1872 г.

Соловьев, С.М. (1989). *Чтения и рассказы по истории России*. М.: Правда. 768 с.

Ширяев, В. (2010). Культурная безопасность и межкультурные диалоги // *Безопасность и общество*. 1. 95-99.

Forrest, S. (2004). *Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security* / Proceedings of the Third Northern Research Forum / Plenary on Security, Yellowknife, NWT September 18, 2004. Retrieved from http://www.nrf.is/index.].

Caltural safity; Valuing difference, avoiding assumptions and communication. (1998). N.-Y., University Press

REVIEW OF ENCYCLOPEDIA BY IGOR S. ZONN, ANDREY G. KOSTIANOY, ALEKSEY N. KOSAREV AND MICHAEL H. GLANTZ «THE CASPIAN SEA ENCYCLOPEDIA»

Elina A. Sarakaeva
Hainan College of Economics and Business, Haikou, China
E-mail: caomengde@list.ru
Irena V. Lebedeva
Caspian Institute of Sea and River Transport, Astrakhan, Russia
E-mail: irenalebedeva@mail.ru

Abstract

This work reviews an encyclopedia edited by Springer-Verlag Berlin Heidelberg "*The Caspian Sea Encyclopedia".* Springer; 2010-th edition (June 23, 2010). Authors: Igor S. Zonn, Andrey G. Kostianoy, Aleksey N. Kosarev, Michael H. Glantz. Volume: 536 pages. Date of publication: June 23, 2010. ISBN-10: 3642115233; ISBN-13: 978-3642115233. Hard cover. Language: English.

Keywords: Caspian region, geopolitics, Caspian states, Caspian Sea, encyclopedia, natural resources.

ОБЗОР ЭНЦИКЛОПЕДИИ АВТОРОВ И. С. ЗОННА, А. Г. КОСТЯНОВА, А. Н. КОСАРЕВА И М. Х. ГЛАНЦА «ЭНЦИКЛОПЕДИЯ КАСПИЙСКОГО МОРЯ»

Саракаева Элина Алиевна
Хайнаньский Институт экономики и бизнеса, Хайкоу, Китай
E-mail: caomengde@list.ru
Лебедева Ирэна Валерьевна
Каспийский институт морского и речного транспорта, Астрахань, Россия
E-mail: irenalebedeva@mail.ru

Аннотация

В данной работе рассматривается энциклопедия издательства Springer-Verlag Berlin Heidelberg «Энциклопедия Каспийского моря». Springer, Выпуск 2010 г. (23 июня 2010 г.). Авторы: Игорь Зонн, Андрей Г. Костяной, Алексей Н. Косарев, М. Х. Гланц. Объем: 536 страниц. Дата публикации: 23 июня 2010 г. ISBN-10: 3642115233; ISBN-13: 978-3642115233. Твердая обложка. Язык публикации: английский.

Ключевые слова: Каспийский регион, геополитика, прикаспийские государства, Каспийское море, энциклопедия, природные ресурсы.

«Энциклопедия Каспийского моря» – вторая из серии энциклопедий о морях бывшего Советского Союза, выпущенная издательством Springer-Verlag. Первый том – «Энциклопедия Аральского моря» – был издан компанией Springer в 2009 году. В 2010 году тем же издателем серия была продолжена «Энциклопедией Черного моря

Более 250 лет доступ к Каспийскому морю имели два государства: Россия (Советский Союз) и Персия (Иран). После распада СССР в 1992 г. к Каспию получили доступ новые независимые государства Азербайджан, Туркменистан и Казахстан, что радикально изменило политическую и экономическую ситуацию в регионе. Помимо России и Ирана, которые долгое время определяли ситуацию на Каспии, Азербайджан, Туркменистан и Казахстан сейчас являются заинтересованными сторонами, ряд западных государств и Китай также проявляют к Каспию все растущий интерес. Из прикаспийских государств Россия является крупнейшей, за ней следуют Казахстан (9-я по территории страна в мире) и Исламская Республика Иран (17-я в мире).

Увеличение числа каспийских стран и появление в регионе других игроков, пытающихся отщипнуть кусочек каспийского «пирога», породило целый клубок геополитических, экономических, международно-правовых, этнических и экологических проблем, каждая из которых требует собственного подхода и механизма урегулирования (Nanay & Smith Stiger, 2012).

Важность Каспийского региона диктовала прикаспийским державам необходимость построить после распада Советского Союза новую систему отношений, регулирующую активность на Каспии. Из этих стран четыре являются членами Содружества Независимых Государств (СНГ), что повлияло на их взаимодействие и сотрудничество в решении многих вопросов. При этом имеющие доступ к Каспийскому морю страны различаются по уровню экономического развития, типам сложившегося политического режима, характеру своих внешних связей, религии (христиане, мусульмане, буддисты), культурным особенностям и менталитету. Пять стран Каспийского региона занимают 4% мировой территории, там проживает 4% мирового населения. Регион Каспийского моря играет важную роль в мировой экономической системе; мировая экономика, в целом, зависит отчасти от экономического положения в этом регионе. Каспийский регион активно вовлечен в мировые экономические отношения. Богатые ресурсы Каспия и его стратегическое значение привлекает к региону пристальное внимание ведущих мировых держав, которые – особенно США – откровенно преследуют на Каспии собственные интересы и проводят четко просматриваемую политику в отношении региона (Anand & Mishra, 2014).

По своим природным характеристикам Каспийское море – уникальное природное явление, крупнейший в мире водный объект, не имеющий выхода к океану. Авторы энциклопедии показывают, что исторически Каспий был одной из ключевых зон, где конфликтовали интересы таких великих держав, как Россия, Великобритания и Персия. Причиной этих конфликтов была и остается нефть – «черное золото» Каспия, а также природные богатства Каспия, другое его «золото» – осетровые со своей черной икрой. Достаточно важны минеральные ресурсы Каспия,

запасы которых сильно различаются. Огромное значение имеют также гидроуглеродные ресурсы, представленные крупными месторождениями с запасами, обеспечивающими их прибыльную добычу. Другие месторождения полезных ископаемых имеют только местное значение и используются в основном для удовлетворения местных потребностей в топливе, строительных материалах и т.д.

Рецензируемая энциклопедия содержит около 1500 статей и терминов и предлагает описания географических особенностей региона, городов, портов, транспортных путей, основных нефтяных и газовых месторождений, водных биологических ресурсов. В энциклопедии большое внимание уделяется хозяйственной деятельности осваивающих Каспий людей, их политической и экономической активности. Энциклопедия перечисляет имеющие отношение к Каспию международные договоры, национальные и международные программы, изучающие проблемы Каспия научно-исследовательские учреждения, исторические и археологических памятники, описывает деятельность выдающихся ученых, исследователей, путешественников, военачальников, нефтепромышленников и торговцев. По сути, авторы ставят перед собой – и успешно, на наш взгляд, решают – амбициозную задачу свести в одной книге всё и вся, имеющее отношение к Каспийскому региону.

В статьях энциклопедии и в самом выборе материала авторы пытаются выстроить экономическую, политическую и культурную историю Каспия. С этой целью в энциклопедии приводится хронология важнейших событий, ставших вехами в истории развития Каспийского региона на протяжении более 300 лет и охватывающих период от времен Петра Великого до настоящего времени.

Чтобы дать читателю представление о том, как структурируется в энциклопедии материал, приведем в пример одну из статей – о волжской сельди.

«Волжская сельдь (Alosa kessleri volgensis) – анадромная рыба. Спина тёмно-зелёной или оливково-зелёной окраски. За оперкулумом почти всегда имеется черное пятно; другое пятно, не четко очерченное, расположено между глазом и верхним краем оперкулума. Имеет от 90 до 150 относительно длинных и тонких жаберных щелей. Зубы слабо развиты, порой почти незаметны. Имеет 48-54 позвонка. Сельдь уходит в Волгу, реже в реку Урал, совсем редко в Терек. Сельдь встречается в любой точке моря от южного до северного берегов, также с запада на восток. Зимует на Южном Каспии, изредка на Среднем Каспии; в феврале-марте рыба начинает свой забег на север. Длина тела половозрелых особей – от 19 до 39 см. Масса составляет от 100 до 600 г.

Самки крупнее самцов. Жирность – 6-10%. Срок жизни – до 6 лет. В апреле сельдь выходит на Северный Каспий и приходит в предустьевое пространство и в дельту Волги, некоторые стаи идут вплоть до Урала. Входит в Волгу преимущественно в мае при температурах воды 12-17°С. Затем идет вверх по течению со скоростью 10-30 км в сутки. Нерестится в мае – начале июня при температуре воды 13-24°С. Нерест отмечается по существу в вечерние часы. Основные нерестилища находятся между Астраханью и Волжской плотиной. Что касается реки Урал, то туда сельдь проходит до 300 км, нерестясь в любом месте ее нижнего течения. Бывают годы, когда нерест происходит в предустьевом пространстве Волги в пресной или

солоноватой воде, если её солёность не выше 1 ‰. Некоторые рыбы нерестятся до 3-4 раз в течение жизни. В сентябре-октябре сельдь покидает Северный Каспий и движется на юг.

Сельдь питается преимущественно ракообразными, а также мелкими породами рыб, типа килек и бычков. Сельдь составляет основу сельдевой промышленности на Каспии» (Zonn I., Kostianoy A. G., Kosarev A. N. & Glantz M. H., 2010, с. 432).

Также подробно, детально и очень профессионально освещены другие аспекты – от истории каждого прикаспийского города и поселка до подробных сведений об особенностях промышленности и сельского хозяйства, до повестки и расписания международных научно-практических конференций по вопросам изучения Каспия. Детальные и хорошо выверенные сведения, предлагаемые энциклопедией, бесспорно, могут быть хорошим подспорьем для любого специалиста и практика, по тем или иным причинам обращающегося к насущным вопросам Каспийского региона.

Немного об авторах работы:

Профессор Игорь С. Зонн – начальник отдела внешнеэкономических связей Инженерного научно-производственного центра по водному хозяйству, мелиорации и экологии «Союзводпроект», г. Москва, Россия. Его научные интересы сосредоточены на тематических исследованиях по вопросам развития пустынь, опустынивания, мелиорации и управления водными ресурсами в засушливых районах, регионального изменения климата, социально-экономических и экологических проблем Аральского, Каспийского и Черного морей.

Профессор Андрей Геннадьевич Костяной – главный научный сотрудник Института океанологии имени П.П. Ширшова РАН, г. Москва, Россия. Является специалистом по физической океанографии. Его исследования посвящены вопросам мониторинга с помощью спутников, океанографии прибрежных зон, региональным изменениям климата и экологическим проблемам Черного, Каспийского и Аральского морей.

Профессор Алексей Н. Косарев – доктор географических наук, профессор кафедры океанологии географического факультета МГУ, Россия. Является специалистом по физической океанографии. Его исследования посвящены гидрологии и экологии морей, а также гидрологическим и экологическим проблемам Аральского, Каспийского и Черного морей.

Профессор Майкл Х. Гланц является директором Консорциума по наращиванию потенциала в Университете Колорадо (Боулдер, Колорадо). Туда он перешел из Национального центра атмосферных исследований в Боулдере, где занимал должность директора программ, связанных с оценкой воздействия климата, воды и погоды. В 1990 году стал лауреатом премии ЮНЕП Global 500 за вклад в охрану окружающей среды.

Энциклопедия получила достаточно высокие оценки критиков. Так, Г. Клемент, обозреватель для журнала Choice, считает, что «эта энциклопедия обеспечивает широкое освещение Каспийского моря и прилегающего региона, ... известного своими ценными природными ресурсами, в том числе нефтью, газом, осетром, черной икрой. Рекомендуется магистрантам и учащимся высших уровней, а

также широкому кругу читателей» (Clement, 2011). Стюарт Джеймс в своем ревью отмечает, что «книга содержит много полезной и точной информации об очень значимом регионе. Эта книга займет достойное место в специализированных или крупных справочных сборниках» (James, 2011). Мы вполне присоединяемся к положительной оценке, данной англоязычными обозревателями, и добавим, что «Энциклопедия Каспийского моря» имеет высокую научную и практическую ценность для исследователей проблем Каспийского региона, экономистов, политологов, историков, администраторов и лиц, заинтересованных в ведении бизнеса в регионе.

References

Anand S. & Mishra M.K. (2014). US policy and Interest in the Post-Soviet Caspian Region. *SSRN Electronic Journal*. December 2014, Pp. 101-121.

Clement G.P. (2011) Reviews. *Choice* Vol. 48 (5), January 2011.

James S. (2011). Review. *Reference Reviews*, Vol. 25 (6).

Nanay J. & Smith Stiger K. (2012). Russia and the Caspian region: challenges for transatlantic energy security? *Journal of Transatlantic Studies*, Vol. 10 (4), Pp. 343-357.

Zonn I., Kostianoy A. G., Kosarev A. N. & Glantz M. H. (2010) *The Caspian Sea Encyclopedia.* London, NY: Springer-Verlag Berlin Heidelberg

Для цитирования: Саракаева Э.А., Лебедева И.В., (2021). Обзор энциклопедии авторов И.С. Зонна, А.Г. Костянова, А.Н. Косарева и М.Х. Гланца «Энциклопедия Каспийского моря» *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности,* (2), 94 - 99.

DOI 10.21672/2713-024X-2021-2-1-094-099

2nd INTERNATIONAL SCIENTIFIC FORUM «CASPIAN REGION 2021: WAYS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT» MAY 26–28 2021, ASTRAKHAN

Anna V. Fedotova, Astrakhan State University, Russia
ORCID 0000-0003-0241-1797
E-mail: a.v.fedotova@gmail.com
Olga Yu. Kosmacheva, Astrakhan State University, Russia
ORCID 0000-0002-3722-3131
E-mail: olga_ast@list.ru
Elena M. Kolesnikova, Astrakhan State University, Russia
E-mail: nauka.agu@gmail.com

Abstract

The article gives an overview of the scientific forum "Caspian Region 2021: Ways of Sustainable Development" held on May 26-28, 2021 in the city of Astrakhan on the basis of the Astrakhan State University. The brief overview introduces the main directions of the forum related to the priority vectors of the Caspian macro-region development, touching upon the issues of cooperation in the scientific and educational sphere on the scale of the Great Caspian Sea, the development of the transport and logistics cluster, integrated safety and security in the context of the economic, cultural, environmental and geopolitical components, youth policy and education development issues. The International Scientific Forum "Caspian Region 2021: Ways of Sustainable Development" united leaders of the science system, higher education and youth policy, leading scientists, experts of higher education and will become the driver of the Year of Science and Technology in Russia. More than 20 events took place within the framework of the Forum: panel discussions, a national conference with international participation, a meeting of the Commission on Science, Research and Technology of the Association of State Universities of the Caspian Countries, a joint meeting of the Council of Rectors of Universities of the Southern Federal District and the North Caucasus Federal District, a meeting of the Caspian Discussion Club, round tables, excursions, presentations, lectures on relevant topics.

Keywords: Caspian region, security, Caspian regional cooperation, cultural and humanitarian cooperation, scientific forum, Astrakhan, integration of scientific and educational organizations, south of Russia, Caspian Sea, science and education.

II МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОРУМ «КАСПИЙ 2021: ПУТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ» 26–28 МАЯ 2021 г., АСТРАХАНЬ

Федотова Анна Владиславовна, Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Россия
ORCID 0000-0003-0241-1797
E-mail: a.v.fedotova@gmail.com
Космачева Ольга Юрьевна, Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Россия
ORCID 0000-0002-3722-3131
E-mail: olga_ast@list.ru
Колесникова Елена Михайловна, Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Россия
E-mail: nauka.agu@gmail.com

Аннотация

В статье дается обзор научного форума «Каспий 2021: пути устойчивого развития», состоявшегося 26-28 мая 2021 года в городе Астрахань на базе университетов Астраханской области. Краткое обозрение знакомит с основными направлениями работы форума, связанными с приоритетными векторами развития Каспийского макрорегиона, затрагивающие вопросы кооперации в научно-образовательной сфере в масштабах большого Каспия, развития транспортно-логистического кластера, комплексной безопасности в разрезе экономической, культурной, экологической и геополитической составляющей, вопросы молодежной политики и развития образования. Международный научный форум «Каспий 2021: пути устойчивого развития» объединил первых лиц системы науки, высшего образования и молодёжной политики, ведущих ученых, экспертов высшей школы и станет драйвером Года науки и технологий в России. В рамках Форума состоялось более 20 мероприятий: панельные дискуссии, национальная конференция с международным участием, заседание Комиссии по науке, исследованиям и технологиям Ассоциации государственных университетов Прикаспийских стран, совместное заседание Совета ректоров вузов ЮФО и СКФО, заседание Каспийского дискуссионного клуба, круглые столы, экскурсии, презентации, лекции на актуальные темы.

Ключевые слова: Каспийский регион, безопасность; Каспийское региональное сотрудничество; культурно-гуманитарное сотрудничество; научный форум; Астрахань; интеграция научно-образовательных организаций; Юг России; Каспийское море; наука и образование.

На несколько теплых весенних майских дней Астрахань стала настоящей Каспийской столицей, в которой собрались представители бизнеса, промышленности, государственной власти, научной и образовательной элиты и, конечно же, студенчества для обсуждения актуальных вопросов устойчивого развития Каспийского макрорегиона. Площадкой для обсуждения стал II Международный научного форума «КАСПИЙ 2021: ПУТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ», прошедший с 26 по 28 мая 2021 года.

Организаторами форума явились Министерство науки и высшего образования РФ, Российская академия наук, Правительство Астраханской области, АНО «Россия – страна возможностей», ЭАЦ «Научно-образовательная политика», Московский международный салон образования, Кафедра ЮНЕСКО АГУ. Партнеры форума: Российский союз молодежи, Институт образования НИУ ВШЭ, Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь), Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), Консорциум образовательных организаций высшего образования и научных организаций Астраханской области.

В форуме приняли участие представители Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, Координационного совета по делам молодежи в научной и образовательной сферах при Президенте Российской Федерации по науке и образованию, Российской академии наук, представители международного и национального научного экспертного сообщества, Правительства Российской Федерации, органов исполнительной и законодательной власти Астраханской области, АНО «Россия – страна возможностей», ЭАЦ «Научно-образовательная политика», Московского международного салона образования, Российского союза молодежи, Россотрудничества, Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, Института образования НИУ «Высшая школа экономики», РФФИ, МГУ им. М. В. Ломоносова, Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Финансового университета при Правительстве Российской Федерации и другие. География участников охватывает как регионы России (Москва, Санкт-Петербург, Астрахань, Ростов-на-Дону, Краснодар, Нижний Новгород, Республики: Калмыкия, Дагестан, Северная Осетия, Крым, Адыгея, Алтай, Саха, Адыгея, Кабардино-Балкарская), так и ряд зарубежных стран (Иран, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан, Италия, Корея, Мексика, Германия, Индия, Венгрия, Украина, Канада, США).

Форум собрал 1000+ участников, из которых более 500 участвовали очно.

Программа форума включала в себя несколько значимых мероприятий для региона и страны: Совет ректоров Юга России с участием ректоров вузов Северо-Кавказского Федерального округа, Учредительное собрание Ассоциации содействия

многостороннему сотрудничеству в сфере науки и образования в Черноморском регионе, Национальная конференция с международным участием «Каспий в цифровую эпоху», Выставка «Мультимедийные технологии для ведущих ВУЗов», Пленарное заседание, Открытый разговор «Молодежь в геостратегическом регионе», заседание Экспертно-аналитического центра «Каспийский дискуссионный клуб», Симпозиум «Медицинское образование и наука в эпоху цифровизации», Второе заседание Комиссии по науке, исследованиям и технологиям Ассоциации государственных университетов и научно-исследовательских центров Прикаспийских стран, Первые Гужвинские чтения «Анатолий Гужвин: эпоха и личность».

К обсуждению актуальных вопросов были приглашены эксперты, владеющие исключительными знаниями в сфере обозначенной повестки: президент Российской академии наук Сергеев А.М., заместитель Министра науки и высшего образования РФ Омельчук А.В., Губернатор Астраханской области Бабушкин И.Ю., заместитель руководителя Федерального агентства по делам содружества независимых государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству Брюханов М.Д., президент ТПП РФ С.Н. Катырин, председатель Российского союза молодежи Краснoруцкий П.П., директор по развитию технологий и инноваций Гилянского парка науки и технологий Исламской Республики Иран Малекпур Амир и многие другие.

Основной площадкой проведения Форума стал Астраханский государственный университет. Отдельные мероприятия прошли на площадках других астраханских вузов и Института развития образования «Платформа», созданном в 2015 году для профессионального продвижения и личностного роста педагогов региона.

На «полях» Форума было подписано:

- Соглашение о создании Консорциума «Центр компетенций юга России по подготовке зарубежных специалистов в социально-культурной адаптации иностранных граждан в поликультурном регионе» между Астраханским государственным университетом, Волгоградским государственным университетом, Калмыцким государственным университетом имени Б.Б. Городовикова и Южным федеральным университетом с целью консолидации научно-технического и образовательного потенциала в направлении повышения международной конкурентоспособности образовательных учреждений Юга России путем системной интернационализации и экспорта образовательных услуг с целью обеспечения инвестиционной привлекательности и экспортного потенциала Юга России;

- Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве университетов-экспортеров консорциума «Университеты-экспортеры» между Астраханским государственным университетом, Дагестанским государственным техническим университетом и директором ООО Компанией «Ай Пи Ар Медиа» с целью

повышения конкурентоспособности российского образования на международном уровне;

- Учредительный договор ассоциации университетов «Альянс лидеров нового поколения» между Астраханским государственным университетом, Калмыцким государственным университетом имени Б.Б. Городовикова» и Краснодарским государственным институтом культуры;

- Соглашение о сотрудничестве в рамках разработки и реализации современных учебных материалов, программ, инновационных технологий между Астраханским государственным университетом, Дагестанским государственным техническим университетом и ПАО «Сбербанк России»;

- Соглашение о сотрудничестве в области внедрения цифровых мультимедийных технологий в деятельность университета между Астраханским государственным университетом и ООО «ОКНО ТВ»;

- Соглашение в области методологического и технологического перехода ВУЗа к индивидуализированной модели обучения на базе платформы Modeus, как элемента цифровой трансформации между Астраханским государственным университетом и ООО «Заказные ИнформСистемы»;

- Соглашение в области образовательной, научно-технической, инновационной и исследовательской деятельности между Астраханским государственным университетом и Северо-Восточным федеральным университетом имени М.К. Аммосова;

- двухсторонние Соглашения о сотрудничестве между Компанией «Ай Пи Ар Медиа» и Астраханским государственным университетом, Дагестанским государственным техническим университетом, Северо-Восточным федеральным университетом имени М.К. Аммосова» с целью установления партнерских отношений и развитие долгосрочного и эффективного сотрудничества сторон, направленных на реализацию Инициативы и стимулирование к участию в Конкурсах профессорско-преподавательского состава и молодых ученых Университета, путем создания Центра трансфера университетских знаний;

- ООО Компания «Ай Пи Ар Медиа» заключила соглашение об индустриальном партнерстве с председателем правления Автономной некоммерческой организации «Институт регионального развития» и с Ассоциацией «Университетский консорциум исследователей больших данных» с целью организации взаимодействия с использованием потенциала сторон для проведения совместных исследований и разработок с использованием исследовательской инфраструктуры и интеллектуальной собственности в соответствии с направлениями, представляющими взаимный интерес.

Заседание Совета ректоров вузов Юга России с участием ректоров вузов Северо-Кавказского федерального округа

Модератором заседания выступила Председатель Совета ректоров вузов Юга России, Президент ЮФУ Боровская М.А. В мероприятии приняли участие ректоры и представители вузов и научных организаций ЮФО и СКФО, а также представители Краснодарской краевой организации Общероссийского Профсоюза образования, Государственной корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности», Департамента оценки и методологии АНО «Россия – страна возможностей», Национальной ассоциации трансфера технологий, Группы Компаний «ОКНО ТВ», IT-компании CUSTIS.

С приветственным обращением к участникам выступили заместитель Полномочного представителя Президента Российской Федерации в ЮФО Гурба В.Н., Председатель Правительства Астраханской области Овчинников Д.Е. и ректор Астраханского государственного университета Маркелов К.А., которые отметили важнейшую роль университетов в социально-экономическом развитии регионов.

В выступлениях участников обсуждались актуальные вопросы высшего образования на Юге России, вопросы научно-образовательного сотрудничества в интересах решения стратегических проблем развития территорий региона и всей страны, возможности партнёрства университетов в научно-образовательной сфере, готовность вузов региона к участию в программе «Приоритет - 2030». Также были представлены лучшие практики развития университетов региона.

Концентрация ресурсов российских университетов для обеспечения вклада в достижение национальных целей развития Российской Федерации, повышение научно-образовательного потенциала, а также обеспечение участия научно-образовательных организаций в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации является основной задачей программы «Приоритет – 2030», которая позволит к 2030 году сформировать в России более 100 прогрессивных современных университетов - центров научно-технологического и социально-экономического развития страны. Цели, задачи и особенности программы «Приоритет – 2030» озвучил в своем выступлении заместитель Министра науки и высшего образования РФ Омельчук Андрей Владимирович. Было отмечено, что позиционирование университетов южных регионов России как лидеров региональных инноваций возможно через развитие компетенций каждого сотрудника и студента, в том числе через Центры развития компетенций.

Основной функцией университетов является воспроизводство научно-исследовательских кадров, востребованных на рынке, об этом, в своем выступлении говорила Президент Южного федерального университета, председатель Совета ректоров вузов Юга России Боровская М.А., которая отметила, что научная коллаборация вузов позволит усилить исследовательские, образовательные и инновационные позиции.

Ректор Астраханского государственного университета Маркелов К.А. выступил от имени Консорциума образовательных организаций высшего образования и научных организаций Астраханской области, сообщив о том, что вектор развития университетов направлен на завоевание лидерских позиции в Каспийском регионе.

Выступление руководителя проектного офиса «Искусственный интеллект» АГУ Александра Кошкарова, было посвящено проекту «Клуб искусственного интеллекта как элемент развития компетенций цифрового образования и экономики» по итогам которого было озвучено предложение от Совета ректоров по организации совместной работы всех учёных Юга России, занимающихся вопросами ИИ, где Астраханский госуниверситет, может стать площадкой для объединения в рамках сетевой лаборатории по искусственному интеллекту.

Также спикерами заседания выступили руководитель Департамента оценки и методологии АНО «Россия – страна возможностей» Гужеля Д.Ю., исполнительный директор Национальная ассоциация трансфера технологий Филимонов А.В., руководитель группы компаний IPR MEDIA Иванова Н.Ю., другие представители ведущих вузов ЮФО и СКФО и инновационного бизнеса.

По итогам заседания были приняты ряд важных решений, касающихся возможности создания пилотного сетевого центра компетенций на Юге России, изучения и внедрения опыта членов Ассоциации бережливых вузов России в сфере применения бережливого производства и совершенствования системы управления в организациях высшего образования, создания на базе Астраханского государственного университета центра по развитию искусственного интеллекта, как сетевой проект для Юга России под общей координацией ректора Маркелова К.А., подключения к платформе «Факультетус», поддержки конкурса «Золотые Имена Высшей Школы», возможности участия в актуализации цифровых образовательных модулей контентом IPR TRANSFER путем организации Центов трансфера университетских знаний и запуска процедуры по подготовке учебных материалов по цифровым сквозным технологиям.

Учредительное собрание Ассоциации содействия многостороннему сотрудничеству в сфере науки и образования в Черноморском регионе

26 мая в рамках Международного научного форума «Каспий 2021: пути устойчивого развития» на площадке Астраханского государственного университета прошло учредительное собрание Ассоциации содействия многостороннему сотрудничеству в сфере науки и образования в Черноморском регионе.

В составе участников представители ведущих вузов ЮФО и СКФО. Собрание прошло под председательством Президента Южного федерального университета Боровской М.А. заслушаны выступления депутата Государственной Думы, члена Комитета по культуре, образованию и социальным вопросам Парламентской ассамблеи Черноморского экономического сотрудничества (ПАЧЭС) Кобилева А.Г., заместителя Генерального секретаря Организации Черноморского экономического сотрудничества (ЧЭС) Гончаренко С.Н.

На заседании принято решение о создании Ассоциации, рассмотрены предмет и цели ее деятельности, структура, состав и компетенции руководящих и исполнительских органов, порядок формирования правления и другие вопросы. Участники собрания подчеркнули стратегическую значимость инициативы развития и поддержки многостороннего сотрудничества в сфере науки и образования в регионе ЧЭС.

Генеральным директором Ассоциации избран заведующий кафедрой финансового права Южного федерального университета, Член Экспертного совета Комитета Государственной Думы по финансовому рынку, Член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации Колесников Ю.А.

Ассоциация будет функционировать в формате некоммерческой организации и будет являться платформой для содействия многостороннему международному взаимодействию в научно-исследовательской, инновационной и образовательной сферах, реализации совместных научно-исследовательских, инновационных и образовательных программ и проектов, а также консолидации научно-технологического потенциала профильных организаций из региона Черноморского экономического сотрудничества (ЧЭС) и других стран мира для расширения международного сотрудничества в контексте поиска эффективных ответов на глобальные и региональные вызовы, связанные в том числе с Четвертой промышленной революцией, переходом к Цифровой экономике и достижением Целей устойчивого развития.

Работа Ассоциации будет проходить на добровольной основе в целях объединения университетов, организаций высшего образования, научно-исследовательских учреждений, инновационных предприятий и других организаций, а также физических лиц, деятельность которых связана со сферой

науки, инноваций, образования (из стран-членов ЧЭС и других заинтересованных стран мира).

В состав учредителей Ассоциации 8 вузов Юга России: Южный федеральный университет; Астраханский государственный университет; Волгоградский государственный университет; Дагестанский государственный технический университет; Майкопский государственный технологический университет; Ростовский государственный экономический университет (РИНХ); Ставропольский государственный аграрный университет; Южно-Российский государственный политехнический университет имени М. И. Платова (г. Новочеркасск).

Официальное открытие Международного научного форума «КАСПИЙ 2021: ПУТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ»

Церемония открытия форума состояла из приветственных посланий участникам от Губернатора Астраханской области Бабушкина И.Ю., Министра науки и высшего образования Российской Федерации Фалькова В.Н. (зачитывает заместитель министра науки и высшего образования Российской Федерации Омельчук А.В.), Президента РАН Сергеева А.М., заместителя руководителя Федерального агентства по делам содружества независимых государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству Брюханова М.Д., Генерального консула Исламской Республики Иран в г. Астрахани Мехди Акучекиана, Генерального консула Республики Казахстан в г. Астрахани Умбетбаева Т.Б., консула Туркменистана в Российской Федерации в г. Астрахани Гараева Г.А., Президента Торгово-промышленной палаты Российской Федерации Катырина С.Н., ректора Астраханского государственного университета Маркелова К.А.

Приветствуя участников форума, губернатор Астраханской области подчеркнул, что для региона «признание статуса приоритетной геостратегической территории» является «окном возможностей», благодаря которому можно рассчитывать на опережающее развитие экономики.

В приветствиях было указано на важность укрепления позиций России на Каспии, достижение национальных целей по ускорению экономического роста и инновационного развития, расширения экспорта российского образования в Каспийские страны, закрепление талантливой молодежи в геостратегическом регионе. Выступающие выразили надежду, что форум станет знаковой площадкой обсуждения задач государственной политики России в сфере высшего образования, науки, молодёжной политики в Каспийском макрорегионе, а координаторы данных сфер федерального уровня зададут вектор движения к национальным целям, обозначенным Президентом Российской Федерации – войти в первую пятерку стран, ведущих разработки в приоритетных областях науки и технологий.

Панельная дискуссия «Каспий 2021: пути устойчивого развития»

Большие вызовы Каспийского макрорегиона в образовании, науке, экономике и пути их преодоления стали главным лейтмотивом панельной дискуссии «Каспий 2021: пути устойчивого развития». В ходе дискуссии были представлены мнения экспертов федерального и международного уровня о значении Астраханской области как приоритетной геостратегической территории Российской Федерации, ее роли в выстраивании диалога со странами Прикаспия с целью ускорения экономического роста и инновационного развития всего Каспийского макрорегиона.

Ключевыми спикерами выступили Президент РАН РФ Сергеев А.М., заместитель министра науки и высшего образования РФ Омельчук А.В, заместитель председателя Правительства Астраханской области Овчинников Д.Е., ректор Астраханского государственного университета Маркелов К.А.

Спикеры отметили необходимость поиска индивидуальных траекторий развития геостратегических территорий и взаимосвязи науки, образования и бизнеса для ее развития, вовлечении в науку студентов и школьников, создании точек роста, движения и опоры для Российской Федерации на очень важных стратегических направлениях развития, создании научной базы для академической мобильности студентов и преподавателей разных стран в целях повышения научного потенциала Каспийского региона, важности подготовки высококвалифицированных специалистов в разных областях с учётом специфики региона.

Панельная дискуссия «Большой Каспий: кооперация в научно-образовательной сфере»

Основой для развития кооперации научно-образовательных организаций, а также промышленных организаций является реализация совместных научных, инновационных и образовательных проектов. Пути и перспективы интеграции науки, образования и промышленности явились заглавной темой дискуссии.

Прозвучали экспертные мнения ректора Гилянского университета Ахмада Рази, председателя Правления – ректора НАО «Атырауский университет нефти и газа имени Сафи Утебаева» Шакуликовой Г.Т., ректора ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный технический университет» Суракатова Н.С., проректора по научной работе Астраханского государственного университета Федотовой А.В. и председателя Совета университетского консорциума исследователей больших данных, профессор ТГУ, профессор Орегонского университета Мягкова М.Г.

Предметом обсуждения стала возможность интеграции усилий вузов Каспийского региона, в котором прикладываются колоссальные условия для сотрудничества, но недостаточно развита инфраструктура взаимодействия. Было указано на необходимость определения четких задач, которые необходимо решать в

сфере сотрудничества и партнёрства. Участники отметили роль научных исследований в экономическом развитии регионов. У Каспийского региона колоссальные условия для сотрудничества и именно Каспий может стать примером академического, индустриального взаимовыгодного сотрудничества.

Открытый разговор «Молодежь в геостратегическом регионе»

Одним из знаковых событий Форума стал Открытый разговор «Молодежь в геостратегическом регионе», собравший представителей экспертного сообщества и студенчества Индии, Исламской Республики Иран, Италии, Мексики, России, Республики Корея и Туркменистана.

Экспертными мнениями поделились председатель Российского союза молодежи Краснoруцкий П.П., руководитель Агентства по делам молодежи Астраханской области Угаров Е.А., заместитель директора Департамента государственной молодежной политики и воспитательной деятельности Минобрнауки РФ Ведехин А.Ю., начальник отдела международной деятельности Управления молодежных проектов и программ Федерального агентства по делам молодежи Черногородова В.С., директор международного департамента университета Веракруза (Мексика) Ромэро Даниэль, директор по развитию технологий и инноваций Гилянского парка науки и технологий (Иран) Малекпур Амир, ректор Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова Николаев А.Н., исполнительный секретарь сети технопарков Гилянского парка науки и технологий (Иран) Махмуд Сабери Мотлагх, представитель сети технопарков Гилянского парка науки и технологий (Иран) Нур Ризк, профессор университета Молизе, (Италия) Федерико Пернацца, директор офиса управления международного колледжа университета Донгсо (Республика Корея) Ким Джонгхи, действительный член исследовательского фонда «Observer Research Foundation» Кашиш Парпиани, эксперт по международному праву университета Ка’Фоскари (Италия) Патрицио Барбиротто, проректор по научной работе Туркменского государственного университета имени Махтумкули Нурыбердыев Нурыберды Гарягдыевич, декан факультета социальных коммуникаций Астраханского государственного университета Баева Л.В.

Эксперты обсудили роль молодежи в достижении национальных целей и обеспечении устойчивого социально-экономического развития геостратегических регионов; возможности и современные вызовы для реализации потенциала студенческой молодежи; особенности молодежной политики, ее научные, образовательные и социокультурные аспекты; механизмы закрепления молодежи в научной сфере; карьерные траектории научного роста молодых специалистов; наращивание кадрового потенциала в геостратегическом регионе и роль вузов в

создании комфортной среды в регионах для успешной и перспективной траектории успеха современной молодежи.

Заседание экспертно-аналитического центра «Каспийский дискуссионный клуб»

В рамках Международного научного форума «Каспий-2021: пути устойчивого развития» важным событием стало подписание соглашение об организации и функционировании Межуниверситетского экспертно-аналитического центра «Каспийский международный дискуссионный клуб» между кафедрой политологии и международных отношений, Департаментом Евразии и Востока, Институтом исследований проблем юга России и Прикаспия Астраханского государственного университета, кафедрой международных отношений и зарубежного регионоведения Севастопольского государственного университета и информационно-аналитическим порталом «Каспийский вестник».

Состоялось учреждение Экспертно-аналитического центра «Каспийский дискуссионный клуб» и его первое заседание, целью которого была организация диалога научного и экспертного сообщества в разрезе глубокого объективного анализа политических, экономических и социальных процессов в Прикаспийском регионе.

Участниками Первого Заседания стали ученые ведущих университетов Каспийского региона, посол по особым поручениям Министерства иностранных дел Российской Федерации Петраков М.И., руководитель Федерального агентства по делам содружества независимых государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству в Туркменистане Белоглазов Е.В., председатель Научно-консультативного совета при Антитеррористическом центре государств — участников СНГ Кочубей М.А., заведующий кафедрой политологии и международных отношений астраханского государственного университета Усманов Р.Х., а также представители информационно-аналитического портала «Каспийский вестник» Синельщиков А.В. и Кондратьев В.В.

Участниками дискуссионного клуба дана оценка уровня научных исследований в сфере политического и социально-экономического состояния стран Каспийской пятерки, роль и влияние внешних акторов, востребованность работы экспертного сообщества по созданию информационной коммуникационной среды и перспективы научного сотрудничества, обсуждены перспективы интеграционных процессов, современные вызовы и угрозы региональной безопасности Большого Каспия

В рамках работы Клуба прошла презентация Энциклопедического словаря «Каспий: осевой регион Евразии. Политика на рубеже веков – взгляд из России»,

представленная профессором кафедры политологии и международных отношений Астраханского государственного университета Карабущенко П.Л.

По итогам заседания принято решение организовать открытую экспертно-аналитическую площадку на основе научной коллаборации в форме Межуниверситетского экспертно-аналитического центра «Каспийский международный дискуссионный клуб» для формирования диалога и всестороннего обсуждения политических, экономических, социальных и иных процессов в Прикаспийском и сопряженных с ним регионах.

Национальная конференция с международным участием «Каспий в цифровую эпоху»

Национальная конференция с международным участием «Каспий в цифровую эпоху» состояла из ряда круглых столов и других мероприятий, посвященных приоритетным направлениям развития Каспийского региона.

«Международные транспортные коридоры и логистические центры»

Одним из приоритетов развития Каспийского макрорегиона является построение мощной транспортно-логистической отрасли. В российской части Каспийского региона существует разветвленная сеть морских, сухопутных и смешанных маршрутов, функционируют крупнейшие региональные транспортные узлы Астрахань и Махачкала. Вместе с тем транспортный потенциал российских регионов в Прикаспии используется не в полной мере. Формирование современной транспортной инфраструктуры, развитие перевозок пассажиров и грузов, а также эффективной логистики, призваны содействовать экономическому росту и повышению качества жизни российских регионов в Прикаспии. Эти и другие вопросы были затронуты участниками данного круглого стола, собравшего представительную международную команду спикеров и докладчиков. Среди них Мирко Новак, руководитель представительства Ассоциации логистов Германии BVL в России, координатор международной рабочей группы по развитию МТК «Север-Юг», Добрынин А.П., член Экспертного совета Ассоциации «Афанасий Никитин», директор Центра геопространственного экономического анализа, Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Саид Джалалифар, член ирано-российской торгово-промышленной палаты, участник международной рабочей группы по развитию МТК «Север-Юг», Бегенч Мамедов, генеральный директор ОАО «Туркмен Милли Логистик», участник международной рабочей группы по развитию МТК «Север-Юг», Атул Упадхайай, директор Star Overseas Ltd, участник международной рабочей группы по развитию МТК «Север-Юг», Володин А.Б., директор Академии водного транспорта Российского университета транспорта, Калинина А.Э., ректор Волгоградского государственного университета,

Куприяновский В.П., заместитель директора по цифровой экономике Центра цифровых высокоскоростных транспортных систем Российского университета транспорта, член научно-технического совета Ассоциации «Афанасий Никитин», Гауз А.Н., член совета директоров ООО «СпецАвтоИнформ» (САИ), ведущий эксперт Министерства транспорта РФ, Милушкин С.Ю., генеральный директор АО «ОЭЗ «Лотос», координатор международной рабочей группы по развитию МТК «Север-Юг», Кротов С.В., советник декана факультета Политологии МГУ, эксперт по строительству объектов транспортной инфраструктуры МТК «Север-Юг», Гешлаги Мостафа Телебпур, советник по международному сотрудничеству первого заместителя Председателя Исламского Парламента Республики Иран, руководитель Секретариата проекта «Афанасий Никитин» в Иране, Иванов А.И., директор по развитию ООО «Трансазия Логистик», руководитель Комитета по логистике ассоциации «Афанасий Никитин», Зворыкина Ю.В., заместитель директора Института исследований и экспертизы ВЭБ РФ, Султанов Р.Б., заместитель начальника службы технической политики Приволжской железной дороги, Кириллова А.Г., руководитель Проектного офиса АО «РЖД Логистика», ученый секретарь Научно-технического совета ассоциации «Афанасий Никитин».

Участники поддержали необходимость внедрения и использования новых технологий в логистической сфере, в том числе, цифровых двойников с целью точного прогнозирования, предотвращения проблем до их возникновения и эффективного планирование на будущее. Была подчеркнута необходимо решать вопросы не только развития инфраструктуры транспортного коридора, но и организационные, нормативно-правовые проблемы и вопросы тарифного регулирования, особый упор необходимо сделать на кадровое обеспечение и подготовку кадров.

«Морская техника, судостроение и технологии освоения ресурсов Мирового океана»

Проблемы развития отечественного гражданского судостроения, законодательного регулирования навигации автономных судов, технологические запросы университетов и компаний-разработчиков телеуправляемых и автономных подводных аппаратов, законодательные инициативы, перспективы развития морского интернета вещей обсуждались на круглом столе «Морская техника, судостроение и технологии освоения ресурсов мирового океана», привлекшего к себе внимание около 200 экспертов, в том числе Боровков А.И., проректор по цифровой трансформации Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (СПбПУ), Никущенко Д.В., проректор по научной работе Санкт-Петербургского государственного морского технического университета (СПбГМТУ), Тимофеев О.Я, декан факультета кораблестроения и океанотехники

Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, Филаретов В.Ф., директор департамента автоматики и робототехники Института Мирового океана Дальневосточного федерального университета, Гуцуляк В.Н., Президент Ассоциации международного морского права, Скорупский А.В., первый заместитель генерального директора ООО ИТЦ «Сканэкс», Кошурина А.А, руководитель Приволжского проектного офиса Маринет, Мун С.А., директор ООО «Центр развития робототехники», Максименко Ю.А., проректор по научной работе и инновациям АГТУ, Титов А.В., проректор по цифровизации, инновациям и приоритетным проектам АГУ

С приветственным словом также выступил Саидахмад Азимов, руководитель программ отдела ИС для предпринимательства ВОИС.

Спикерами были затронуты проблемы интеллектуальной собственности как инструмента стимулирования научно-технического прогресса, технологий создания цифровых двойников, разработки новых высоконадежных информационно-управляющих систем для НПА, оснащённых манипуляторами, управляемых мониторинговых сетей на основе измерительных буев как одного из направлений «Морского Интернета вещей – MIoT», потенциала научного дивизиона Росатома для освоения морских ресурсов, перспективных технологий развития водного электротранспорта, организации молодежных соревнования по морской робототехнике, механизма привлечения бюджетных средств в передовые научно-технологические проекты и другие.

Участники приняли решение поддерживать создание на базе университетов и НИИ «подразделений-лидеров», таких как инжиниринговые центры, профильные центры компетенций, «стартап-студии», корпоративные базовые кафедры, которые обеспечат их динамичное и устойчивое развитие, находясь во взаимосвязи с ведущими российскими и зарубежными центрами исследований, инноваций и национальными чемпионами; продолжать практику создания спин-офф компаний университетов для использования существующих механизмов развития проектной деятельности, включая возможности привлечения финансовых ресурсов с помощью институтов развития, таких как «Сколково», «Фонд содействия инновациям» и многих других.

«Инновационные биоагропромышленные технологии для агробизнеса Каспия»

Традиционно отрасль АПК является одной из ведущих для Прикаспийских стран. Ежегодно мировая экономика существенно трансформируется и, как результат, появляется необходимость формирования прорывных решений и технологий по внедрению платформы по долгосрочному перспективному развитию агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов для их устойчивого социально-экономического развития, повышения конкурентоспособности отечественной продукции, усиления продовольственной безопасности, развития научной и инновационной направленности, таких как генетика и селекция, обеспечения эффективного вовлечения в оборот и управления землями сельскохозяйственного назначения, воспроизводства плодородия земель сельскохозяйственного назначения, цифровой трансформации.

Эти и другие вопросы развития АПК обсудили участники и эксперты научно-образовательных организаций: Прикаспийский аграрный федеральный научный центр РАН и его филиал – Всероссийским НИИ орошаемого овощеводства и бахчеводства; Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова; Московский государственный университет пищевых производств; Краснодарский государственный технологический университет; Астраханский государственный технический университет; Брянский государственный аграрный университет; Астраханский государственный медицинский университет; Азербайджанский Государственный Экономический Университет (UNEC); Государственный аграрный университет Молдовы, г. Кишинёв, Республика Молдова; филиал Россельхозцентра по Астраханской области и Астраханский государственный университет.

В роли спикеров выступили Журавлева Е.В., заместитель руководителя Администрации Губернатора Белгородской области – начальник управления науки Администрации Губернатора Белгородской области, Дубин Р.И., и.о. декана факультета агробизнеса, технологий и ветеринарной медицины Астраханского государственного университета, Арыкбаев Р.К., директор Института экономики Астраханского государственного технического университета, Голозубов О.М., ведущий научный сотрудник факультета почвоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Алешкин А.В., руководитель лаборатории клинической микробиологии и биотехнологии бактериофагов Московского научно-исследовательского института эпидемиологии и микробиологии им. Г.Н. Габричевского Роспотребнадзора, Настинова Г.Э., профессор кафедры общей биологии и физиологии Калмыцкого государственного университета имени Б.Б. Городовикова, Менькова А.А., профессор кафедры нормальной и патологической морфологии и физиологии Брянского

государственного аграрного университета, Лазько М.В., заведующий кафедрой зоотехнии и технологии переработки сельскохозяйственной продукции Астраханского государственного университета и другие.

Участники обсудили проблемы разработки персонифицированных кормовых рационов, применение молекулярно-генетических подходов в растениеводстве и животноводстве с целью повышения сельскохозяйственной продуктивности, применение искусственного интеллекта в агропромышленном комплексе, формирование безопасного пищевого пространства, а также вопросы подготовка кадров для Агропромышленного комплекса нового уровня.

В связи с этим, одной из немаловажных проблем Прикаспийских государств является устойчивое развитие агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов и формирование безопасного пищевого пространства.

В результате обсуждения были определены ключевые аспекты развития Прикаспийского региона по следующим направлениям: сохранение и мобилизация мировых генетических ресурсов для развития растениеводства и животноводства в целях обеспечения продовольственной и технологической безопасности Прикаспийского региона; обеспечение карантинной фитосанитарной безопасности в Прикаспийском регионе и использование микробиологических средств защиты растений и биологического контроля фитопатогенов; устойчивое развитие агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов; разработка и реализация современных технологических подходов к созданию новых инновационных продуктов, основанных на эффективном использовании природно-климатических условий и экологически безопасного сырьевого ресурсного материала Каспийского региона; удовлетворение кадровых потребностей ключевых работодателей в сельскохозяйственной отрасли экономики Прикаспийских государств.

«Комплексная безопасность Каспийского макрорегиона в цифровую эпоху: социокультурные, геополитические, экономические и экологические аспекты»

В рамках круглого стола обсуждались вопросы, связанные с проблемой военной безопасности Каспия, угроз и возможных конфликтов, миграционные процессы и национальная безопасность; правовые вопросы Каспия; экологическая безопасность Каспия и экономические проблемы, влияющие на безопасность Российского Прикаспия; проблемы безопасности в цифровую эпоху; социокультурная и геополитическая ситуация в Каспийском макрорегионе. В обсуждении приняли участие эксперты из Азербайджана, Казахстана, Канады, а также из российских городов: Астрахани, Элисты, Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда, Краснодара, Симферополя.

В качестве спикеров выступили Макстенек М.И., эксперт Научно-консультативного совета при Антитеррористическом центре СНГ, советник генерального директора ОПК-Ростех, Переслегин С.Б., директор Центра экономики знаний Международного научно-исследовательского института проблем управления, президент Фонда работников науки и культуры «Энциклопедия», научный руководитель проектной группы «Знаниевый реактор», Кривенькая М.А., доцент Центра регионоведения и гуманитарно-образовательного сотрудничества ИСГО МПГУ, Курбанов Р.А., советник Президента РАН, директор Института правовых исследований и региональной интеграции Российско-экономического университета им. Г.В. Плеханова, Белялова А.М., заместитель директора Института правовых исследований и региональной интеграции Российско-экономического университета им. Г.В. Плеханова, и.о. заведующего отделом международного сотрудничества Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Водолацкий В.П., депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ, Катлер Роберт М., научный сотрудник, Института Уóтерлу по проблемам сложности и инноваций Университета Уóтерлу (Уóтерлу, Канада), Мир-Бабаев Мир-Юсиф Фазил оглы, профессор Азербайджанского технического университета, Курепина Н.Л. профессор Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова и другие.

В результате обсуждения различных аспектов комплексной безопасности участники пришли к мнению, что на современном этапе Каспий представляет собой важный геостратегический регион, где у России имеется комплекс интересов в различных сферах экономики, политики, развития новых технологий, и самое главное, в обеспечении безопасности России в Каспийском регионе, проблему комплексной безопасности Каспия возможно решать только коллегиально, с учетом позиции всех заинтересованных акторов и всех профильных специалистов. Для этого необходимо выстраивать сетевую коллаборацию на уровне ведущих вузов и научно-исследовательских институтов. Проблематика, связанная с комплексной безопасностью, в частности с историей и современным состоянием межкультурных коммуникаций в регионе, должна в перспективе стать частью общеобразовательной среды для выработки общего, взаимовыгодного подхода к каспийскому пространству, его сохранности и перспективному развитию. В перспективе возможно создание совместных магистратур, учитывающих эту проблематику. На основе научной коллаборации для формирования диалога и всестороннего обсуждения политических, экономических, социальных и иных процессов в Прикаспийском и сопряженных с ним регионах организовать открытую экспертно-аналитическую площадку в форме Межуниверситетского экспертно-аналитического центра «Каспийский международный дискуссионный клуб». Для сохранения безопасности социальной среды полиэтничного региона, своевременного

реагирования на возникновение угроз со стороны экономической безопасности, на наш взгляд, необходимо совершенствование региональной нормативно-правовой базы, организационной системы деятельности органов государственной, муниципальной власти по обеспечению экономической безопасности.

Финансовая кибербезопасность

В ходе работы круглого стола участники обсудили вопросы социальной инженерии и финансового мошенничества в цифровой среде, психологические, юридические, экономические и технические аспекты противодействия финансовому мошенничеству, а также подготовку специалистов будущего, владеющих необходимыми знаниями в области цифровой экономики, психологически устойчивых и финансово-грамотных.

Центральным моментом обсуждения явилась цифровая платформа по развитию финансовой грамотности населения, включая повышение уровня осведомлённости о методах социальной инженерии.

В рамках форума было заключено трёхстороннее соглашение об использовании разработанных образовательных решений по цифровой финансовой грамотности между Астраханским отделением № 8625 ПАО «Сбербанк», Астраханским государственным университетом и Дагестанским государственным техническим университетом.

Эксперты из Астрахани, Москвы, Ростова-на-Дону, Алматы (Казахстан) обсуждали сразу несколько направлений развития подобных подходов и инициатив: проблема использования слабых паролей и ее программное решение; проблемы квалификации хищений с использованием электронных средств платежа; формирование психологической готовности к противостоянию финансовым мошенникам; платформа знаний для повышения цифровой финансовой грамотности; обучение финансовой грамотности и финансовому консультированию как фактор противодействия финансовому мошенничеству.

По итогам заседания участниками были приняты ряд инициатив. Вопрос повышения финансовой грамотности и осведомленности признан важным и актуальным для стран Прикаспия. Наличие цифровых образовательных решений способно превентивно минимизировать риск попадания граждан стран в такие ситуации. Были определены направления для научной коллаборации: совместный сбор данных и разработка решений на основе технологий искусственного интеллекта с использованием экспертных знаний в области психологии, экономики, юриспруденции и информационной безопасности. Астрахань может выступать в роли международного центра компетенций по финансовой киберграмотности в

Каспийском регионе. Роль ядра и центра координации готов взять на себя Астраханский государственный университет в партнерстве со Сбером.

Приоритетные направления развития комфортной городской среды в Прикаспийском регионе

Работа круглого стола состояла из двух треков.

Трек «Комплексное развитие территорий» был направлен на рассмотрение ключевых вопросов комплексного развития территорий в регионах в зависимости от их социально-экономических и географических особенностей. Обсуждались вопросы формирования зеленой комфортной среды, вопросы создания механизмов развития комфортной городской среды, механизмов государственной поддержки пространственного развития регионов, внедрения проектов экоустойчивого жилья, тенденции развития обучающих программ для более эффективной работы ЖКХ, инструменты комплексного развития территорий эффективные для использования на территории Астраханской Агломерации, перспективы развития универсальных градостроительных решений, которые можно смело реализовать в любом регионе России и другиею

Ключевыми спикерами выступили министр строительства и жилищно-коммунального хозяйства АО Полумордвинов О.А., заместитель генерального директора фонда ДОМ.РФ Финогенов А.В., начальник Управления обучающих проектов государственной корпорации – Фонда содействия реформированию ЖКХ Гришина О.А., руководитель отдела градостроительных исследований архитектурного бюро RTDA Попова Е.А., председатель Совета по экологическому строительству RuGBC Гай Имз, представители Агентства стратегического развития ЦЕНТР, Главный архитектор проекта ГАУ «Институт Генплана Москвы» Мустафин Г.М., Главный представитель Citythinking в России Хомяков Д.А., создатель урбанистического сообщества «НЕ МОГУ» Аверин А.В., директор ООО «НПО «Южный градостроительный центр» Прохоров А.Ю. и другие.

Трек «Аспекты градостроительной политики регионов» был направлен на объединение усилий государства, научного сообщества, коммерческих структур и общественных организаций в решении проблем по сбалансированному и устойчивому развитию поселений, городских округов путем повышения качества городской среды и улучшения внешнего облика, архитектурно-стилистических и иных характеристик объектов капитального строительства, внедрения передовых цифровых решений во все области городской жизни.

Ключевыми спикерами второго трека «Аспекты градостроительной политики регионов» выступили глава муниципального образования горд Астрахань

Пермякова М.Н.; и.о. зам. начальника Управления по строительству, архитектуре и градостроительству Администрации МО «Город Астрахань», главный архитектор Кузнецов Д.А.; начальник управления архитектуры и градостроительства Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Астраханской области Мендалиева З.Т.

Участники обсудили проблемы подготовки градостроителей в образовательных организациях, проблемы объектов культурного наследия в современной городской среде, совершенствование умных городов в пустынях в условиях Узбекистана, перспективы ревитализации территорий недействующих промышленных предприятий (на примере г. Макеевка, ДНР).

Образование 5G: AZ, IR, KZ, RU, TM

В работе круглого стола, состоявшегося на базе Института развития образования «Платформа», приняли участие более 120 участников из России (Астрахань, Москва, Волгоград, Пенза, Воронеж, Чеченская республика, Нижний Новгород, Красноярск, Санкт-Петербург, Иркутск, Ростов-на-Дону, Пермь, Саратов, Иваново и другие), Казахстана, Туркменистана, Луганской Народной республики - руководители и специалисты регионального и муниципальных органов управления образованием, руководители и педагогические работники организаций высшего, общего и дополнительного образования, студенты.

С приветственным словом к участникам обратились министр образования и науки Астраханской области Виталий Гутман и заведующий Международной научной лабораторией проблем информатизации и образовательных технологий Казахского национального педагогического университета имени Абая, академик Международной академии информатизации, академик Российской академии информатизации образования Есен Бидайбеков.

Темами для обсуждения на круглом столе стали ключевые вопросы цифровой трансформации образования как неизбежного этапа обновления обучения и воспитания в связи с внедрением цифровых технологий во все сферы общественной жизни, возможности диссеминации универсальных и вариативных решений цифровой дидактики офлайн и онлайн образования, механизмы сотрудничества организаций разного типа, позволяющих отслеживать развитие процессов цифровой трансформации образования и эффективно внедрять инновационные решения в практику.

Спикерами выступили: Веракса Н.Е., ректор Московской педагогической академии дошкольного образования, руководителя лаборатории психологии и педагогики способностей Института психолого-педагогических проблем РАО, главный редактор журнала «Современное дошкольное образование, Бидайбеков Е.Ы., заведующий Международной научной лаборатории проблем информатизации

и образовательных технологий Казахского национального педагогического университета им. Абая, Алматы, Казахстан; Ошанова Н.Т. заведующая кафедрой информатики и информатизации образования, Казахский национальный педагогический университет имени Абая: Рытов А.И., директор Московского центра развития кадрового потенциала образования, Рябова Е.В., руководитель Центра непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников «Учитель будущего» Астраханского государственного университета, Заславская О.Ю., научный руководитель департамента информатизации образования Московского государственного педагогического университета, Беляева Л.Л., старший методист Центра цифровой трансформации образования Хабаровского краевого Института развития образования»: Иванова Н.Ю., Генеральный директор группы компаний IPR MEDIA, Демченко Я.Л., директор института цифрового развития науки и образования Московского физико-технического института, Любимова Е.В., проректор по развитию цифрового контента АНО «Университет 2035» и другие.

По итогам работы круглого стола было принято решение рекомендовать Министерству науки и высшего образования РФ рассмотреть как основу новую модель цифрового университета, охватывающую четыре направления деятельности ООВО (образовательная деятельность; научно-исследовательская деятельность, административно-управленческая деятельность; управление инфраструктурой и кампусной сетью); включить в разрабатываемые Стратегии цифровой трансформации ООВО позиции, направленные на развитие: сервисов и пользователей; информационных систем; управления данными; модернизацию инфраструктуры; развитие кадрового потенциала; рассмотреть необходимость разработки образовательной программы «Обучение команд цифровой трансформации», направленной на формирование необходимых компетенций у следующих должностных ролей в ООВО: руководитель цифровой трансформации; технический руководитель; руководитель по продукту; руководитель по управлению данными.

Руководителям органов местного самоуправления муниципальных районов, муниципальных округов и городских округов в сфере образования, руководителям образовательных организаций рекомендовать активизировать работу по развитию условию для системного повышения качества и расширения возможностей образования в условиях НП «Цифровая образовательная среда»; - продолжить работу по формированию теоретико-методологических и научно-практических основ цифровой дидактики, направленную на повышение педагогической результативности процессов цифровизации образования и дидактического качества электронных образовательных ресурсов, онлайн-курсов и других цифровых образовательных продуктов.

Приоритетные направления развития аквакультуры в Прикаспии

С приветственным словом к участникам обратились Заместитель руководителя Федерального агентства по рыболовству Соколов В.И., проректор по учебной работе Астраханского государственного технического университета Квятковская И.Ю., Президент Ассоциации «Астраханьрыбхоз» Чертова Е.Н., Президент Отделения продовольственной безопасности Международной академии информатизации в Генеральном консультативном статусе с Экономическим и Социальным Советом ООН Поспелов В.А., руководитель высшей школы эклоги и биоресурсов НАО «Западно-Казахстанский аграрно-технический университет имени Жангир хана» (Казахстан) Шукуров М.Ж.

Участники заседания отметили, что в современных условиях динамичное и устойчивое развитие рыбной отрасли невозможно без развития научно-инновационного и технологического потенциала. Приоритетные направления научно-технического развития рыбохозяйственнного кластера в Каспийском регионе требуют использования новых технологических решений.

Спикерами по данным вопросам выступили Заместитель руководителя Волжско-Каспийского филиала ФГБНУ «ВНИРО» («КаспНИРХ») Шипулин С.В., доцент кафедры «Аквакультура» Университета Сент-Иштван (Венгрия), исполнительный секретарь Сети Центров аквакультуры в Центральной и Восточной Европе Лендъел Светлана, научный сотрудник отдела водных биологических ресурсов бассейнов южных морей ФИЦ ЮНЦ РАН Ковалева А.В., начальник центра аквакультуры Волжско-Каспийского филиала ФГБНУ «ВНИРО» («КаспНИРХ») Баринова В.В. и другие.

Были рассмотрены вопрос состояния водных биоресурсы Волго-Каспия и среды их обитания, применение интенсивных биотехнологий на основе исследований управления репродуктивной функцией осетровых видов рыб, факторы, влияющие на естественное воспроизводство полупроходных и речных видов рыб в дельте р. Волги в современный период, направления исследований в области искусственного воспроизводства и товарной аквакультуры в зоне ответственности Волжско-Каспийского филиала, развитие килечного промысла в Каспийском море, применение кормов с сорбирующими свойствами при выращивании объектов аквакультуры, оценка эффективности действия электрических полей на рыбу, особенности кормления старших возрастных групп речного окуня в искусственных условиях, подготовка специалистов будущего.

Участники круглого стола отметили, что с целью содействия развитию геостратегической территории Российского Прикаспия и Каспийского макрорегиона необходимо: развивать сотрудничество между научными и образовательными организациями Прикаспийского региона в сфере образования, науки и инноваций,

рекомендовать предприятиям, имеющим отношение к рыбной отрасли внедрять разработки научных коллективов региональных вузов и НИИ региона для повышения эффективности производственных и технологических процессов., рекомендовать Министерству экономического развития Астраханской области оценить потребности бизнеса в инновационных разработках и обеспечить его взаимодействие с вузами и НИИ региона для эффективного внедрения инновационных разработок в реальные сектора экономики, поддержать проект Астраханского государственного технического университета по созданию Рыбохозяйственного научно-образовательного центра (НОЦ «РЫБОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ», способствовать улучшению управления антропогенными нагрузками на водные биоресурсы и среду их обитания, в том числе водного режима р. Волга. продолжать восстанавливать килечный промысел в Каспийском море; расширять и совершенствовать искусственное воспроизводство водных биоресурсов, развивать товарную аквакультуру Прикаспийского региона. осуществлять рыбохозяйственную мелиорацию водных объектов в целях улучшения условий естественного воспроизводства и обитания водных биоресурсов, просить руководство Росрыболовства исключить прудовую акавакультуру (прудовое рыбоводство) из сферы действия приказа ФАР от 6 мая 2020 г. № 238 «Об утверждении Методики определения последствий негативного воздействия….».

Реализация предложенных мероприятий будет способствовать повышению конкурентоспособности Российского Прикаспия в сфере производства и переработки высокоценной пищевой продукции, будет обеспечивать укрепление позиций продовольственной безопасности Прикаспийских государств.

Симпозиум «Медицинское образование и наука в эпоху цифровизации»

Симпозиум, организованный Астраханским государственным университетом Минздрава России, был посвящен актуальным вопросам медицинского образования и науки в эпоху цифровизации. В ходе работы симпозиума был осуществлен обмен научной информацией и опытом в области педагогики высшей школы, в том числе медицинского образования, рассмотрены инновационные подходы к решению проблем дистанционного обучения студентов медицинских вузов, обсуждены методологические основы разработки информационной образовательной среды для подготовки кадров высшей научной квалификации, а также цифровые технологий как средства реализации практико-ориентированного обучения будущих врачей в соответствии с ФГОС 3++ в период пандемии COVID-19.

Симпозиум собрал около 100 участников из разных городов России и стран Прикаспия. Обсуждались методологические основы разработки информационной образовательной среды для подготовки кадров высшей научной квалификации

вопросы дистанционное обучение студентов медицинских вузов: вызовы времени и границы применения; цифровые технологии как средство реализации практико-ориентированного обучения будущих врачей в соответствии с ФГОС 3++ в период пандемии COVID-19, современные тенденции развития медицинского образования в мире как интерфейс для совершенствования программ доклинических предметов в российских медицинских университетах, перспектива развития искусственного интеллекта в нейроонкологии, стратегия цифровизации медицинского вуза: возможные пути разработки и реализации, интеграция дистанционного и очного обучения в медицинском вузе: вызовы времени, особенности психологического состояния студентов-медиков в условиях реализации образовательного процесса в дистанционном формате, опыт использования цифровых симуляционных технологий в Астраханском государственном медицинском университете, система контроля качества образовательной деятельности в медицинском вузе с применением цифровых технологий: опыт, перспективы развития, исследование потенциала повышения активности научно-исследовательской работы студентов по специальности педиатрия, возможности применения информационных технологий в преподавании дисциплины «фармакология», а также вопросы эффективного взаимодействия вуза, иностранных студентов и иностранных выпускников.

Комиссии по науке, исследованиям и технологиям Ассоциации государственных университетов и научно-исследовательских центров Прикаспийских стран

В работе второго заседания Комиссии по науке, исследованиям и технологиям Ассоциации государственных университетов и научно-исследовательских центров Прикаспийских стран участвовали представители вузов и научных организаций от Азербайджанской Республики: Азербайджанский университет туризма и менеджмента. Азербайджанский университет архитектуры и строительства, Азербайджанский технический университет; от Исламской Республики Иран: Мазандаранский университет сельскохозяйственных наук и природных ресурсов, Гилянский университет, Иранский национальный центр океанографических данных (INIOAS), Гилянский технопарк, Международный научно-исследовательский институт осетроводства, Международный университет им. Имама Хомейни; от Республики Казахстан: Атырауский университет имени Х. Досмухамедова, НАО «Атырауский университет нефти и газа имени Сафи Утебаева», Каспийского государственного университета технологий и инжиниринга им. Ш.Е. Есенова; от Российской Федерации: Астраханский государственный университет, Астраханский государственный медицинский университет Минздрава России

- Астраханский государственный технический университет, Астраханский государственный архитектурно-строительный университет, Волжско-Каспийский

филиал ФГБНУ «ВНИРО» (КАСПНИРХ), Дагестанский государственный университет, Дагестанский государственный педагогический университет, Дагестанский государственный аграрный университет, Дагестанский государственный технический университет, Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, Каспийский институт морского и речного транспорта имени генерала-адмирала Ф.М. Апраксина – филиал ФГБОУ ВО «ВГУВТ», Прикаспийский аграрный федеральный научный центр РАН; от Туркменистана: Туркменский государственный университет имени Махтумкули.

К участникам Комиссии с приветственными словами обратились Председатель Комиссии по науке, исследованиям и технологиям Ассоциации государственных университетов и научно-исследовательских центров Прикаспийских стран, ректор Астраханского государственного университета Маркелова К.А., Президент Ассоциации государственных университетов и научно-исследовательских центров Прикаспийских стран, ректор Гилянского университета (Иран) Ахмада Рази; Генеральный консул Исламской Республика Иран в г. Астрахань Мехди Акучекиан; Генеральный консул Республики Казахстан в г. Астрахань Умбетбаева Тауболды Балхияулы; консул Туркменистана в РФ в г. Астрахань Гараева Гуйча Арчаевича; Исполнительный директор Ассоциации государственных университетов и научно-исследовательских центров Прикаспийских стран, профессора Юрия Тимофеевича Пименова.

Комиссия отмечает, что в современных условиях цифровой трансформации мира, все большую актуальность приобретает международная научная коллаборация. Университеты и научно-исследовательские центры Прикаспийских государств должны стать единым научно-образовательным пространством, решающим политические, экономические, экологические проблемы Каспийского моря, молодежной и образовательной кооперации, а также взаимодействия научных центров. Эти области были отмечены как имеющие наибольший потенциал наращивания продуктивности сотрудничества в разных форматах.

Повестка заседания Комиссии включала проведение двух треков: перспективы развития интеграционного научно-образовательного пространства Каспийского региона и научная коллаборация как основа устойчивого развития Каспийского региона.

Трек «Перспективы развития интеграционного научно-образовательного пространства Каспийского региона» был посвящен ряду организационных и стратегических задач, таких как утверждение перечня Экспертных подкомиссий по актуальным для Каспийского макрорегиона проблемам, формирование единой базы ученых для поиска соавторов по международным научным проектам по утвержденным в Комиссии по науке, исследованиям и технологиям

Ассоциации государственных университетов и научно-исследовательских центров Прикаспийских стран подкомиссиям, разработка механизмов взаимодействия научных и образовательных организаций – членов Ассоциации государственных университетов и научно-исследовательских центров Прикаспийских стран в рамках совместных научных исследований.

В процессе работы были заслушаны экспертные мнения Исполнительный директор Ассоциации государственных университетов и научно-исследовательских центров Прикаспийских стран Пименова Ю.Т., начальника отдела международных программ РФФИ Сорокотяги Я.В, который привел статистические данные о размерах финансирования РФФИ грантов по Каспийской тематике и призвал активнее создавать международные коллективы и подаваться на государственное финансирование, руководителя представительства Россотрудничества в Азербайджанской Республике – Российского информационно-культурного центра в Баку Зиннурова И.Х., который призвал шире привлекать к рекрутингу Азербайджанскую ассоциацию выпускников российских вузов президент Гилянского технопарка (Исламская Республика Иран) Али Басти, директора Иранского национального центра океанографических данных (INIOAS) (Исламская Республика Иран) Бехруза Абтахи о проекте и предложении предоставить списки экспертов по вопросам экологии и воспроизводства биоресурсов Каспийского моря, руководителя Молодежного проектного офиса Астраханского государственного медицинского университета Минздрава России Полухиной Т.С.

По итогам первого трека члены Комиссии пришли к соглашению о необходимости формирования единой базы ученых и утвердить Экспертные подкомиссии по следующим научным направлениям: охрана окружающей среды и восстановление биоресурсов, инновационные биоагропромышленные технологии, транспортно-логистический комплекс, морская техника, судостроение, энергетика и технологии освоения ресурсов Мирового океана, здоровьесберегающие технологии, информационные технологии, цифровая экономика и образование, Устойчивое социогуманитарное развитие региона и проблемы межэтнических отношений. Молодёжь в Каспийском регионе, Химия и нефтегазовые технологии. Комиссии разработать и утвердить механизм взаимодействия научных и образовательных организаций – членов Ассоциации государственных университетов и научно-исследовательских центров Прикаспийских стран в рамках совместных научных исследований.

Целью трека «Научная коллаборация как основа устойчивого развития Каспийского региона» было формирование совместных научных проектов и команд по приоритетным направлениям развития и противодействию основным вызовам в Каспийском регионе для реализации проектов, направленных на устойчивое развитие Каспийского региона, а также принятие Протокола заседания Комиссии по

науке, исследованиям и технологиям Ассоциации государственных университетов и научно-исследовательских центров Прикаспийских стран

Ряд спикеров выразили желание сообщить о своем видении механизмов формирования международных научных проектных команд.

Мирхосейни Саедзи Альдин, проректор по научной работе и исследованиям Гилянского университета (Исламская Республика Иран) рассказал об опыте исследований в области экологии Каспийского моря и сохранения биоресурсов и предложил присоединиться к их проектам, а также поднять вопрос об обращении к Правительствам стран Каспийской пятерки об отдельном финансировании научных проектов по каспийской тематике.

Нурыбердыев Н.Г., проректор по научной работе Туркменского государственного университета имени Махтумкули сообщил о проектах по охране окружающей среды, реализуемых в Туркменском государственном университете и о создании постоянно действующей комиссии по охране окружающей среды, созданной по инициативе Президента Туркменистана Бердымухамедов Г.М.

Махмуд Азизи, директор офиса международного и научного сотрудничества, профессор Мазандаранского университета сельскохозяйственных наук и природных ресурсов (Исламская Республика Иран) сообщил о возможности присоединения к проектам в области наследия ремесел и культуры Ирана.

О предложениях включиться в уже реализуемые научные проекты сообщили также Идрисов С.Н., ректор Атырауского университета имени Х. Досмухамедова (Республика Казахстан), Алиреза Шенавар Масулех, директор Международного научно-исследовательского института осетроводства (Исламская Республика Иран), Канбетов А.Ш., руководитель центра коммерциализации НАО «Атырауский университет нефти и газа имени Сафи Утебаева» (Республика Казахстан), Байят Рохулах, проректор по науке Международный университет им. Имама Хомейни (Исламская Республика Иран), Рабазанов Н.И., директор Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук (ДФИЦ РАН).

Обсуждалась Дорожная карта работы Комиссии, в которую рекомендовано было включить следующие задачи и научные направления: координация смежных внутригосударственных и межгосударственных структур в области научных изысканий и тесной координации научно-исследовательских работ на Каспии в рамках единого координационного плана научных действий, комплексная оценка современного состояния и поиск путей устойчивого развития Каспийского моря как единой экологической системы для оптимизации его использования в хозяйственных и природоохранных целях, изучение закономерностей функционирования экосистемы моря на разных уровнях его биологической организации, долгосрочный экологический мониторинг и прогноз изменения состояния бассейна Каспийского моря, восстановление рыбной отрасли Дагестана

со всеми составляющими: искусственное воспроизводство рыбных ресурсов с использованием новейших технологий, охрана устьевых зон и нерестилищ и оптимизация использования с учетом возможностей переработки и реализации готовой продукции, почвенно-геоботаническое обследование территории в разрезе каждого типа почвы и определение допустимой нагрузки на пастбище в пределах каждого сельхозпредприятия, а также организацию и проведение круглого стола по опустыниванию прикаспийской низменности и деградации горных территорий.

Алиева Ирана, проректор по науке и развитию Азербайджанского университета туризма и менеджмента предложила выделить проекты по туризму в Прикаспийских странах и начать международное научное сотрудничество в этом направлении.

Обсудив текущие задачи, ознакомившись с отчетом о работе Комиссии за 2020 год и, подводя итоги заседания, присутствовавшие члены Комиссии приняли решение обратиться к XXIII Генеральной Ассамблее Ассоциации государственных университетов и научно-исследовательских центров Прикаспийских стран с просьбой о включении в повестку заседания вопросов об утверждении Положения о Комиссии по науке, исследованиям и технологиям Ассоциации государственных университетов и научно-исследовательских центров Прикаспийских стран; о формирования в каждом вузе и научно-исследовательском центре – участнике Ассоциации фонда для финансирования приоритетных научных проектов по Каспийской тематике, реализуемых на конкурсной основе; об обращении к организаторам II Каспийского экономического форума и Саммита Глав государств запроса о включение в повестку их заседаний вопроса о создании отдельного фонда для финансирования совместных научных грантов по Каспийской тематике, которые могли бы выделяться на конкурсной основе по согласованной Прикаспийскими странами тематике; поддержать решение о целесообразности формирования виртуального интеграционного научно-образовательного пространства Каспийского региона; поддержать инициативу Астраханского государственного медицинского университета Минздрава России о создании научно-исследовательского центра молодежных инициатив в рамках сотрудничества между вузами и научно-исследовательскими центрами по направлению «Здоровьесберегающие технологии»; Астраханского государственного университета о создании Центра коллективного пользования «Прикаспийский агротехнологический аналитический центр»; Астраханского государственного университета о проведении конкурса стартап-проектов 14-15 октября 2021 года с максимальным вовлечением команд всех членов Ассоциации; Азербайджанского университета туризма и менеджмента о проведении глубокого исследования современного состояния и перспектив туризма Прикаспийских стран с привлечением ученых из всех стран Прикаспия; Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук (ДФИЦ РАН) о проведении

Круглого стола по опустыниванию прикаспийской низменности и деградации горных территорий.

Первые Гужвинские чтения

I Гужвинские чтения «Анатолий Гужвин: эпоха и личность» проведены по инициативе губернатора Астраханской области Бабушкина И.Ю. и посвящены вкладу первого астраханского Губернатора в развитие региона.

Вспомнить выдающегося управленца, честного и совестливого человека в Астраханском университете собрались и те, кто лично знал Анатолия Петровича, дружил с ним, работал в одной команде или под его началом, и совсем молодые люди, студенты, для которых это имя – часть истории России.

С приветственным словом к участникам обратился Губернатор Астраханской области Бабушкин И.Ю., который, открывая встречу, подчеркнул своё глубокое уважение к предшественнику и сохранение преемственности в управлении регионом.

Все участник встречи имели возможность поделиться воспоминания, о времени, кола Анатолий Гужвин был губернатором Астраханского каря. Это время было непростым, ознаменовавшимся распадом Советского Союза.

Спикеры единодушно отмечали: вся деятельность Анатолия Петровича была направлена на укрепление роли Астраханской области на федеральной и мировой арене и неизменно проникнута искренней любовью к России, родному краю и его жителям, его вклад в развитие высшей школы региона, поддержку, казавшуюся тогда нереальной идею о создании в Астрахани классического университета, а первые пять иностранных студентов в области, граждане Туркменистана, получили бюджетные места для обучения благодаря личным усилиям Анатолия Гужвина, развитие потенциала Астраханской области, создание условий для сохранения добрососедских отношений в межэтническом регионе, развитие транспортного коридора «Север – Юг» и связанное с этим строительство порта Оля, придание астраханскому аэропорту статуса международного, усилия по отмене строительства канала Волга – Чограй и другие. Многое из того, что начал делать первый губернатор, успешно реализуется сейчас.

В рамках данного мероприятия работал круглый столом «Каспийское сотрудничество: Астраханская модель устойчивого развития России» и мастерская «Информационные ресурсы и региональная информатизация: как всё начиналось».

Принято решение сделать проведение «Гужвинских чтений» традиционным на базе Астраханского государственного университета.

Выступление на форуме Водолацкого Виктора Петровича, депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Анализ принятия законодательных инициатив для Каспийского региона. Новые формы интеграции»

Регион Каспийского моря является связующим логистическим звеном между прикаспийскими территориями и странами Персидского залива. В настоящее время на фоне активного развития мировой морской торговли потенциал сотрудничества в Каспийском регионе используется не в полной мере, объемы грузоперевозок через российские порты ежегодно снижаются. Для Российской Федерации увеличение интенсивности торгового оборота позволит поднять экономический потенциал регионов, прилегающих к данной территории, а увеличении грузооборота через Каспий обеспечит укрепление геополитического и политического присутствия Российской Федерации в Каспийском регионе, развитие устойчивых экономических и культурных связей с прикаспийскими государствами.

При этом интенсивное развитие центральноазиатского региона толкает страны к поиску новых торговых маршрутов и выстраиванию глобальных инфраструктурных проектов, в которых активное участие принимают страны Каспийского бассейна, это требует новых правил коммуникации и регулирования между всеми заинтересованными сторонами. Подписание Конвенции о правовом статусе Каспийского моря, подписанной в августе 2018 г. и соглашений о торгово-экономической деятельности прикаспийских государств позволило сконцентрировать внимание на дальнейшем совместном освоении региона и открыло новую веху в сотрудничестве. Это стало историческим для Каспийского региона событием, увенчавшим двадцатилетние переговоры по определению международно-правового статуса крупнейшего в мире замкнутого водоёма. Участники Конвенции – пять прикаспийских государств (четыре из которых входят в СНГ) – смогли договориться об основных принципах поведения и сотрудничества на Каспии. Документ закрепил мирный статус Каспийского моря и желание прибрежных государств развивать добрососедские отношения, на основе принципов: уважения суверенитета, территориальной целостности, независимости, суверенного равенства государств, неприменения силы или угрозы силой, взаимного уважения, сотрудничества, невмешательства во внутренние дела друг друга.

Ключевым моментом, зафиксированным в Конвенции, стало согласие всех прикаспийских стран с тем, что решение любых вопросов, касающихся Каспийского моря, относится к исключительной компетенции прибрежных государств.

Формат «пятерки», четко отфиксированный в Конвенции, крайне важен для правильного понимания региональных процессов, в частности, в свете существования у ряда аналитиков (например, американского научно-исследовательского «Центра каспийской политики») точки зрения о том, что к

каспийским государствам относятся Азербайджан, Туркменистан и Казахстан, а также такие страны, как Армения, Грузия, Узбекистан. При этом Россия и Иран из числа прикаспийских государств искусственно исключаются. Полагаю, что такая точка зрения не отражает ни исторических, ни географических, ни геополитических, ни иных реалий и не позволяет адекватно оценить суть проходящих в регионе процессов.

Страны Каспийского региона, сталкиваются с угрозами безопасности, обусловленными международным терроризмом, распространением террористической и связанной с ней экстремистской идеологии. В этой связи в ходе Пятого Каспийского саммита в г. Актау Республики Казахстан был подписан Протокол о сотрудничестве в области борьбы с терроризмом на Каспийском море к Соглашению о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море от 18 ноября 2010 г., который направлен на укрепление и расширение соответствующего сотрудничества прикаспийских стран.

Особое внимание в Конвенции уделено вопросам безопасности на Каспийском море. Найдено взаимоприемлемое решение по проблеме, касающейся возможности осуществления военной деятельности. Учитывая вероятность возникновения новых вызовов и угроз стабильности в регионе, а также принимая во внимание необходимость присутствия военных формирований на Каспии в антитеррористических целях был коллективно сформулирован принцип, касающийся «обеспечения стабильного баланса вооружений Сторон на Каспийском море, осуществления военного строительства в пределах разумной достаточности с учетом интересов всех Сторон, ненанесения ущерба безопасности друг друга». Этот принцип рассматривается во взаимосвязи с другими конвенционными принципами, а именно: «соблюдения согласованных мер доверия в сфере военной деятельности в духе предсказуемости и транспарентности в соответствии с общими усилиями по упрочению региональной безопасности и стабильности, в том числе в соответствии с заключенными между всеми Сторонами международными договорами», а также «использования Каспийского моря в мирных целях, превращения его в зону мира, добрососедства, дружбы и сотрудничества, решения всех вопросов, связанных с Каспийским морем, мирными средствами».

Помимо этого, Конвенция охватывает большой комплекс вопросов многостороннего сотрудничества в сфере экономики, транспорта и экологии. Статьей 19 документа в целях эффективного выполнения ее положений и обзора сотрудничества на Каспии предусмотрено создание механизма регулярных пятисторонних консультаций, который стал важным институтом сотрудничества в регионе.

Крайне важно вступление Конвенции о правовом статусе Каспийского моря в силу. Скорейшая ее ратификация Ираном стала бы весьма своевременным и

позитивным шагом, который придал бы импульс всему процессу прикаспийского сотрудничества.

Заключив Конвенцию, прикаспийские государства продемонстрировали миру сплоченность в создании эффективного механизма, позволяющего расширить перспективы реализации их потенциала. Созданы благоприятные условия для углубления взаимовыгодного экономического сотрудничества, развития новой транзитно-транспортной инфраструктуры. Урегулирование комплекса территориальных и ресурсных вопросов нацелено на устранение потенциальных разногласий. Это будет содействовать устойчивому развитию и стабильности в регионе, благотворно скажется на всех аспектах жизни в наших странах.

Регион располагает уникальными природными и историческими объектами и имеет потенциал к развитию круизного туризма, страны Каспия активно занимаются данным направлением. При этом большой эффект в данном направлении может быть достигнут от международного сотрудничества с разработкой маршрутов, включающих все страны региона.

Требуется увеличение предпринимательской активности во всем регионе; Важным становится внедрение цифровых технологий и возможность интегрировать информационные системы, особенно в области таможенного регулирования и коммуникации транспортных компаний. Выстраивание взаимосвязанной цифровой среды активно ведется не только странами Каспийского региона, но и на всем евразийским пространстве. Перспективной является возможность создания совместной международной транспортно-логистической компании, которая заложена в Стратегии развития Каспийского региона РФ.

Для реализации всех поставленных задач требуется снятие административных и тарифных барьеров. Гармонизация законодательства, правил, тарифного регулирования для создания конкурентных условий транспортировки и формирования экономической целесообразности развития предпринимательства. Унификация тарифов – большой вызов для прикаспийских стран, это возможно только при совместном решении поставленной задачи. Стимулом к активизации торговли в регионе может стать создание комплекса соглашений о свободной торговле и снижение тарифов для стимулирования создания новых цепочек стоимости. Россия еще в 1994 году заключила соглашения о свободной торговле с Азербайджаном и Туркменистаном, в 2018 году было подписано соглашение о преференциальной торговле с Ираном, что дает перспективы к более выгодному сотрудничеству в регионе.

Еще один важный вопрос – быстрое и безбарьерное прохождение границ, в этом плане следует развивать сотрудничество таможенных органов – «зеленые коридоры». Они важны и для транзитных грузов, и для прямой торговли, здесь есть большой потенциал создания добавленной стоимости. Следует рассмотреть

возможность создания единого полномочного экономического оператора, требуются полномочные экспортеры, позволяющие снижать документальную и финансовую нагрузку.

Выстраивая совместную работу со странами, участвующими в создании глобальных транспортных путей, таких как проект Шелкового Пути, Китай готов инвестировать в создание необходимой инфраструктуры на условиях, выгодных для всех сторон. Транскаспийский торговый транспортный коридор открывает пути развития всего евразийского пространства. Каспий имеет потенциал наращивания грузооборота с Индией и Китаем, так как основными ресурсами прикаспийских стран являются углеводороды и продовольственная продукция, которые востребованы на центральноазиатском рынке. При этом рост экономики этих стран приводит к потребности поиска наиболее комфортного и быстрого пути по доставке грузов в европейские страны и из них. Активно растет торговая деятельность таких стран, как Пакистан и Бангладеш, для которых использование транскаспийского торгового маршрута может быть интересно.

При подробном рассмотрении перспектив, имеющихся в Каспийском регионе, можно выделить следующие наиболее важные проблемы и возможности их решения:

1. Коммуникация прикаспийских стран по развитию взаимовыгодных отношений и условий торговли внутри региона и работе с внешними партнерами (решение — организация работы единого логистического оператора, позволяющего снизить барьеры по транспортировке грузов. На основе подписанных соглашений, координация работы всех прикаспийских стран по формированию и эксплуатации торговой инфраструктуры).

2. Всестороннее инфраструктурное развитие региона требует вовлечение всех прикаспийских стран в равной степени, уже сегодня на Каспии активно складывается современная портовая инфраструктура, которая станет толчком для интенсификации торговли, а также позволит развивать туристическую деятельность в регионе.

3. В период существования СССР Каспийский регион имел значительную интеграцию с европейской частью страны и позволял осуществлять транспортировку грузов и людей по речным маршрутам Волго-Донского бассейна, сегодня стоит вопрос восстановления данной возможности. Требуется логистическое развитие всего речного маршрута и формирование необходимого количество поддерживающих объектов на протяженности торгового пути. Строительство новых судов река-море, позволяющих заходить в Волгу и осуществлять движение по рекам, а также развитие флота на Каспийском море, позволяющего более эффективно транспортировать грузы.

4. Каспийский регион имеет выгодное географическое расположение и привлекает внимание крупнейших торговых стран мира, как альтернатива существующим коридорам реализации продукции, поэтому привлечение инвестиций внешних игроков, таких как Китай, может в значительной мере ускорить развитие региона. Вложения в Каспий могут быть интересны и Индии, Пакистану, Бангладеш и другим азиатским странам, ведущим торговлю с Европой.

5. Политическая ситуация вокруг Ирана и России оказывает влияние на экономическое развитие всего Каспийского региона. К сожалению, полного решения данной проблемы сегодня не существует, при этом развитие двусторонних соглашений и ведение торговли в национальных валютах частично снимают имеющиеся ограничения. Развитие региональных союзов также становится значительным фактором, снимающим наложенные ограничения. Для полного решения требуется реформирование международных организаций, таких как ВТО, и усиление их роли.

Отмечается важность развития Каспийского региона для Российской Федерации, в особенности для тех ее субъектов, которые непосредственно расположены на границе (Астраханская область, Республики Калмыкия и Дагестан). На сегодняшний день данные регионы имеют низкий уровень конкурентного и инфраструктурного потенциала, при этом — в случае увеличения грузооборота в прикаспийском регионе — именно они получат наибольшую выгоду и рост ВРП (Валовой региональный продукт) за счет развития торговой инфраструктуры, появления новых рабочих мест и развития новых отраслей экономики, таких как туризм.

Для этого Комитет Государственной Думы ФС РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками выступил с инициативой перед Президентом РФ В.В. Путиным с необходимостью увеличения в разы количества иностранных студентов для обучения в российских вузах, в т.ч. и в Астраханском государственном университете, для того чтобы выполнить тот полный объем мер и действий, которые рассматриваются на нашем сегодняшнем Форуме, необходимо готовить специалистов из дружественных для нас стран.

В заключительной Резолюции форума отмечено, что участники Международного форума «Каспий 2021: пути устойчивого развития»:

КОНСТАТИРУЮТ, что Международный форум «Каспий 2021: пути устойчивого развития» (далее – форум) стал одной из авторитетных международных дискуссионных площадок по обсуждению вопросов укрепления позиций России на Каспии, достижения национальных целей по ускорению экономического роста и инновационного развития, экспорта российского образования в страны Прикаспия, закрепления талантливой молодежи в геостратегическом регионе;

ВЫРАЖАЮТ уверенность в том, что наращивание научного, образовательного, экономического, гуманитарного сотрудничества между странами и народами Каспийского региона будет способствовать развитию их технологического потенциала в интересах повышения качества жизни людей, стабильного и гармоничного развития Прикаспийских государств и мира в целом;

ОТМЕЧАЮТ, что результатом совместной работы должно стать налаживание тесного научно-образовательного сотрудничества «Каспийской пятёрки», укрепление позиций Астраханской области как связующего звена в вопросах международного взаимодействия.

Для цитирования: Федотова А. В., Космачева О.Ю., Колесникова Е. М., (2021). II Международный научный форум «КАСПИЙ 2021: ПУТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ» 26-28 мая 2021 г., Астрахань *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности,* (2), 100 -135.

DOI 10.21672/2713-024X-2021-2-1-100-135

CONTACTS

Founder / Publisher: Astrakhan State University

Address: 20a Tatischev Street, Astrakhan Russia 414056

Address of Editorial board: 20a Tatischev Street, office 412, Astrakhan Russia 414056

Editor-in-Chief: Dr. Anna P. Romanova

In case you have any questions about co-operation please write an e-mail the following address: caspiumsecuritatis@asu.edu.ru

Phone: +7 (8512) 24-64-88

КОНТАКТЫ

Учредитель / Издатель: ФГБОУВО "Астраханскийгосударственныйуниверситет"

Юр. Адрес: 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а,

Адрес редакции: 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, ауд. 412

Главный редактор: д. филос. н. Анна Петровна Романова

По всем вопросам сотрудничества и публикации материалов обращаться по e-mail: caspiumsecuritatis@asu.edu.ru

Телефон: +7 (8512) 24-64-88